ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4/2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным науками РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. *Ломоносова*

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономических исследований *Д*ВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 4/2025

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 21.08.2025
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4298-25

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Андрюшин С.А., Головнин М.Ю.

Исследование проблем денежного обращения и кредита в Институте экономики РАН: теория и практика (1930–2025 гг.) 7

Вардомский Л.Б., Куликова Н.В., Толорая Г.Д., Яковлев А.А.

Страны российского пояса соседства в исследованиях Института экономики Российской академии наук: история, методология, результаты 33

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ядгаров Я.С.

Вехи формирования нравственных оснований российской политической экономии в XIX веке 59

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Осадченко Е.А.

Оценка энергетической безопасности регионов России 75

Соколов А.Б.

Государственная поддержка отрасли телекоммуникаций в целях достижения технологического суверенитета 95

Грибанова О.М.

Трансформация институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях: цели и актуальные задачи 114

ФИНАНСЫ

Рубинштейн А.А.

К вопросу о снижении ключевой ставки 125

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Белицкая А.В., Яковлев А.А.

Международная экономическая интеграция: новый уровень заключения общественного договора? 150

Фролова Н.Д.

О роли компаний с государственным участием в экономике Республики Беларусь 167

CONTENTS

95TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Andryushin S.A., Golovnin M.Yu.

Monetary Studies at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences: Theory and Practice (1930–2025) 7

Vardomskiy L.B., Kulikova N.V., Toloraya G.D., Yakovlev A.A.

The Countries of the Russian Neighbourhood Belt in the Research of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences: History, Methodology, Results 33

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Yadgarov Ya.S.

Milestones in the Formation of Moral Foundations of Russian Political Economy in the 19th Century 59

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Osadchenko E.A.

Energy Security Assessment of Russian Regions 75

Sokolov A.B.

State Support for the Telecommunications Industry in order to Achieve Technological Sovereignty 95

Gribanova O.M.

Transformation of Public Administration Institutions in New Socio-Economic Conditions: Goals and Current Tasks 114

FINANCE

Rubinstein A.A.

On the Question of Key Rate Reduction 125

WORLD ECONOMY

Belitskaya A.V., Yakovlev A.A.

International Economic Integration: a New Level of a Social Contract? 150

Frolova N.D.

On the Role of State-Owned Enterprises in the Economy of the Republic of Belarus 167

95-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С.А. АНДРЮШИН
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

М.Ю. ГОЛОВНИН
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор ФГБУН Институт экономики РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И КРЕДИТА В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ РАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (1930–2025 гг.)

В данной статье, посвященной 95-летию Института экономики РАН, рассматриваются фундаментальные и прикладные исследования сотрудников Института экономики, посвященные проблемам денежного обращения и кредита. В ней нашли отражение вопросы, связанные: с теорией денег и теорией кредита; с организацией денежного обращения и кредитных отношений; регулированием инфляции и инфляционных ожиданий; развитием мировой валютной системы и выбором национальных режимов валютного курса; с принципами и перспективами развития денежно-кредитных систем; историей денежных и банковских кризисов, а также с исследованиями денежных и кредитных реформ.

Ключевые слова: *денежное обращение, денежно-кредитная система, банковская система, денежные кризисы, денежные реформы, инфляция, теория денег, теория кредита, валютный курс, мировая валютная система, цифровые финансы.*

УДК: 336.01, 336.7

EDN: SCOPBS

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_7_32

Исследование фундаментальных и прикладных проблем в области денежного обращения и кредита было и остается важным направлением научной деятельности ученых Института экономики Российской академии наук (до 1991 г. – АН СССР). Данные исследования в условиях советской экономики служили обоснованием планомерного обеспечения устойчивости денег, форм и видов кредита; укрепления денежного обращения и кредитных отношений, способствующих планомерному, пропорциональному развитию народного хозяйства; увеличения товарных масс и устойчивости цен на товары и услуги, регулируемых и контролируемых государством. В условиях российской экономики данные исследования являлись обоснованием развития в России современной системы денежного обращения и кредита, формируемой на рыночной основе, и проведения денежно-кредитной политики Банка России, нацеленной на обеспечение экономического развития, ценовой и финансовой стабильности, развития национальной платежной системы и поддержания технологических инноваций в денежно-кредитной сфере.

Данный обзор будет рассмотрен нами через призму «исторического контекста», поскольку исследования сотрудников Института экономики АН СССР и Института экономики Российской академии наук (далее – ИЭ РАН), посвященные проблемам денежного обращения и кредита, осуществлялись в рамках соответствующих экономических систем и не могут рассматриваться в отрыве от их особенностей и идеологических рамок, свойственных тому или иному периоду.

В области денежного обращения и кредита можно выделить ряд направлений, в исследовании которых принимали участие сотрудники ИЭ РАН, специализирующиеся в этой сфере, а именно:

– теория денег и организация денежного обращения;
– теория кредита, виды и формы кредитных отношений;
– инфляция и механизмы ее регулирования;
– мировая валютная система, валютный курс и режимы его функционирования;
– денежно-кредитная система: принципы, организация и перспективы;
– денежно-кредитные реформы и особенности их проведения;
– история денежных и банковских кризисов.

Остановимся теперь кратко на основных результатах научной деятельности сотрудников Института экономики, принимавших участие в разработке перечисленных выше направлений фундаментальных и прикладных исследований, осуществляемых на протяжении всего 95-летнего периода функционирования Института.

Труды советских экономистов (1930–1991 гг.)

Теория денег и организация денежного обращения

Марксистская теория денег и кредита занимает центральное место в трудах советских экономистов. В рамках теории денег в основном излагались вопросы сущности и функций денег, главной из которых признавалась функция меры стоимости. В социалистическом хозяйстве действительными деньгами считалось золото, которое, по мнению Я.А. Кронрода, функционирует как мера стоимости, обладает внутренней стоимостью, является всеобщим эквивалентом и особой категорией товарного хозяйства, а при помощи масштаба цен она соизмеряет стоимость различных товаров и услуг [1, с. 8, 194, 213, 221, 226].

В то же время, по мнению И.А. Трахтенберга, из функции денег как средства обращения возникает возможность замены полноценных денег (золота) знаками (бумажными и кредитными) стоимости. Данное утверждение отличалось от традиционного марксистского определения ценности денег, выводимой из внутренней цены золота как полноценных денег [2, с. 168]. На практике в советской экономике знаки денег (бумажные и кредитные), не имеющие внутренней стоимости, полностью замещали золото во внутреннем денежном обороте. Но при этом подчеркивалось, что их количество в обращении должно было планомерно увязываться с потребностями развития всего народного хозяйства [3, с. 32, 154].

Деньги как экономическая категория в условиях социализма, как отмечал К.Н. Плотников, бывший директором Института экономики АН СССР в 1959–1965 гг., используются в качестве экономического инструмента планового ведения хозяйства, обслуживания социалистического производства и распределения общественного продукта для производительного и личного потребления [4, с. 6]. Плановое ведение хозяйства способствовало введению в практику денежного обращения системы балансов денежных доходов и расходов населения, кассовых планов Госбанка СССР как в территориальном разрезе, так и по союзным республикам, что должно было способствовать устойчивости денег, определению и регулированию их количества в обращении. При этом кассовый план Госбанка СССР определял источники и размеры поступлений наличных денег в кассы банка, направления их выдачи для обслуживания денежных доходов и расходов населения [3, с. 325–327].

Важную роль в практическом применении проводившихся в Институте экономики АН СССР исследований в области денежного обращения и дальнейшего развития этих исследований стало проведение совместной с Госбанком СССР конференции по данной проблематике. Ее проведение было инициировано письмом директора Института экономики АН СССР Е.И. Капустина от 30.01.1975 г.

председателю Госбанка СССР М.Н. Свешникову, где директор Института предлагает проведение совместных с Госбанком исследований и их последующее обсуждение, а также созыв научной конференции по проблеме денежного оборота в СССР в середине 1975 г. Всесоюзная научная конференция «Проблемы денежного оборота в СССР» была проведена в 1976 г. в Москве Институтом экономики АН СССР совместно с ЦЭМИ АН СССР, Научным советом АН СССР по проблеме «Научные основы хозяйственного расчета». Однако материалы конференции не получили широкого распространения, поскольку были изданы с пометкой «Для служебного пользования». На конференции, в частности, критиковались крайние позиции, абсолютизировавшие и принижающие роль денег при социализме; имела место дискуссия о распространении закона денежного обращения на безналичный денежный оборот; были подчеркнуты недостатки кредитного механизма, в том числе наличие элементов автоматизма в предоставлении некоторых ссуд, частичное использование кредита для осуществления нерациональных расходов предприятий и др. [5].

В то же время в отдельных работах сотрудников ИЭ РАН анализируются периоды, когда могут наблюдаться отклонения общего уровня цен товаров от ранее сложившихся их уровней, не связанные непосредственно с изменениями стоимости. В связи с этим проводился тщательный анализ взаимосвязи денежного обращения и оборота товарных запасов, прежде всего в области влияния таких отклонений на покупательную способность денежной единицы, ее золотого содержания и масштаба цен. Данная мера была направлена на внесение корректировок в совокупный денежный оборот в рамках планомерного процесса ценообразования. Это позволяло поддерживать необходимые пропорции при отклонениях в ходе выполнения плана благодаря мобилизации дополнительных ресурсов и использованию резервов экономии [3, с. 35, 157–158].

В состав совокупного денежного оборота в социалистическом хозяйстве, по мнению В.М. Батырева, входили: во-первых, оборот денег в кругообороте фондов социалистических предприятий, систематически проходящих денежную фазу (авансирование денег и поступление их из оборота, обращение денег между предприятиями и организациями); во-вторых, оборот денежных доходов населения, получаемых в основном от государственных и кооперативных предприятий и организаций в оплату труда и в порядке социального обеспечения, расходуемых на оплату товаров и услуг; в-третьих, оборот денежных накоплений через финансовую систему, в процессе которого осуществлялось планомерное распределение стоимости прибавочного продукта; в-четвертых, оборот средств в непроизводственной сфере [3, с. 61].

При этом проблема оптимальной взаимосвязи денежного обращения и кредита приобрела исключительное значение. Так, например, О.Л. Рогова в своей монографии «Денежное обращение и краткосрочный кредит» отмечает, что возможность размещения заемных средств сверх реальных возможностей денежного обращения, отвечающих данному уровню развития товарного производства, приводит к несоответствию фактического размера и структуры денежных средств объективным требованиям закона денежного обращения. Поэтому для того чтобы наличие излишних средств в обороте не привело к отрицательному влиянию кредита на денежное обращение, необходимо создать запасы товарно-материальных ценностей сверх объективно необходимых, которые должны быть учтены при составлении балансов товарно-материальных ценностей и денежных средств, краткосрочных кредитов и товарных фондов [6].

Повышение товарно-денежной сбалансированности в экономике, а именно наличие согласования потребностей в материальных ресурсах с объемом необходимых денежных средств, напрямую зависит от структуры экономически обоснованного денежного оборота, параметры которого, по мнению О.Л. Роговой и М.Ф. Моисеевой, следует рассчитывать на базе системы балансовых моделей денежного оборота. Это, как отмечают авторы, позволит рассчитать необходимое количество денежных средств (с учетом кредитных ресурсов банков, дополнительных доходов бюджетной системы и централизованных денежных фондов), обеспечивающих сбалансированное развитие основных секторов экономики, производственной и непроизводственной сферы, населения и финансовой системы [7].

Теория кредита, виды и формы кредитных отношений

Существенной стороной системы денежного обращения при социализме является опосредованное замещение денег кредитом, трактуемое как временно высвобождаемые денежные средства социалистических предприятий, а также выпуск кредитных средств обращения и перечисления денежных сумм по счетам [3, с. 201]. Поэтому в марксистской терминологии кредит есть форма движения ссудного капитала, экономическая природа которого, по мнению И.А. Трахтенберга, принципиально отличается от экономической природы «фиктивного капитала» [8, с. 438]. Именно в фиктивном капитале производственные отношения достигают предельной фетишизации через займы, способствующие появлению в денежной системе различных видов ценных бумаг, трактуемых как титулы собственности и дохода, дающие право на присвоение доли создаваемой в обществе прибавочной стоимости.

В работах советских экономистов утверждается, что в социалистическом обществе связь денежного обращения с банковским кредитом

более тесная, чем при капитализме. Это, по мнению В.М. Батырева, создает дополнительные возможности для планирования денежного обращения, непосредственно связанного с ростом кредитования народного хозяйства [3, с. 32, 154]. Именно благодаря кредиту денежные средства, высвобождающиеся в процессе кругооборота производственных фондов и фондов оборотных средств, централизуются, а затем с помощью банков планомерно распределяются и используются в виде ссуд в соответствии с потребностями всего общественного воспроизводства [4, с. 152, 153, 155].

Советские экономисты в своих работах подробно анализируют виды и формы кредитных отношений в рамках системы кратко- и долгосрочного кредитования, реализуемых в экономике через утвержденные планы краткосрочного и долгосрочного (для воспроизводства основных фондов) кредитования. И если план краткосрочного кредитования (до года) связан с финансированием воспроизводства оборотных фондов (например, выплата просроченной задолженности по заработной плате или заготовка материальных ценностей), то план долгосрочного кредитования (до шести лет) – с воспроизводством основных фондов через целевые ссуды Госбанка и Стройбанка под 0,5% годовых, исходя из лимита годового объема капитальных вложений с учетом собственных средств предприятий, предназначенных на капитальное строительство, а также включения предприятия в план капитального строительства и титульные списки строек [4, с. 6–7].

Таким образом, характер денежной и кредитной системы социализма, по мнению В.М. Батырева, способен обеспечить широкий охват безналичными расчетами (в формах платежного оборота, зачета взаимных требований, аккредитивов и специальных счетов) всех платежных связей между хозяйственными предприятиями и населением. В этом обороте денег происходит полное, устойчивое и непрерывное замещение кредитом не только обращения действительных денег, но и банковских билетов, наличных денег, эмитируемых Госбанком – расчетным центром денежно-кредитной системы страны. В этом видилось принципиальное отличие социалистической денежной системы от денежной системы капиталистических стран [3, с. 225, 226, 233].

Инфляция и механизмы ее регулирования

Инфляция как важная экономическая категория всегда сводилась советскими экономистами исключительно к денежной инфляции. Существенными чертами этой категории, по мнению И.А. Трахтенберга, являются: во-первых, переполнение каналов денежного обращения деньгами сверх потребности народного хозяйства; во-вторых, повышение номинальной стоимости бумажных денег (или обесценение бумажных денег против их реальной

стоимости); и, в-третьих, перераспределение собственности в национальном доходе в пользу крупного капитала и падение реальной заработной платы [2, с. 635–636].

При этом инфляция, по мнению Я.А. Кронрода, никак не может быть отождествлена с тезисом о ее «многофакторности». В качестве обоснования этого вывода им назывались две причины. Во-первых, многофакторность смешивает объективные факторы состояния экономики и само функционирование этой экономики. Во-вторых, многофакторность смешивает различные закономерности движения цен, что затушевывает экономическую природу инфляции [8, с. 179–180]. При этом сами эти факторы, не будучи проявлением инфляции, создают необходимые условия для повышения инфляции, превращения ее из ползучей в интенсивную, и даже в гиперинфляцию.

Инфляция, не переставая быть чисто денежным феноменом, в условиях бумажно-денежной экономики постоянно наполняется новым содержанием, связанным с новыми формами и факторами движения цен, которые в совокупности, как было замечено Я.А. Кронродом, следует называть инфляционным потенциалом бумажно-кредитных неразменных денежных систем. Данный вывод подтверждают результаты исследования И.А. Трахтенберга, изложенные им в книге «Кредитно-денежная система капитализма после Второй мировой войны». В частности, повышение товарных цен есть лишь внешнее выражение, симптом инфляции. Повышение цен может быть инфляционным, но оно может носить и иной характер, вызванный факторами, не лежащими на стороне денег [9, с. 677–680].

Мировая валютная система, валютный курс и режимы его функционирования

В 1937–1939 гг. в Институте экономики АН СССР работал А.А. Громыко, который впоследствии стал министром иностранных дел СССР. В 1961 г. под псевдонимом Г. Андреев он выпустил книгу «Экспансия доллара», в которой объяснял лидирующую роль американской валюты в современной мировой валютной системе, ролью США в международных кредитных организациях, борьбой американских монополий за захват лидирующих позиций на ведущих мировых товарных рынках (нефти, каучука и др.) и активной экспансией американского капитала на международных рынках денег и капитала [10].

В Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, выделившемся из Института экономики АН СССР в 1960 г., изучались вопросы функционирования валютной системы в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). Известно, что в СЭВ имела место особая коллективная валюта (переводной рубль),

которая использовалась для взаимных торговых расчетов и эмитировалась в обращение на основе плановых экспортных поставок. При этом М.С. Любский отмечал, что валютные курсы не всегда отражали действительные соотношения внутренних цен в национальных хозяйствах стран СЭВ. Поэтому для увязки внутренних и внешнеторговых цен использовались валютные коэффициенты [11].

Важный вклад в исследование валютных курсов делает И.А. Трахтенберг, когда рассматривает вопрос о двух сторонах обесценения бумажных денег: по отношению к золоту и иностранным валютам, с одной стороны, и по отношению к товарам – с другой. Единство и различие этих процессов имеет большое значение для понимания экономической роли валютного курса, явлений валютного демпинга и прочих обстоятельств [2, с. 200–203].

Золото – деньги, или золотой запас, по мнению В.М. Батырева, сохраняет значение в обеспечении устойчивости денег, однако главным образом как фонд мировых денег, используемый в меру необходимости для увеличения товарных масс во внутреннем обороте, для урегулирования платежных балансов социалистических стран, а при выходе национальных валют на внешние рынки – для поддержания установленных паритетов их валют [3, с. 182].

Курс национальных (бумажных) денег определялся как ценность бумажных денег в золоте или номинальной ценой бумажных денег. При этом он не сводился к покупательной силе бумажных денег, представляющей ценность бумажных денег в товарах. Поэтому отсутствие равенства между ценой бумажных денег и их покупательной силой объяснялось специфическими особенностями золота как товара. Это означает, что бумажные деньги не являются самостоятельным мерилом ценности товаров и их валютный курс (фиксированный) будет колебаться в рамках узкого коридора вокруг номинального курса, устанавливаемого автоматически в процессе международной торговли между странами [2, с. 205–209].

Денежно-кредитная система: принципы, организация и перспективы

Принципы организации стабильного функционирования денежно-кредитной системы, по нашему мнению, наиболее полно были изложены Я.А. Кронродом в его фундаментальных трудах, посвященных анализу развития национальных и международных денежно-кредитных и валютных систем [1; 8]. Данные принципы он выводил из анализа нерасторжимого единства золота, организационных структур и процессов функционирования денежно-кредитной и валютной системы и инфляции. При этом он отмечал, что изолированно, сами по себе, вне данного единства ни одна из этих трех составляющих денежно-

кредитной и валютной системы не может эффективно существовать и развиваться [8, с. 162].

Группируя вышеназванные факторы стабильного функционирования денежно-кредитных и валютных систем, Я.А. Кронрод предложил следующую систему принципов, гарантирующую стабильное функционирование денежно-кредитных и валютных систем:

– использование золота в качестве реальных денег, выполняющих функцию меры стоимости;
– идентификацию реальных денег без внутренней стоимости и замену их полноценными деньгами, имеющими такую стоимость;
– отделение инфляции от факторов и форм, способствующих развитию инфляционных процессов в экономике [1, с. 8, 194, 213, 221, 226].

Денежно-кредитная система, основанная на бумажно-денежном обращении, по мнению И.А. Трахтенберга, отрицательно влияющая на все стороны народного хозяйства, рано или поздно должна быть ликвидирована. Какова бы ни была будущая денежно-кредитная система, в основу ее функционирования должен быть положен металл (монетарное золото). При этом металлические денежные знаки могут и не циркулировать в обращении или составлять в нем незначительную часть. Главное в другом – это создание целого ряда надстроек над металлической валютой, которые должны будут формировать неинфляционную «кредитную ткань» современного хозяйства [2, с. 324–328].

С теми же проблемами, связанными с обеспечением устойчивости денежно-кредитной системы, столкнулся В.Е. Маневич в своей книге «Экономические дискуссии 20-х годов». В частности, в четвертой главе «Проблемы ценообразования, денежного обращения и кредита» им были подробно разобраны дискуссии, проходившие в 1918 г. между специалистами по вопросам реформирования денежного обращения и кредита, а именно: следует ли обесценившийся «кредитный рубль» царской России полностью изъять из обращения и заменить его новыми, устойчивыми денежными знаками или лучше стабилизировать царский «кредитный рубль» и сохранить его в денежном обращении? В ходе состоявшейся дискуссии было принято решение – выпустить в обращение новые денежные знаки, которые в условиях существующей хозяйственной разрухи и роста бюджетного дефицита должны эмитироваться для кредитования народного хозяйства. При этом выпуск в обращение устойчивых банковских банкнот должен идти параллельно с эмиссией обесценивающихся казначейских денежных знаков, изъятие которых станет возможно только при достижении в экономике бюджетного равновесия. Именно это итоговое решение экспертов, по мнению В.Е. Маневича, стало основой для будущей денежной реформы 1922–1924 гг. [12, с. 55–72].

Денежно-кредитные реформы и особенности их проведения

Советские экономисты, занимающиеся изучением проблем денежного обращения и кредита, в своих исследованиях большое внимание уделяли вопросам истории денежного обращения, в том числе денежной реформе С.Ю. Витте в 1895–1897 гг., новой экономической политике (НЭП) (1922–1924 гг.), кредитной реформе (1930–1932 гг.) и денежной реформе 1947 г.

Денежная реформа 1895–1897 гг., реализованная в Российской империи С.Ю. Витте, бывшим в тот период министром финансов, была вызвана потребностью создания в стране устойчивой денежной системы (основанной на золотом обеспечении рубля), необходимой для ускоренного развития российской промышленности со второй половины XIX в. И, хотя в ходе реформы кредитный рубль был приравнен к доле монетарного золота, серебряная монета стала вспомогательной валютой, и в стране был объявлен свободный размен кредитных билетов на золото, но тем не менее, по мнению А.Д. Гусакова и И.А. Дымшица, новая денежная система была неэффективной в силу своей крайней неэластичности. Она связывала эмиссию кредитных билетов почти стопроцентным покрытием золота, что в дальнейшем привело к кризису системы золотого монометаллизма. Первые симптомы проблем в системе денежного обращения стали наблюдаться в периоды промышленного кризиса 1899 г., русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1906 гг. [13, с. 44–48].

Особенности этапов проведения денежной реформы в период НЭПа (1921–1924 гг.) подробно исследованы В.П. Дьяченко в книге «История финансов СССР». Переход от продовольственной разверстки к натуральным налогам, по его мнению, дал начало старту реформирования денежного обращения в советской экономике. Суть денежной реформы состояла в том, чтобы с помощью выпуска в обращение червонцев стабилизировать денежное обращение, а затем постепенно заполнить денежное обращение внутри страны устойчивыми казначейскими билетами. При этом процесс реформирования денежного обращения советское правительство проводило комплексно, в тесной взаимосвязи с реформированием финансов предприятий, реорганизацией кредитной и налоговой систем, а также изменениями в системе государственного бюджета [14, с. 71–149].

Кредитная реформа 1930–1932 гг. подробно описана З.В. Атласом. По его мнению, она проводилась в экспериментальном порядке, что, безусловно (особенно на начальном этапе), сопровождалось ошибками в ходе ее реализации, связанными с нарушениями принципов банковского кредитования (краткосрочности, возвратности, материального обеспечения и целевого назначения). В дальнейшем (в 1935–1936 гг.) эти ошибки, после санирования денежной системы со стороны госу-

дарства (ликвидация карточной системы и переход к единым ценам), были устранены, что позволило создать государственную систему краткосрочного (Госбанк) и долгосрочного (специализированные банки – Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк, Цекомбанк и местные коммунальные банки) кредитования в разрезе различных отраслей народного хозяйства [15, с. 261–275].

Денежная реформа 1947 г. была призвана ликвидировать последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить устойчивость советского рубля, заменить карточную распределительную систему системой организованной торговли, функционирующей по единым ценам. Реформа включала: 1) обмен старых денег на новые (1 новый рубль на 10 старых рублей); 2) переоценку вкладов населения в сберегательных кассах и Госбанке (вклады до 3 тыс. руб., а такие составляли 80% всех вкладов, обменивались 1 к 1); 3) переоценку остатков средств кооперативных организаций и колхозов на счетах в кредитных организациях (из соотношения 5 руб. старых денег на 4 руб. новых денег); 4) конверсию всех государственных займов и обмен облигаций этих займов на облигации единого конверсионного 2%-ного займа (из соотношения 3 руб. в облигациях старых займов на 1 руб. в облигациях нового займа). Данные инициативы, по мнению А.Д. Гусакова и И.А. Дымшица, способствовали изъятию излишних денег из экономики, очищению обращения от фальшивых денег, устранению на колхозном рынке спекулятивного спроса и созданию благоприятных условий для открытой торговли [13, с. 167–172].

История денежных и банковских кризисов

Наибольший вклад в исследования денежных и банковских кризисов среди советских экономистов был сделан И.А. Трахтенбергом. Этим направлением исследований он стал активно заниматься еще на рубеже 1920–1930-х годов, чтобы выявить истинные причины экономического кризиса 1929–1933 гг. Это позволило ему войти в состав группы научных сотрудников Института экономики АН СССР, принимавших участие в реализации грандиозного проекта по созданию трехтомной истории экономических кризисов. В 1939 г. им было опубликовано фундаментальное исследование “Мировые экономические кризисы. Том III. Денежные кризисы (1821–1938)”, актуальность которого сохраняется до сегодняшнего дня.

Рассмотрев экономическую природу денежных кризисов, их содержание и функции, а также формы проявления этих кризисов, И.А. Трахтенберг подробно остановился на исследовании особенностей 13 мировых денежных кризисов (с 1825 по 1937 г.). Проанализировав данные кризисы на огромном статистическом материале, отражающем динамику денежного обращения, золотого запаса, госу-

дарственного долга, процентных (учетных) ставок, вексельных курсов, активных и пассивных операций, сводных балансов частных и государственных банков США, Англии, Германии, Франции, И.А. Трахтенберг пришел к выводу, что денежные и банковские кризисы всегда неразрывны, а денежный кризис – это всегда внезапное насильственное обесценение ссудного капитала [16].

В 1954 г. И.А. Трахтенберг опубликовал монографию "Кредитно-денежная система капитализма после Второй мировой войны", в которой обобщил многие процессы и явления кризиса денежной системы капитализма, возникшие во время войны и в период послевоенного восстановления. Циклическая форма движения капиталистического производства, являясь неотъемлемой чертой капитализма, по его мнению, автоматически приводит к кризису денежно-кредитной системы по причинам разрушения единства денежной системы (появления денежных суррогатов), колебания стоимости денежной единицы (золота как реальных денег) и низкой эластичности денежного обращения (свободной чеканки золота). События Первой и Второй мировых войн, а также кризис 1929–1933 гг. показали, что денежно-кредитная система стран капитализма находится в кризисе, золото перестало функционировать как мера стоимости и средство обращения, в денежный оборот вошли суррогаты денег, в том числе и на уровне государства (центральные банки стали осуществлять эмиссию банкнот под обеспечение государственных облигаций) [9, с. 620–634].

Труды российских экономистов (1992–2025 гг.)

Теория денег и организация денежного обращения

Переход к рыночной экономике после распада СССР привел к пересмотру сотрудниками ИЭ РАН основных положений марсистской теории денег и денежного обращения, а также к переосмыслению трудов ведущих западных ученых в области монетарной теории и денежно-кредитной политики.

Так, В.Е. Маневич и У.К. Сарбанов провели подробный анализ основных положений денежных теорий ведущих школ экономической мысли: неоклассической школы (А. Маршалл, И. Фишер, К. Викселль), кейнсианства (Дж.М. Кейнс), школы неоклассического синтеза (Д.Р. Хикс, А.С. Пигу, Д. Патинкин), современного монетаризма (М. Фридмен). В качестве инструментария для макроэкономического анализа они предложили использовать модель Д. Патинкина, которая, по их мнению, наиболее полно отвечает реалиям российской экономики, но должна быть модифицирована. Во-первых, в части обобщения рынка труда как рынка факторов производства в целом и, во-вторых, рынка облигаций как более широкого рынка заимствований [17].

М.Ю. Головнин, рассматривая различные теоретические подходы к исследованию денежного обращения и кредита, применяет к анализу специфических проблем денежно-кредитной сферы в переходной экономике объяснения, основывающиеся на посткейнсианских концепциях (в том числе разделения экзогенных и эндогенных денег) [18].

Особого внимания заслуживают специфические проблемы денежного обращения, возникшие в переходных экономиках России и других стран: дефицит наличности, распространение неплатежей и бартера, долларизация и др. [18]. В частности, для России особенно актуальной в 1990-е годы была проблема неплатежей. Л.И. Абалкин рассматривал неплатежи большей частью как следствие нехватки денег в экономике, хотя и расширял подобную «денежную» трактовку неплатежей [19]. А.Д. Некипелов писал о недостаточности простой «денежной» трактовки неплатежей и выделял институциональные факторы их возникновения, в частности отсутствие стратегического собственника на предприятии [20, с. 194–195].

В контексте теории денег Д.Ш. Гогохия предложил возможную модернизацию системы центрального банка с частичным резервированием. С целью повышения эффективности процентной политики были предложены механизмы и инструменты, позволяющие центральному банку четко разграничивать спрос на деньги как на средство накопления и спрос на деньги как средство платежа. Автор предлагает наделить центральный банк полномочиями не только кредитора, но и заемщика последней инстанции, что позволит регулятору, не снижая ресурсную базу коммерческих банков, устанавливать для них лимит кредитования по весьма низкой процентной ставке (ниже ставки по депозитам), гарантирующей, по мнению автора, защиту экономики от инфляции [21].

Критике «современной денежной теории» (Modern Monetary Theory, ММТ) – неортодоксальной концепции, основанной на постулатах посткейнсианства, нового институционализма и теории марксизма, были посвящены исследования С.А. Андрюшина [22] и В.К. Бурлачкова [23]. В статьях авторов рассматриваются истоки и основные положения ММТ, дискуссия с мейнстримом, критика базовых постулатов ММТ, а также дается оценка возможных перспектив ее развития в будущем. В краткосрочном периоде рекомендации ММТ могут быть востребованы, особенно в условиях роста макроэкономической неопределенности, но в долгосрочной перспективе следование рекомендациям ММТ способно привести к макрофинансовой нестабильности. Радикальные меры, нацеленные на неограниченную денежную экспансию, провоцируют нарастание дисбалансов по текущим и капитальным операциям платежного баланса, активизируют разбалансированность бюджетов всех уровней и стремительный рост суверенной

задолженности, активное «проедание» финансового капитала государства, частного бизнеса и вкладов домашних хозяйств, рост инфляции и девальвацию национальных валют, неэффективное размещение финансовых и производственных ресурсов в пользу отдельных групп крупного бизнеса и населения.

Теория кредита, виды и формы кредитных отношений

В.К. Бурлачковым были раскрыты последствия формирования в современных денежных системах двух независимых элементов денежного предложения – денег на корреспондентских счетах коммерческих банков в центральном банке (в том числе в результате политики количественного смягчения) и депозитных денег, создаваемых коммерческими банками при кредитных операциях. Последние появляются в обращении, во-первых, при увеличении капитала коммерческих банков, во-вторых, в случае пересмотра норматива «капитал/активы» (Базельских стандартов) [24, с. 44–52].

А.В. Верников в соавторстве с М.Е. Мамоновым проанализировали состояние и факторы развития долгосрочного банковского кредитования в России за 2005–2013 гг. Они пришли к следующим выводам: на повышение удельного веса долгосрочных кредитов в российских банках может влиять снижение средней стоимости привлекаемых банками ресурсов и диверсификация их источников, а также увеличение среднего размера банка, достаточности его капитала и снижение рискованности текущей кредитной политики [25].

Еще ранее А.В. Верниковым был проведен развернутый анализ деятельности иностранного банковского капитала в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, России и СНГ. В частности, были исследованы масштабы присутствия иностранных банков в этих странах и основные методы освоения рынков. В качестве макроэкономических результатов деятельности иностранных банков были выделены глубина финансового посредничества, объем и направления кредитования в контексте структурной политики, привлечение частных сбережений, а также уровень стабильности банковской системы. Автором была сделана попытка оценить вклад иностранного капитала в повышение эффективности деятельности коммерческих банков, изменение институциональной среды, формирование национальной модели корпоративного управления, развитие конкуренции и демонополизация рынка банковских услуг [26].

Инфляция и механизмы ее регулирования

Исследуя инфляционные процессы на начальном этапе экономической трансформации с точки зрения экономической теории, А.Д. Некипелов сделал вывод об основной роли негативного шока

совокупного предложения в первоначальном всплеске и устойчивости инфляции [20, с. 179]. Р.С. Гринберг, анализируя антиинфляционную политику в странах Центральной и Восточной Европы, продемонстрировал, что наибольший успех имели программы макроэкономической стабилизации, носившие неортодоксальный характер (в том числе использовавшие меры по административному регулированию заработной платы и цен) [27, с. 125–126].

М.Ю. Головнин сделал обзор работ, посвященных моделированию инфляционных процессов, в котором были рассмотрены теоретические основы и методологические подходы построения моделей инфляции, а также выделены факторы инфляции, сопряженные с ней издержки и ее взаимосвязь с экономическим ростом. Это позволило автору прийти к следующим выводам:

– отмечается растущее влияние внешних (в том числе глобальных) факторов на динамику национальной инфляции;
– при моделировании инфляции преобладают модели нового кейнсианства, хотя им присущи существенные ограничения;
– существует неоднозначность при определении порогового значения инфляции с точки зрения ее воздействия на экономический рост (этот порог выше для стран с формирующимися рынками);
– современные кризисы демонстрируют, что при выборе между целью по инфляции и обеспечением финансовой стабильности, центральные банки развитых стран скорее выбирают вторую цель в силу возможного роста макроэкономической нестабильности [28].

В.Е. Маневич и И.С. Букина отмечали, что инфляция в России, как правило, носит немонетарный характер и поэтому не может быть остановлена методами денежно-кредитной политики. Главный «конфликт целей» денежно-кредитной политики Банка России, по их мнению, заключается не в противоречии между подавлением инфляции и регулированием валютного курса, а в противоречии между ограниченными возможностями неинфляционного увеличения денежного предложения, с одной стороны, и стимулированием агрегированного спроса и экономического роста – с другой. Именно это противоречие не учитывает в своих макроэкономических прогнозах Банк России, хотя весь мировой опыт доказывает обратное: стабильные цены вполне совместимы как с устойчивым ростом, так и с экономическим спадом, причем подавление инфляции методами монетарной политики ведет скорее к спаду, чем к росту [29, с. 44, 47–48].

Характеризуя роль денежно-кредитной политики в управлении инфляцией, С.А. Андрюшин показал, что повышение ключевой ставки без коррекции фискальных компонентов в макроэкономическом прогнозе центрального банка не способствует снижению инфляции даже

в краткосрочной перспективе. В странах с режимом таргетирования инфляции высокие процентные ставки способны повысить риски обслуживания государственного долга и привести к стремительному росту бюджетных дефицитов. Одновременно бюджетно-налоговая политика правительства способна создать фискальную инфляцию, на которую центральный банк с помощью своего инструментария не в состоянии влиять. Для снижения инфляции в экономике, по мнению автора, необходимо снизить реальные процентные ставки в экономике, перераспределить реальные выплаты по различным срокам погашения номинального государственного долга, обеспечить рост первичных профицитов бюджета и установить более широкие временные интервалы, обеспечивающие возвращение годовой инфляции к цели [30].

Мировая валютная система, валютный курс и режимы его функционирования

Современная мировая валютная система, функционирующая с начала 1970-х годов, не связана жесткими институциональными ограничениями. При этом позицию лидирующей мировой валюты по-прежнему занимает доллар США. В значительной степени эту позицию ему обеспечивает господство США в мировой финансовой системе. Вместе с тем происходит трансформация механизмов предложения ведущих мировых валют и спроса на них [31]. Так, В.К. Бурлачков, развивая упомянутые выше идеи, относящиеся к национальным денежным системам, на уровне мировой валютной системы делает вывод, что значительные объемы ликвидности создаются коммерческими банками в офшорных центрах [24, с. 12, 17, 27, 33, 52, 82]. При этом их регулирование в отличие от национального уровня оказывается затруднено, поскольку Базельские стандарты в этих юрисдикциях в полной мере не используются. Эта идея была развита в совместной статье В.К. Бурлачкова, М.Ю. Головнина и А.О. Тихонова уже применительно к понятию глобальной ликвидности. Авторы дали свои оценки динамики глобальной ликвидности за период 2000–2016 гг.; обосновали необходимость разделения понятий финансовой и денежной ликвидности; обозначили роль «параллельного банкинга» и офшорных центров в формировании глобальной ликвидности; уточнили взаимосвязь между глобальной ликвидностью и современным денежным механизмом [32].

При этом некоторые страны с формирующимися рынками стали претендовать на более значимую роль своих валют в мировой валютной системе. М.Ю. Головнин постарался оценить реальные позиции валют подобных стран в мировой валютной системе и факторы, сдерживающие усиление этих позиций в первые два десятилетия XXI в.

Он предложил комплекс мер по продвижению валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе за счет: изменения роли этих стран в международной валютно-финансовой архитектуре; увеличения объемов выпуска долговых ценных бумаг, номинированных в валютах стран с формирующимися рынками; использования валют этих стран в операциях международных банков развития; запуска действующего многостороннего механизма валютных свопов среди стран с формирующимися рынками; участия этих стран в реализации финансовых проектов в рамках интеграционных объединений [33].

С.А. Андрюшиным была рассмотрена новая классификация режимов валютных курсов, разработанная МВФ для центральных банков во время глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. Проанализировав эту классификацию, включающую режимы с фиксированной привязкой, плавающие режимы и промежуточные режимы, автор пришел к выводу, что новая классификация режимов обменных курсов не способна привести к повышению прозрачности курсовой политики центральных банков. Более того, она еще сильнее обостряет проблемы роста скрытых валютных интервенций центральных банков и валютных рисков в мировой экономике. Данный вывод был продемонстрирован на примере курсовой политики Банка России, который придерживается режима независимого плавания, или свободно плавающего курса рубля. Данный режим не способен купировать валютные риски, которые возникают в различных сегментах реальной экономики и финансового рынка. По мнению С.А. Андрюшина, Банк России с большей вероятностью сможет купировать эти риски, если перейдет на режим управляемого плавания. Составной частью этого режима должны стать валютные интервенции, объемы, количество и частота проведения которых способны сформировать адекватный и необходимый уровень золотовалютных резервов. При этом частота и размер валютных интервенций должны определяться критериями макроэкономической стабильности, установленными Банком России [34, с. 164–175].

Вопросы валютной политики России до мирового экономического и финансового кризиса 2008-2009 гг. и во время него рассматривались А.Д. Некипеловым и Ю.М. Голандом. Они развернуто критиковали валютную политику Банка России, связанную с чрезмерным укреплением обменного курса российского рубля. Данная политика, по мнению авторов, в тех условиях была неэффективной, так как могла привести к резкому снижению конкурентоспособности отечественной продукции как на внутреннем, так и на мировом рынках. С целью предотвращения такого сценария развития для российской экономики авторы предлагали классическую модель совместного регулирования денежно-кредитной сферы Банком России и Правительством

РФ. С одной стороны, посредством масштабных закупок иностранной валюты на рынке Банк России способен будет обеспечивать желаемую динамику номинального курса рубля, регулируя одновременно количество денег в экономике и размер валютных резервов в центральном банке. С другой стороны, правительство снимало бы возникающее в результате валютных интервенций Банка России инфляционное давление за счет изъятия из обращения избыточных рублей при помощи фискальных инструментов (в том числе государственных облигаций), направляя их в стабилизационный фонд [35].

Денежно-кредитная система: принципы, организация и перспективы

С.А. Андрюшин ввел в научный оборот деление денежно-кредитных систем на централизованные и децентрализованные, а также предложил при их исследовании учитывать возможные сочетания институциональных и организационных форм (элементов и отношений) в процессе функционирования этих систем. И если выделенные автором четыре этапа эволюционного развития централизованных денежно-кредитных систем в мировой экономике охватывают чуть больше 300 лет (1690-е – 2008 гг.), то этапы современных денежно-кредитных систем, формируемых на децентрализованной основе, начинают активно развиваться только после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.

Этапы становления современных денежно-кредитных систем в мировой экономике будут напрямую связаны с цифровыми валютами (частными, государственными и трансграничными), эмитируемыми в обращение участниками цифровых платформ централизованной и децентрализованной сетей, реализуемых на базе интернета, ассиметричной криптографии, математических алгоритмов и систем консенсуса, достигаемого между участниками сети в рамках технологии публичного или частного (ограниченного для пользователей) блокчейна с открытым/закрытым исходным кодом. Поэтому сочетание элементов и отношений в процессах централизации и децентрализации становится в настоящее время ключевым фактором становления и развития современных денежно-кредитных систем, способных в условиях роста макроэкономической неопределенности купировать глобальные и локальные финансовые риски [34].

А.В. Верников сделал попытку квантифицировать выполнение российскими банками ключевых функций по отношению к реальному сектору, место банковской деятельности в экономике страны и ее вклад в общественное благосостояние за период 1991–2016 гг. на основе анализа официальной статистики банковской системы России. Эти ключевые функции российских банков были рассмотрены в двух временных интервалах: 1991–1998 гг. и 1999–2016 гг., характе-

ризующихся разным соотношением между институтами рыночной и государственной экономики. Предложенный автором набор показателей позволил, во-первых, разделить государственные и частные банки, а также объем находящихся под их управлением финансовых ресурсов, и, во-вторых, охарактеризовать режим и направленность функционирования банковского сектора по тем или иным институциональным правилам [36].

Денежно-кредитные реформы и особенности их проведения

В рамках серии «Памятники экономической мысли», осуществляемой ИЭ РАН, был опубликован Том 3 «Денежная реформа, кредит и банковская система России» (в трех книгах), посвященный С.Ю. Витте. Авторами (С.А. Андрюшиным, С.Г. Беляевым, С.Н. Петишкиной) был предложен подход, позволяющий рассмотреть весь спектр преобразований в денежно-кредитной и банковской сферах Российской империи периода деятельности министра финансов С.Ю. Витте. В первой книге 1 «Денежная реформа С.Ю. Витте» была дана подробная систематизация документальных материалов, которая существенно расширила возможности изучения исторического опыта России по стабилизации денежного обращения и определения особенностей, результатов и значения денежной реформы 1895–1897 гг. Книга 2 – «Дискуссии по денежной реформе и монетной системе в России» содержит анализ материалов по денежной реформе, по монетному уставу, а также материалы в виде записок, переписки и статей по вопросам организации монетной системы и денежного обращения в России как отечественных, так и иностранных корреспондентов. В книге 3 «Кредит и банковская система Российской империи» проанализированы наиболее важные документальные материалы, отражающие деятельность учреждений государственного, частного и общественного кредита в Российской империи [37].

Ю.М. Голанд активно занимался исследованиями в области экономической истории НЭПа, в том числе функционирования денежно-кредитной системы в этот период, изучение которой может помочь в решении проблем современной отечественной экономики. Так, например, было отмечено, что проблема снижения инфляции и стабилизации национальной валюты была решена путем введения в обращение параллельной валюты (наряду с падающим совзнаком был введен твердый червонец) и установления оптимального уровня бюджетных расходов и допустимых лимитов кредитования. С денежно-кредитной политикой было тесно связано валютное регулирование, направленное на обеспечение устойчивости обменного курса национальной валюты. Однако данное валютное регулирование ввиду отказа российского правительства от концессий не позволило привлечь в экономику

достаточный иностранный капитал, что и стало одной из веских причин сворачивания НЭПа и сохранения дискриминационных условий во внешнеэкономической деятельности страны [38].

История денежных и банковских кризисов

Продолжая тему НЭПа, Ю.М. Голанд подробно проанализировал причины, приведшие к его свертыванию. По мнению автора, во-первых, отсутствовала прочная связь отечественного денежного рынка с мировым рынком денег и капитала (запрет вывоза червонца за рубеж). Во-вторых, начиная с весны 1925 г. началось падение валютно-металлических резервов Госбанка, которое сочеталось с отказом от жесткой кредитно-денежной политики в пользу активного роста кредитной эмиссии в национальной экономике. В-третьих, отказ от политики поддержания через валютные интервенции обменного курса червонца на уровне золотого паритета. В-четвертых, значительное усиление централизации в распоряжении выручкой от экспорта (с февраля 1926 г. всю валютную выручку предприятиям необходимо было сдавать в Госбанк) и осуществлении внешнеторговых операций [39].

Ученые Института экономики РАН большое внимание уделяли исследованию кризисов в денежно-кредитной и банковской системе под воздействием негативных внешних шоков в XXI в. Так, были проанализированы структурно-институциональные ограничения на примере ведущих стран мировой [40] и российской банковской системы, повлиявшие на возникновение и распространение мирового финансового (2008–2009 гг.) и суверенных (2014–2016 гг.) кризисов [41]; воздействие этих кризисов на банковскую систему России [42]; определения общих направлений реакции денежно-кредитной политики на оба этих системных кризиса, а именно: поддержка валютного курса рубля, оказание финансовой помощи банковской системе, расширение операционного инструментария денежно-кредитной политики. Вместе с тем особенностью кризиса 2014–2016 гг. был переход к свободно плавающему валютному курсу рубля и усиление нестабильности в валютноий сфере [43]. Были выявлены особенности реакции денежно-кредитной политики на новые внешние вызовы, связанные с беспрецедентными по масштабу воздействия международными санкциями, введенными в начале 2022 г. и последующие годы по отношению к России [44, с. 26–31].

Вместо заключения

Таким образом, мы видим, что ученые Института экономики на протяжении 95 лет его функционирования откликались на важные проблемы теории и практики развития денежно-кредитной системы в России и в мире.

В настоящее время новым актуальным вызовом для развития денежно-кредитной сферы стало распространение процессов цифровизации. Появление цифровых форм частных и государственных денег, а также развитие рынка децентрализованных финансов, связанных с процессами токенизации реальных и финансовых активов, побуждают сотрудников ИЭ РАН обратиться к исследованиям в области цифровых валют и новой финансовой инфраструктуры. Поэтому начиная с декабря 2020 г. в ИЭ РАН под руководством М.Ю. Головнина начал функционировать на постоянной основе научно-практический семинар «Цифровые финансы», на базе которого обсуждаются теоретические и прикладные вопросы по различным аспектам цифровых финансов, делаются научные доклады, организуются круглые столы, проводятся исследования и дискуссии. В этом ИЭ РАН видит свой адекватный ответ на новые вызовы, связанные со стремительной цифровизацией современных денежно-кредитных систем и финансовых рынков.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Кронрод Я.А.* Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории. 2-е изд., перер. М.: Госфиниздат, 1960. [*Kronrod Ya. A.* Money in a socialist society. Essays on the theory. 2nd ed., revised. Moscow: Gosfinizdat, 1960. (In Russ.).]
2. *Трахтенберг И.А.* Бумажные деньги. Очерки теории денег и денежного обращения // Денежное обращение и кредит при капитализме. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 26–342. [*Trakhtenberg I. A.* Paper money. Essays on the theory of money and money circulation // Money circulation and credit under capitalism. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. Pp. 26–342. (In Russ.).]
3. *Батырев В.М.* Денежное обращение в СССР (вопросы теории, организации и планирования). М.: Госфиниздат, 1959. [*Batyrev V. M.* Money circulation in the USSR (questions of theory, organization and planning). Moscow: Gosfinizdat, 1959. (In Russ.).]
4. *Плотников К.Н.* Финансы и кредит СССР. Учебное пособие. 3-е изд. М.: Мысль, 1967. [*Plotnikov K. N.* Finances and credit of the USSR. Study guide. 3rd ed. Moscow: Mysl, 1967. (In Russ.).]
5. Денежное обращение в СССР в 1976–1985 годах (ведомственные материалы) / По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М.: Центральный банк РФ, 2009. Вып. 8. https://cbr.ru/Content/ Document/File/48226/ ArchivalFonds_008.pdf. [Money circulation in the USSR in 1976–1985 (departmental materials) / Based on the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2009. Iss. 8. https://cbr.ru/Content/Document/File/48226/ArchivalFonds_008. pdf. (In Russ.).]
6. *Рогова О.Л.* Денежное обращение и краткосрочный кредит. М.: Финансы, 1978. [*Rogova O.L.* Money circulation and short-term credit. Moscow: Finance, 1978. (In Russ.).]
7. *Рогова О.Л., Моисеева М.Ф.* Денежный оборот: структура и функции // Проблемы регулирования денежного оборота в СССР. М.: Наука. 1991. С. 14–24. [*Rogova O.L.,*

Moiseeva M.F. Money turnover: structure and functions // Problems of regulation of money circulation in the USSR. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 14–24. (In Russ.).]
8. *Кронрод Я.А.* Золото, денежные и валютные системы, инфляция // Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992. [*Kronrod Ya.A.* Gold, monetary and currency systems, inflation // Essays on the socio-economic development of the 20th century. Moscow: Nauka, 1992. (In Russ.).]
9. *Трахтенберг И.А.* Кредитно-денежная система капитализма (после второй мировой войны) // Денежное обращение и кредит при капитализме. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 617–763. [*Trakhtenberg I.A.* Credit and monetary system of capitalism (after the Second World War) // Money circulation and credit under capitalism. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. Pp. 617–763. (In Russ.).]
10. *Андреев Г.* Экспансия доллара. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. [*Andreev G.* Expansion of the dollar. Moscow: Publishing house of social and economic literature, 1961. (In Russ.).]
11. Мировое социалистическое хозяйство: вопросы политической экономии. М.: Экономика, 1982. [World socialist economy: issues of political economy. Moscow: Economica, 1982. (In Russ.).]
12. *Маневич В.Е.* Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика, 1989. [*Manevich V.E.* Economic discussions of the 1920s. Moscow: Economica, 1989. (In Russ.).]
13. *Гусаков А.Д., Дымшиц И.А.* Денежное обращение и кредит СССР. М.: Госфиниздат, 1951. [*Gusakov A.D., Dymshits I.A.* Money circulation and credit of the USSR. Moscow: Gosfinizdat, 1951. (In Russ.).]
14. *Дьяченко В.П.* История финансов СССР. М.: Наука, 1978. [*Dyachenko V.P.* History of Finances of the USSR. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.).]
15. *Атлас З.В.* Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования денежной системы СССР. М.: Финансы, 1969. [*Atlas Z.V.* Socialist Monetary System. Problems of Socialist Transformation of the Monetary System of the USSR. Moscow: Finances, 1969. (In Russ.).]
16. *Трахтенберг И.А.* Денежные кризисы (1821–1938) // Мировые экономические кризисы / Под ред. акад. Е. Варги. М.: Государственное финансовое издательство, 1939. Т. III. С. 23–699. [*Trakhtenberg I.A.* Monetary crises (1821-1938) // World economic crises / Ed. by academician E. Varga. Moscow: State financial publishing house, 1939. Vol. III. Pp. 23–699. (In Russ.).]
17. *Маневич В.Е., Сарбанова У.К.* Некоторые направления эволюции теории денег // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 38–51. [*Manevich V.E., Sarbanova U.K.* Some directions of evolution of the theory of money // Economic science of modern Russia. 2001. No. 4. Pp. 38-51. (In Russ.).] EDN: IBAKYL.
18. *Головнин М.Ю.* Развитие денежно-кредитной сферы в трансформационный период: Россия и страны Центральной и Восточной Европы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [*Golovnin M.Yu.* Development of the monetary sphere in the transformation period: Russia and the countries of Central and Eastern Europe. Moscow: Book house "LIBROKOM", 2009. (In Russ.).] EDN: QULOVY.
19. *Абалкин Л.И.* Четыре фактора неплатежей // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 56–62. [*Abalkin L.I.* Four factors of non-payments // Economic science of modern Russia. 1998. No. 3. Pp. 56–62. (In Russ.).]

20. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма / А. Некипелов; РАН. Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. Москва, 1996. [*Nekipelov A.D.* Essays on the Economics of Post-Communism / A. Nekipelov; RAS. Institute of International Economic and Political Studies. Moscow, 1996. (In Russ.).]
21. *Гогохия Д.Ш.* От теории денег к теории и практике банковского дела // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 1. С. 7–20. [*Gogokhiya D.Sh.* From the Theory of Money to the Theory and Practice of Banking // Issues of Economic Theory. 2020. No. 1. Pp. 7–20. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10101. EDN: TQRWEH.
22. *Андрюшин С.А.* Деньги – это творение государства или рынка? (О «современной денежной теории», изложенной в учебнике У. Митчелла, Л.Р. Рея и М. Уоттса «Макроэкономика») // Вопросы экономики. 2020. №6. С. 121–134. [*Andryushin S.A.* Is Money a Creation of the State or the Market? (On the "Modern Monetary Theory" set out in the textbook by W. Mitchell, L.R. Ray, and M. Watts "Macroeconomics") // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 6. Pp. 121–134. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2020-6-121-134. EDN: CQXKTO.
23. *Бурлачков В.К.* «Современная денежная теория»: используемые методы анализа и парадоксальность выводов // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 152–159. [*Burlachkov V.K.* "Modern Monetary Theory": the methods of analysis used and the paradoxical nature of the conclusions // Voprosy Ekonomiki. 2021. No. 3. Pp. 152–159. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-152-159. EDN: GQXXJL.
24. *Бурлачков В.К.* Денежные механизмы глобальной и национальных экономик. М.: ЛЕНАНД, 2019. [*Burlachkov V.K.* Monetary mechanisms of the global and national economies. Moscow: LENAND, 2019. (In Russ.).]
25. *Верников А.В., Мамонов М.Е.* Долгосрочное банковское кредитование: какие банки им занимаются и почему? // ЭКО. 2016. № 9. С. 135–150. [*Vernikov A.V., Mamonov M.E.* Long-term bank lending: which banks are engaged in it and why? // ECO. 2016. No. 9. Pp. 135–150. (In Russ.).]
26. *Верников А.В.* Иностранные банки в переходной экономике: сравнительный анализ. М.: ИМЭПИ РАН, 2005. [*Vernikov A.V.* Foreign banks in a transition economy: a comparative analysis. Moscow: Institute of International Economic and Political Studies of the RAS, 2005. (In Russ.).] EDN: UATTXP.
27. *Гринберг Р.С.* Макроэкономическая стабилизация на востоке Европы: результативный опыт и неусвоенные уроки // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1. [*Grinberg R.S.* Macroeconomic stabilization in Eastern Europe: effective experience and unlearned lessons // Studies on Russian Economic Development. 1997. No. 1. (In Russ.).]
28. *Головнин М.Ю.* Моделирование инфляционных процессов (обзор работ). М.: ИЭ РАН, 2011. [*Golovnin M.Yu.* Modeling of inflation processes (review of works). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2011. (In Russ.).] EDN: QVCQTP.
29. *Букина И.С., Маневич В.Е.* Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2013. [*Bukina I.S., Manevich V.E.* Macroeconomic situation and monetary and financial policy in Russia. Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2013]. (In Russ.).
30. *Андрюшин С. А.* Таргетирование инфляции в условиях фискального стимулирования. Russian Journal of Economics and Law. 2025. № 19 (1). С. 21–36. [*Andryushin S.A.* Inflation targeting in the context of fiscal stimulation. Russian

Journal of Economics and Law. 2025. 19 (1). Pp. 21–36. (In Russ.).] DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.21-36. EDN: PNUVLM.

31. *Головнин М.Ю.* Трансформация механизмов спроса и предложения на ведущие мировые валюты в современных условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 6. С. 77–92 [*Golovnin M.Yu.* Transformation of supply and demand mechanisms for leading world currencies in modern conditions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 6. Pp. 77–92. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10072. EDN: FAILOC.
32. *Бурлачков В.К., Головнин М.Ю., Тихонов А.О.* Глобальная денежная ликвидность: теоретические основы, показатели, тенденции динамики // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 3–8. [*Burlachkov V.K., Golovnin M.Yu., Tikhonov A.O.* Global monetary liquidity: theoretical foundations, indicators, dynamics trends // Money and credit. 2017. No. 12. Pp. 3–8. (In Russ.).]
33. *Головнин М.Ю.* Механизмы расширения сферы использования валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 6. С. 7–17. [*Golovnin M.Yu.* Mechanisms for expanding the scope of use of currencies of emerging market countries in the global monetary system // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 6. Pp. 7–17. (In Russ.).]
34. *Андрюшин С.А.* Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2019. [*Andryushin S.A.* Monetary systems: from origins to crypto-currency. Moscow: Publishing house "Sam Polygraphist", 2019. (In Russ.).]
35. *Некипелов А.Д., Голанд Ю.М.* От замораживания к инвестированию: новые подходы к денежно-кредитной и валютной политике // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 47–55. [*Nekipelov A.D., Goland Yu.M.* From freezing to investing: new approaches to monetary and foreign exchange policy // Voprosy ekonomiki. 2008. No. 3. Pp. 47–55. (In Russ.).] EDN: JTXGOX.
36. *Верников А.В.* Структурные или институциональные сдвиги? // Экономическая наука современной России. 2018. № 2 (81). С. 115–131. [*Vernikov A.V.* Structural or institutional shifts? // Economic science of modern Russia. 2018. No. 2 (81). Pp. 115–131. (In Russ.).]
37. Денежная реформа, кредит и банковская система России // Собрание сочинений и документальных материалов. С.Ю. Витте. Памятники экономической мысли. М.: Наука, 2006. Т. 3. Кн. 1, 3. 2007. Кн. 2. [Monetary reform, credit and the banking system of Russia // Collected works and documentary materials. S.Yu. Witte. Monuments of economic thought. Moscow: Nauka. 2006. Vol. 3. Book 1, 3. 2007. Book 2. (In Russ.).]
38. *Голанд Ю.М.* Подсказки из опыта НЭПа для решения современных экономических проблем (к 100-летию перехода к НЭПу) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 4 (56). С. 172–193. [*Goland Yu.M.* Hints from the NEP Experience for Solving Modern Economic Problems (on the 100th Anniversary of the Transition to the NEP) // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 4 (56). Pp. 172–193. (In Russ.).] DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-8. EDN: ODVGUW.
39. *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. 2-е изд. М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1998. С. 89–149. [*Goland Yu.M.* Crises

that Destroyed the NEP. Currency Regulation during the NEP Period. 2nd ed. Moscow: Fund of Economic Books "Beginnings", 1998. Pp. 89–149. (In Russ.).]
40. *Андрюшин С.А.* Банковские системы: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. [*Andryushin S.A.* Banking Systems: A Study Guide. Moscow: Alfa-M: INFRA-M, 2011. (In Russ.).]
41. *Головнин М.Ю., Никитина С.А.* Денежно-кредитная политика России и институциональные ограничения финансовой системы // Вестник Финансового университета. 2015. № 6. [*Golovnin M.Yu., Nikitina S.A.* Monetary Policy of Russia and Institutional Constraints of the Financial System // Bulletin of the Financial University. 2015. No. 6. (In Russ.).]
42. *Головнин М.Ю., Кочетовская О.С.* Воздействие внешних шоков на банковскую систему России (сопоставление кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг.) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6. [*Golovnin M.Yu., Kochetovskaya O.S.* The Impact of External Shocks on the Banking System of Russia (Comparison of the 2008–2009 and 2014–2016 Crises) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 6. (In Russ.).] EDN: ZWGUND.
43. *Головнин М.Ю., Лыкова Л.Н., Букина И.С.* Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. Вып. 5. С. 6–21. [*Golovnin M.Yu., Lykova L.N., Bukina I.S.* Response of Russia's Monetary and Fiscal Policy to the Challenges of Globalization // Finance: Theory and Practice. 2017. Vol. 21. Iss. 5. Pp. 6–21. (In Russ.).] EDN: ZSUVRD.
44. Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Под ред. М.Ю. Головнина. М.: Институт экономики РАН, 2025. [Russian Economy under Sanctions Pressure: Interim Results (2022–2025) and Development Prospects. Ed. by M.Yu. Golovnin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2025. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *15.07.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрюшин Сергей Анатольевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2620-8515
sandr956@gmail.com

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6687-0744
mg-inecon@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Andryushin – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2620-8515
sandr956@gmail.com

Mikhail Yu. Golovnin – Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6687-0744
mg-inecon@mail.ru

MONETARY STUDIES AT THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: THEORY AND PRACTICE (1930–2025)

This article, dedicated to the 95th anniversary of the Institute of Economics of the RAS, examines fundamental and applied research by the Institute of Economics staff on problems of money circulation and credit. It reflects issues related to: the theory of money and the theory of credit; the organization of money circulation and credit relations; regulation of inflation and inflation expectations; the development of the international monetary system and the choice of national exchange rate regimes; principles and prospects for the development of monetary and credit systems; the history of monetary and banking crises, as well as studies of monetary reforms.

Keywords: *money circulation, monetary system, banking system, monetary crises, monetary reforms, inflation, theory of money, theory of credit, exchange rate, international monetary system, digital finance.*

JEL: B210, B220, E410, E510, N100.

Л.Б. ВАРДОМСКИЙ
доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН

Н.В. КУЛИКОВА
кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН

Г.Д. ТОЛОРАЯ
доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра российской стратегии в Азии ФГБУН Институт экономики РАН

А.А. ЯКОВЛЕВ
кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СТРАНЫ РОССИЙСКОГО ПОЯСА СОСЕДСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья подготовлена к 95-летнему юбилею Института экономики РАН и посвящена истории страноведческих исследований (СИ) в Институте и людям, которые их организовывали и проводили. Исторически получилось, что институтское страноведение имело в основном практическое назначение, ориентированное на обеспечение ведомств, осуществлявших внешнюю политику СССР, информацией о происходящих в странах социалистического мира политических, экономических и социальных процессах. В ходе этой работы накапливались знания о реализации социалистической доктрины в разных по уровню развития странах, что позволяло вырабатывать предложения к углублению взаимного сотрудничества. После распада СЭВ, а затем и СССР изменилась тематика и методология СИ: их содержание, на фоне геополитической неопределенности и растущей конкуренции, определяют проблемы трансформации, регионализации и модернизации. При сохранении прикладного характера, эти исследования приобрели научно-теоретическое значение, важное для понимания возможных направлений развития государств в быстро меняющемся мире. Для России в этом контексте особую роль играют государства-соседи, исторически тесно взаимодействовавшие с ней. В статье рассматриваются особенности исследования стран, входящих в европейский, азиатский и постсоветский сегменты российского пояса соседства.

Ключевые слова: *СССР, Россия, страны-соседи, геополитика, геоэкономика, трансформация, модернизация, связанность, регионализация, интеграция.*

УДК: 327, 339.9
EDN: ULMUZY
DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_33_58

Одним из направлений научных исследований, проводимых в Институте экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), являются международные экономические и политические исследования, в которых важное место занимает страноведческая проблематика. *Страноведческие исследования (СИ) восходят к 1947 г.*, когда произошло слияние ИЭ АН СССР и Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Однако в 1956 г. часть «зарубежки» была выведена из ИЭ в связи с учреждением ИМЭМО АН СССР. В 1960 г. на базе Сектора экономических проблем стран народной демократии ИЭ АН СССР был создан Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. В 1990 г., в связи с распадом мировой социалистической системы, он был переименован в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ). Объектом изучения остались бывшие социалистические страны, число которых после прекращения существования СССР значительно увеличилось. В ИЭ РАН страноведческие исследования вернулись в 2005 г. в результате его слияния с ИМЭПИ РАН.

Руководители ИЭМСС АН СССР, ИМЭПИ РАН и ИЭ РАН – академики О.Т. Богомолов, А.Д. Некипелов, член-корреспонденты Р.С. Гринберг, М.Ю. Головнин, Г.М. Сорокин, доктора наук Е.Б. Ленчук и С.П. Глинкина – уделяли большое внимание страноведению.

Исследование внутренней и внешней политики стран мира важно для понимания их текущих и долгосрочных целей развития. На этой основе возможно принятие таких решений по взаимодействию с ними, которые обеспечивают благоприятные условия для развития и безопасности России.

В СИ в советский период преобладал анализ национального опыта социалистического строительства и эффектов международного социалистического труда для стран – участниц СЭВ. После распада СЭВ и СССР принципиально изменилась методология СИ – их главным направлением стало исследование рыночной трансформации в постсоциалистических странах и оценка влияния специфики стран на участие в проектах регионализации (разных по страновому охвату, институтам сотрудничества и геополитическим приоритетам), а также анализ влияния этих проектов на развитие их экономики [1].

В этом отношении СИ в Институте экономики отличались от широких комплексных исследований стран мира, которые осуществляются в географической науке. Это была разновидность проблемного страноведения, о котором писал А.В. Кузнецов [2], с преобладанием политической и экономической тематики.

С середины 2000-х годов бывшие социалистические страны и ставшие независимыми государствами союзные республики стали именоваться в ИЭ РАН «странами пояса соседства России». В начале 2020-х

годов к ним добавились соседние Турция и Иран. Геоэкономическое значение стран-соседей для РФ в условиях западных санкций сильно возросло.

Страны-соседи играют для России, как и для любого государства, особую роль при оценке геоэкономических и геополитических условий развития и безопасности нашей страны. Соседство – продукт исторического развития государств и разделяющих их границ. Его экономическое и политическое значение со временем меняется, отражая изменения вне и внутри стран. Для конкретной страны значение ее соседей, рассматриваемое с точки зрения взаимных отношений, может меняться в широком диапазоне – от стратегических партнеров до агрессивных противников. Характер соседства в географическом, политическом и экономическом смыслах изменяется в результате распада или объединения государств, изменения идентичности, хода интеграционных и дезинтеграционных процессов, динамики экономического и политического развития, эволюции международных коммуникаций и других факторов.

СИ проводились в разных геополитических условиях. Распад мировой социалистической системы и СССР и, соответственно, биполярного мироустройства, происходил на фоне развития глобализации и регионализации, а сегодня идет разрушение сложившегося миропорядка с неясным пониманием того, каким будет новый. Но в любом случае, в новом миропорядке будут присутствовать центры мировой экономики, периферийные страны, стремящиеся повысить свой международный статус, и региональные объединения государств, число и разнообразие которых постоянно увеличивается.

Россия имеет 16 сухопутных соседей, с восьмью из которых она имеет и морскую границу, а с двумя (США и Япония) – только морскую. На Черном море Россия через международные воды соседствует с Турцией, Болгарией и Румынией, на Каспии – с Ираном и Туркменистаном.

Среди стран-соседей присутствуют старые (ЕС, США, Япония) и относительно новые центры (Китай, Турция) мировой экономики и политики, а также страны, относимые к мировой периферии. Многие из этих стран находятся между РФ и другими глобальными центрами: для Украины это ЕС и Турция, для Казахстана – Китай, для Грузии – Турция и т. д. В зависимости от отношений между центрами разделяющие их государства могут именоваться как страны «общего соседства», «буферные» или «лимитрофные». Ослабление одного центра и усиление другого влияют на политическую и экономическую ориентацию стран общего соседства. В этом контексте соседство – существенный геоэкономический ресурс, понимаемый как потенциал наращивания взаимных экономических отношений, но одновременно

и источник серьезных геополитических рисков не только для наращивания, но и для сохранения ранее сложившихся экономических отношений.

Сотрудничество с соседями – это не только проявление гравитационной закономерности в международных экономических отношениях, но и возможность выстраивания через них отношений с теми государствами, с которыми нет общей границы (в частности, с соседями соседей). Соседние страны расширяют варианты логистики внешнеэкономических связей России с третьими странами точно так же, как и Россия для них.

Восточноевропейские исследования: страны ЦВЕ – от социалистического строительства к евроатлантической интеграции и кризису в отношениях с Россией

Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ) на протяжении многих десятилетий является объектом изучения для специалистов Центра восточноевропейских исследований, с 2005 г. являющегося структурным подразделением научного направления «Международные экономические и политические исследования» (МЭПИ) ИЭ РАН. Центр стал преемником Отдела стран Восточной Европы ИМЭПИ РАН (до 1990 г. – Отдел социалистических стран Европы ИЭМСС АН СССР).

В 1960–1980-х годах Отделом руководили известные российские ученые В.Ф. Терехов, Я.Б. Шмераль, О.Р. Лацис, Л.С. Ягодовский. Исследованиями экономики и политики стран ЦВЕ занимались несколько десятков ученых. Среди них особенно весомый вклад в отечественную школу политико-экономического страноведения внесли Г.Н. Миткевич (по Албании), В.И. Шабунина, Т.Э. Валева, Ю.А. Долуда, Ю.Ф. Зудинов, Е.В. Рудаков (по Болгарии), М.А. Усиевич, О.Г. Волотов, С.П. Глинкина, Д.С. Марков, Ю.И. Монич, (по Венгрии), Л.И. Цедилин, Б.П. Архипов, М.Я. Волченко, Г.В. Наумов (по ГДР), А.Н. Барковский, Л.С. Семенова, Н.И. Бухарин, И.С. Синицина, Н.А. Чудакова (по Польше), И.И. Орлик, А.Н. Саморукова, В.В. Виноградов, И.Ф. Селиванова, Н.В. Фейт (по Румынии), В.А. Кайе, В.Н. Даньшина, М.О. Копытина, З.Н. Кузнецова, Л.А. Ясина (по Чехословакии, а затем Чехии и Словакии), Л.В. Тягуненко, Л.С. Аблазова, В.М. Каменецкий, Ю.К. Князев, Н.В. Куликова, В.С. Милованов, В.П. Шрам (по Югославии, а затем по бывшим югославским республикам).

Знания этих ученых были уникальными благодаря тому, что ИЭМСС имел возможность приобретать научную литературу, газеты, журналы, статистические ежегодники изучаемых стран. Страноведы направлялись в научные командировки в исследуемые страны, и что

особенно важно, существовала весьма полезная практика их командирования на длительную работу в посольства и торгпредства СССР в социалистических странах.

После распада мировой социалистической системы Центр восточноевропейских исследований стал единственным крупным научным центром в РФ, в котором под руководством Ю.К. Князева, затем С.П. Глинкиной, а в последние 25 лет Н.В. Куликовой углубленно изучались системные общественно-экономические и политические преобразования в странах ЦВЕ. В 2000–2002 гг. была опубликована подготовленная при активном участии его специалистов трехтомная монография о судьбе социализма в Восточной Европе [3]. В ней были рассмотрены процессы становления, расцвета и гибели «реального социализма», проанализированы причины и ход тесно связанных друг с другом постсоциалистической трансформации и евроинтеграции стран ЦВЕ.

В 2000–2010-х годах ряды коллектива Центра пополнили молодые ученые – С.О. Волотов, А.В. Голубкин, М.М. Лобанов, М.А. Максакова, О.М. Малютина, М.В. Свиридова. Они внесли свой вклад в продолжение исследований системных преобразований в странах ЦВЕ, в том числе проводившихся на основе разработанной С.П. Глинкиной методологии многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций [4]. Итоги этих СИ были подведены в первом томе трехтомной монографии «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» [5].

Оценка эффектов трансформации в странах ЦВЕ представляла большой научный интерес ввиду внедрения в них институтов демократии и рынка, сложившихся в странах «старой» Европы. Хотя оформление правовых основ и учреждение политических структур новой демократической системы произошли быстро, ее отладка оказалась сложным процессом, который нельзя признать завершенным [6]. В области институтов рынка к важным результатам привел анализ С.П. Глинкиной процессов становления частного сектора в экономиках стран ЦВЕ, моделей приватизации государственных предприятий, мотивов и стратегий поведения новых собственников, генезиса теневой экономики [7].

Проведенные в Центре исследования показали неоднозначность влияния трансформации и евроинтеграции на экономику стран ЦВЕ. Безусловно, они дали новые возможности для развития: гранты из фондов ЕС, свободу внешнеторговых связей, приток инвестиций из развитых европейских стран, доступ к их финансовым рынкам [8]. Главным инструментом модернизации и развития экономики стали прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

В ряде трудов Центра были рассмотрены правовые основы привлечения ПИИ, объемы, формы и отраслевая структура их притока,

степень проникновения иностранного капитала в экономику, его влияние на развитие производства и сферы услуг, на внешнюю торговлю, внутреннюю и внешнюю сбалансированность экономики [9; 10]. Было выявлено, что обильный приток ПИИ и кредитная экспансия западноевропейских банков, наблюдавшиеся до начала мирового кризиса 2008–2009 гг., ускорили рост ВВП, сделали экономику в целом более эффективной и конкурентоспособной. Повысился средний технологический уровень производства, выросла производительность труда. Впечатляющий рост показал товарный экспорт: в его объеме уменьшилась доля традиционных трудоемких изделий и возросла доля капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах увеличился удельный вес высокотехнологичных товаров.

В то же время произошел фактический захват экономик компаниями стран ядра ЕС, заинтересованными в использовании сравнительно дешевой рабочей силы стран ЦВЕ при достаточно высоком уровне ее квалификации. Основная часть ПИИ концентрировалась в сферах финансовых услуг, торговли и оборота недвижимости. В промышленности они были вложены преимущественно в организацию сборочных производств, доля которых в международных цепочках создания добавленной стоимости была весьма небольшой. Рост экспорта был обеспечен в основном встраиванием созданных транснациональными корпорациями производств в вертикальные трансграничные цепи поставок, производимая экспортная продукции главным образом была предназначена для рынка ЕС. При этом подавляющая часть промышленных ПИИ пришлась на филиалы ТНК, куда материнские компании передавали технологии без риска их дальнейшего распространения в национальную экономику. В итоге экономика стран ЦВЕ фактически распалась на два сектора – более эффективный и конкурентоспособный «иностранный» и низкорентабельный «национальный» [11, с. 16–51].

Значительное социально-экономическое отставание стран ЦВЕ от «старой Европы» сохранялось, а по ряду показателей увеличивалось. В социальной сфере, по оценке И.С. Синициной, это было обусловлено тем, что «...макроэкономическая политика подлежала достаточно жесткому наднациональному контролю, предусматривающему санкции за превышение отдельных параметров, а социальные процессы, напрямую связанные с данной политикой, оставались за рамками регулирования...» [12, с. 19–20]. Иными словами, формирование единого экономического пространства ЕС сильно опережало создание единого европейского социального пространства.

Изучение модели экономики, сложившейся в странах ЦВЕ, выявило ее специфику, не позволяющую поместить эту модель в традиционные типологии, разработанные в рамках компаративистики для

развитых рыночных экономик. Наиболее точно суть этой модели передает предложенное С.П. Глинкиной определение «зависимая рыночная экономика», или «зависимый капитализм». Основной ее чертой является фундаментальная зависимость экономического развития, с одной стороны, от политики и решений иностранных инвесторов, а с другой – от объемов финансирования многих проектов из фондов ЕС [13].

Ускорение экономического роста в странах ЦВЕ сопровождалось возникновением крупных дисбалансов в экономиках, которые частично покрывались посредством внутренних и внешних заимствований. Проблематику государственной и общей внешней задолженности на фоне мирового финансового кризиса подробно исследовали Ю.К. Князев, Н.В. Куликова [14] и М.Ю. Головнин [15]. В этих и других исследованиях было отмечено, что сильная зависимость от спроса на европейском рынке и от притока иностранного капитала привела к крайней неустойчивости экономик стран ЦВЕ к воздействию негативных явлений в мировом производстве и финансах. Мировой финансовый кризис, а затем кризис суверенных долгов в еврозоне ввергали регион в экономическую рецессию с дальнейшей затяжной стагнацией и обострением социальных проблем [16; 17]. При этом примечательно, что в периоды возобновления экономического роста роль его драйвера переходила от чистого экспорта (как это было в 2000-х годах) к потреблению домохозяйств [18].

Осознание ущербности модели зависимого капитализма в некоторых странах ЦВЕ вызвало к жизни новое явление – «экономический патриотизм». Наиболее ярко он проявился в Венгрии, которая в прошлом была лидером по привлечению ПИИ в регионе. Руководство этой страны после мирового финансового кризиса разработало и стало последовательно проводить новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей и ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики. Эта политика, вопреки господствующим в экономической теории либеральным догматам, дала положительные результаты с точки зрения развития экономики, даже в условиях небольшой по размеру страны. Однако возможности для успешной реализации самостоятельного экономического курса в странах ЦВЕ весьма ограничены ввиду зависимости от политики наднациональных органов ЕС и отсутствия достаточных собственных капиталов [19].

После мирового финансового кризиса европейская интеграция утратила свою прежнюю «подъемную силу» для восточноевропейской экономики. Инвестиционная активность западноевропейских ТНК снизилась, внутриевропейский спрос стал неустойчивым. Возможности компенсации их слабой динамики путем поддержки внутреннего

спроса за счет роста доходов населения были ограниченными: повышение зарплат, опережающее рост производительности труда, угрожало конкурентоспособности экономики.

В этих условиях страны ЦВЕ начали искать рынки сбыта товаров и источники капиталов за пределами ЕС. Приоритетным направлением стало расширение сотрудничества с быстро развивающимися странами Азии, прежде всего с Китаем. Все страны ЦВЕ присоединились к инициированному им многостороннему формату сотрудничества «16+1». Однако проведенные в Центре исследования показали, что, вопреки высоким ожиданиям, переориентация на азиатские рынки в большинстве стран ЦВЕ идет медленно, подтверждая тезис о структурной инерционности внешнеэкономической деятельности. Торговое и инвестиционное взаимодействие с Китаем, в силу пока еще относительно небольших объемов, не оказывает на социально-экономическое развитие стран региона влияния, сопоставимого с влиянием сотрудничества с западноевропейскими странами. При этом серьезными проблемами являются крайняя несбалансированность взаимной торговли, подавляющая часть которой приходится на импорт китайских товаров, и противоречие правилам ЕС практикуемой Китаем модели инвестирования средств в странах ЦВЕ (главным образом в транспортную инфраструктуру, необходимую для реализации китайского проекта «Пояс и путь») за счет долгосрочных кредитов китайских государственных банков, с назначением в основном китайских подрядчиков и требованиями суверенных гарантий погашения кредитов со стороны стран – реципиентов инвестиций [20].

Российское направление внешнеэкономических связей не рассматривалось в странах ЦВЕ как перспективное. После распада СЭВ и СССР роль России в импорте в регион свелась главным образом к поставкам энергоресурсов, а ее доля в совокупном экспорте из региона неуклонно сокращалась, упав в итоге до символических значений в 2–5%. Анализу экономических и политических причин утраты Россией своих позиции в Восточной Европе в Центре постоянно уделялось большое внимание. Первая монографическая работа по данной проблематике вышла в 2001 г. [21], последняя – в 2023 г. [22].

Проведенные исследования показали, что более широкому торговому взаимодействию стран ЦВЕ с РФ препятствовало превращение их экономик в периферийные части европейской экономики, а впоследствии и наращивание торговых и инвестиционных связей с Китаем. Еще один фактор был связан с тем, что страны ЦВЕ стали важным инструментом в проекте ЕС «Восточное партнерство», ослаблявшем связи России с включенными в этот проект странами СНГ. Это вызывало негативную реакцию РФ и разрушало взаимное доверие со странами ЦВЕ [23].

С 2014 г. свертывание связей стран ЦВЕ с Россией стало отражением нарастания геополитических противоречий между ЕС и Россией, связанных с событиями на Украине. В связи с этим Центр начал цикл работ по вопросам санкционного давления ЕС на РФ. За 10 лет было опубликовано много трудов разного формата, оценивающих влияние санкций на торговое и инвестиционное сотрудничество стран ЦВЕ с РФ, а также на их социально-экономическое положение [24; 25; 26]. В этом контексте важное место в исследованиях заняла стратегия «зеленого перехода» в ЕС, нацеленная на создание экологически чистой экономики и одновременно решающая задачу избавления от энергетической зависимости от России.

Общий вывод проведенных исследований заключается в том, что, несмотря на значительный ущерб, понесенный странами ЦВЕ из-за разрушения отношений с Россией, восстановление прежнего сотрудничества в обозримом будущем невозможно ввиду зависимости этих стран от решений брюссельской бюрократии, придерживающейся антироссийского курса во внешней политике, а также из-за перестройки внешнеторговых связей РФ в пользу дружественных стран.

Главные задачи, стоящие перед Центром сегодня, – определение места и роли стран ЦВЕ в мировых процессах глобализации и интеграции, главных векторов их развития и изменений во внешнеэкономических связях в условиях новой геополитической и геоэкономической ситуации и оценка перспектив экономических связей с РФ.

Азиатские исследования: от анализа азиатского социализма к поиску новых направлений взаимодействия стран Азии с Россией

Отдел социалистических стран Азии и Кубы ИЭМСС возник одновременно с созданием ИЭМСС. Его возглавила М.Е. Тригубенко – большой энтузиаст развития связей со странами Азии, которая вела это направление несколько десятилетий вплоть до своей кончины в 2020 г.

Данное направление в ИЭМСС АН СССР стало уникальным для исследования социалистических стран Азии. Эти страны в то время больше нигде не изучались с такой глубиной и привлечением обширных аналитических материалов в силу закрытости тематики. На основании результатов исследований сотрудников Института и его представителей в странах Азии принималось немало решений «директивными инстанциями».

В область научных интересов восточного направления исследований входили теория и практика азиатского социализма и «постсоциализма». В 1980-е годы особое внимание уделялось «китайскому пути»

реформ, опыт которого сотрудники Института пытались донести до руководства СССР.

За годы исследований стран Азии в ИЭМСС успели поработать многие выдающиеся специалисты, оставившие значительный вклад в отечественной школе востоковедения. Выходцы из этого «гнезда» заняли видные посты в государственном управлении, бизнесе, науке, участвуют в формировании российской политики на азиатском направлении. Здесь стоит выделить таких специалистов, как Л.А. Аносова, А.И. Денисов, Л.И. Кондрашова, В.М. Мазырин, В.В. Михеев, В.Я. Портяков, Г.Д. Толорая. Для исследований азиатских стран, связи с которым были ограничены, наличие практики прикомандирования к Посольствам и Торгпредствам СССР в социалистических государствах специалистов Института и их ротация были решающим преимуществом.

В постсоветский период заметный вклад в исследование КНР внесла В.В. Лапердина. Вьетнамом помимо М.Е. Тригубенко занимались Е.Р. Богатова, Я.Н. Пивоваров; экзотическими тогда Лаосом и Камбоджей – Л. М. Кунтыш, Н. П. Мещеряков, Г.Г. Сочевко; Монголией – А.А. Гербова и И.С. Севастьянов. Корейское направление стало особо сильным в сравнении с другими научными центрами, так как имелся прямой выход на долгое время недоступные КНДР и Южную Корею. Ими занимались И.А. Коргун, Т.В. Леженина, В.И. Моисеев, Т.А. Неелова, И.А. Поликарпова.

С начала 1990-х годов исследовались вопросы рыночной трансформации азиатских стран, их экономическая политика. Велось изучение причин спада в сотрудничестве России с КНДР, Монголией и Вьетнамом и разрабатывались возможные пути его преодоления. Изучались вопросы внешнеэкономических отношений КНДР и Республики Корея. Были созданы ориентированные на перспективу научные концепции сотрудничества СССР, а затем России с КНР, СРВ, Монголией, КНДР; специалисты Института выступили первопроходцами в разработке перспектив сотрудничества с Республикой Корея.

В ИЭ было подготовлено и защищено много кандидатских и докторских диссертаций по общим проблемам АТР, стран Восточной (ВА) и Юго-Восточной Азии (ЮВА). Диссертантами выступали как отечественные специалисты, так и представители СРВ, КНР, КНДР, Монголии, занявшие впоследствии высокие государственные должности и способствовавшие укреплению экономических связей этих стран с Россией.

После многочисленных реорганизаций на уровне Академии наук и внутри ИЭ РАН в 2015 г. начал работу Центр российской стратегии в Азии, ставший наследником научной школы азиатских исследований, формировавшейся на протяжении нескольких десятилетий.

Под руководством М.Е. Тригубенко, а затем Г.Д. Толорая в Центре углубленно изучался процесс реформирования азиатских стран российского «пояса соседства», их внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, роль великих держав в развитии. Особое внимание уделялось опыту внедрения рыночной экономики, анализу процессов модернизации и роли в них внешнеэкономических связей.

По их итогам работ специалистами азиатского направления исследований были изданы монографии, внесшие значительный вклад в развитие данной научной проблематики. Среди них можно отметить следующие:

Коллективная монография «Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде». В этом исследовании впервые в России рассмотрены итоги и тенденции использования РФ потенциала сотрудничества с постсоциалистическими азиатскими странами. В рамках изучения проблем их встраивания в новую глобальную реальность дан обзор трендов азиатского регионализма, дополненный анализом отношений России и с другими сопредельными странами [27].

Коллективная монография «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» была посвящена итогам трансформации восточноазиатских стран, входивших в социалистическое содружество, за годы после распада СССР. На основе этих исследований был сделан вывод о наличии общего алгоритма трансформации – эволюционная рыночная модернизация при сохранении эффективного государственного регулирования. Реализация этого алгоритма сопровождалась изменениями в структуре и технологическом уровне экономики, в социальной сфере стран, в их внешней и внешнеэкономической политике, а также в участии в интеграционных процессах в АТР. В монографии большое внимание было уделено вопросам сотрудничества этих государств с Россией. Это приобретает особую актуальность в свете реализуемого РФ нового курса на усиление сотрудничества со странами АТР в условиях антироссийских санкций США и ЕС [28].

В монографии Г.Д. Толорая, посвященной проблемам Корейского полуострова, представлены результаты исследований с учетом опыта практической деятельности по формулированию и реализации внешнеполитических инициатив России в ВА. Особое место среди них занимают: анализ основных событий и тенденций российского взаимодействия с двумя корейскими государствами – КНДР и РК, политические и экономические концепции внешней политики и практики этих государств, их взаимоотношения, процессы негласного реформирования и эволюция социально-экономического устройства КНДР [29].

Большое внимание в Центре уделялось вопросам торговой политики рассматриваемых государств, в том числе основных трендов протекающих в регионе торговых и инвестиционных процессов и анализу

эффектов преференциальных соглашений для внутри- и межрегионального экономического сотрудничества в контексте интересов РФ [30].

В последние годы большое внимание уделялось изучению российско-вьетнамских отношений, чему способствовал запуск проекта зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ. Наряду с историческим экскурсом развития сотрудничества начиная с середины 1970-х годов, вниманию читателей представляется дискуссия о возможностях и проблемах диверсификации связей в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в регионе АТР, трансформации модели экономического развития Вьетнама, а также в условиях постпандемического восстановления мировой экономики. Особое внимание уделялось энергетическому и инвестиционному сотрудничеству, которое имеет стратегическое значение для обоих государств. Важно отметить, что опубликованные монографии стали результатом коллективных усилий ученых ИЭ РАН и Вьетнамской академии общественных наук в рамках проектов, поддержанных РФФИ и РНФ [31; 32].

В настоящее время сотрудники Центра российской стратегии в Азии совместно с другими центрами, занимающимися МЭПИ, работают над темой государственного задания на 2024–2026 гг. «Экономическое взаимодействие России и стран российского «пояса соседства» в условиях меняющегося миропорядка». Исследуются вопросы взаимодействия ЕАЭС и РФ со странами ВА и ЮВА, в том числе в рамках проекта «Пояс и путь», зон свободной торговли с Вьетнамом и Монголией, и объединения БРИКС. Последнее направление, с учетом подключения к БРИКС стран ЮВА и других государств «пояса соседства», представляется особенно актуальным.

Постсоветское страноведение: становление и развитие в условиях быстрых изменений в странах и в мире

Исследование постсоветских государств (ПСГ)[1] столкнулось с дефицитом кадров, отсутствием адекватной информационной базы, преобладанием во властных структурах РФ упрощенных подходов к реинтеграции бывших союзных республик при недооценке их интересов и внешних воздействий.

В ИМЭПИ РАН исследования ПСГ до середины 1990-х годов проводились в Отделе международных экономических отношений под руководством Р.С. Гринберга, в котором с 1992 г. работал Сектор сотрудничества РФ и стран СНГ, возглавлявшийся Л.С. Косиковой. В 1995 г. был создан Центр постсоветского экономического развития и сотруд-

[1] Помимо данного термина в зависимости от контекста используются понятия «страны ближнего зарубежья» (БЗ) и «страны СНГ», которые равноценны по охвату стран.

ничества, который возглавил Р.С. Гринберг. В 1998 г. Р.С. Гринберг стал заместителем директора ИМЭПИ, а руководителем Центра был назначен Л.Б. Вардомский. В тот период в нем трудились Н.А. Вяткина, В.А. Дурнев, Л.С. Косикова, С.Ю. Сидельников, М.П. Стрепетова, В.А. Теперман, Н.А. Ушакова, Л.В. Фокина и А.В. Шурубович. В 2000-х годах в Центре начали работать З.А. Дадабаева, Е.М. Кузьмина, С.В. Колчин, А.Б. Куприянов, А.Г. Пылин, Т.В. Соколова, М.О. Тураева, Б.А. Хейфец. Название Центра дважды менялось[2], пока в 2010 г. он не обрел свое современное «имя» – Центр постсоветских исследований.

Акцент в исследованиях Центра делался на адаптации стран Ближнего зарубежья к резко ухудшившимся условиям их развития в условиях рыночной и геополитической трансформации и на вопросах реинтеграции при лидерстве РФ. Под трансформацией понимались политические, экономические, социальные, инфраструктурные и прочие изменения, которые меняют вектор развития рассматриваемых стран [33, с. 4–5].

Одним из первых результатов коллективной работы стал сборник статей «Внешняя задолженность стран – членов СНГ: состояние, динамика, перспективы» [34]. В качестве причин возникшей у ПСГ задолженности были определены: острый дефицит финансовых ресурсов и отрицательный баланс в торговле с Россией, покрывавшийся российскими кредитами. В связи с этим предлагалось использовать растущие долговые обязательства стран как некий инструмент реинтеграции, посредством которого будут укрепляться позиции российских компаний в странах СНГ и осуществляться взаимозачеты при расчетах за транзит нефти и газа, за оплату аренды военно-морской базы в Севастополе и космодрома Байконур. Однако ни долговой инструмент, ни преференциальные цены на углеводороды, ни многочисленные соглашения о сотрудничестве в рамках СНГ не могли в 1990-е годы остановить центробежные тенденции, которые отражало сокращение доли взаимного товарооборота во внешней торговле постсоветских стран.

Исследование ПСГ проводилось также в других подразделениях ИМЭПИ РАН, в частности в Центре макроэкономических исследований, который возглавлял С.В. Колчин. В этом центре с 1999 г. и до середины 2000-х годов ежегодно публиковались итоги анализа макроэкономических показателей стран переходной экономики и сопоставления хода рыночных преобразований в них на основе специально разработанного «Индекса ИМЭПИ» [35]. В этом же Центре исследованиями социальных реформ в странах СНГ занималась Л.С. Лучкина. СИ проводились также в созданном в 2005 г. Центре проблем глобали-

[2] В 2003 г. Центр был переименован в Сектор стран СНГ и Балтии, в 2006 г. – в Центр сравнительных исследований трансформационных процессов.

зации и интеграции, который возглавлял А.Е. Лебедев, а его заместителем был М.Ю. Головнин[3].

Сравнительные исследования показали, что в своем развитии ПСГ сталкивались с большой инерцией прошлого, громадными экономическими и социальными издержками рыночной и геополитической трансформации, ограниченными финансовыми ресурсами, слаборазвитой инфраструктурой. Но в разные периоды страны существенно различались по динамике развития национальных экономик.

В 1990-е годы экономический спад особенно сильно затронул страны, испытавшие острые этнополитические конфликты (Азербайджан, Армению, Грузию, Молдову, Таджикистан), а также Украину. На этапе восстановительного роста (2000–2008 гг.) наиболее высокую динамику показали страны – экспортеры углеводородов: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан. После финансового кризиса 2008–2009 гг. наиболее динамично развивались страны – импортеры углеводородов: Армения и Грузия, проводившие более либеральную экономическую политику [36; 37; 38].

Параллельно проводились исследования особенностей развития отдельных стран. Среди множества работ выделяются исследования по Украине – главной проблемной для России страны среди стран-соседей и главного неудачника среди ПСГ. Основоположником исследований украинской проблематики в Центре была Л.С. Косикова. В нулевые и последующие годы украинской проблематикой занимались Л.Б. Вардомский, С.П. Глинкина, М.Ю. Головнин, Р.С. Гринберг, А.М. Либман, А.Г. Пылин, Д.И. Ушкалова, Б.А. Хейфец, Б.А. Шмелев. Было опубликовано множество статей, выпущено немало монографий, сборников и научных докладов, в которых анализировались вопросы социально-экономического развития Украины и ее отношений с Россией.

Исследования показали, что экономический упадок Украины стал результатом сложения ряда факторов: ослабления из-за периодических газовых конфликтов экономической связанности с РФ, которая во многом определяла жизнеспособность хозяйства страны; больших внутриполитических рисков для хозяйственной деятельности в связи с этнокультурными различиями между регионами Украины; слабостью государственных институтов, пораженных коррупцией; долговой моделью развития, сложившейся на фоне прогрессировавшей деиндустриализации.

Украинские элиты не рассматривали Россию как интеграционный центр, а Украину как часть Русского мира. Преобладающая часть политических властей исходила из того, что украинская идентичность не сможет формироваться в условиях близких отношений с Россией.

[3] Центр проработал до 2009 г.

В связи с этим геополитическая ориентация на Запад сочеталась с радикализировавшимся украинским национализмом и нацеленностью на создание моноэтничного государства. Запад в полной мере использовал данные особенности для усиления своих позиций не только на Украине, занимающей важное геополитическое положение в Европе, но и в других странах БЗ [37; 39].

На фоне экономического подъема 2000-х годов начался новый этап исследований ПСГ, связанный с вопросами их экономической и социальной модернизации. Страны пытались выйти из состояния системного гистерезиса, в которое они попали в результате геополитических и трансформационных шоков [40], и вписаться в процессы глобализации на основе структурного и технологического обновления экономики.

Исследования показали, что наиболее полное использование национальной ресурсной базы для целей модернизации в то время было возможно при широкой опоре на внешние факторы [11; 41]. В этой связи следует отметить важный вклад, который внесли А.Н. Быков, С.П. Глинкина, Л.З. Зевин, Л.С. Косикова, А.Б. Куприянов и Б.А. Хейфец в методологию страноведческих исследований, анализируя глобальные и региональные факторы модернизации ПСГ.

В процессы модернизации в ПСГ, так же как в странах ЦВЕ, быстрее включались сферы экономики со сравнительно низкой капиталоемкостью и быстрой окупаемостью инвестиций: торговля, мобильная связь, IT-услуги, логистика, платная медицина и т. п. В странах – экспортерах углеводородов, располагавших достаточными финансовыми ресурсами, большие вложения делались в инфраструктуру [42]. В то же время в производственной сфере модернизация осуществлялась преимущественно на основе технологических заимствований из третьих стран и шла заметно медленнее [11].

В этой связи следует отметить исследования научно-технологического потенциала стран СНГ, проводившиеся Г.А. Власкиным и Е.Б. Ленчук, в которых отмечается низкая инновационная активность в экономиках этих стран, объясняемая утратой в ходе трансформации значительной части интеллектуального потенциала и наукоемких производств, и обосновывается необходимость активизации международного сотрудничества в сфере науки и технологий [43] при одновременном повышении в процессе модернизации доли производств, базирующихся на собственных технологиях.

Реализация национальных программ модернизации происходила через избранные ПСГ модели развития, под которыми понималось устойчивое единство целей и институтов развития, национальной ресурсной базы, культурных традиций, возможностей международного сотрудничества и задач обеспечения безопасности. В проведенном исследовании были отмечены большие различия между странами

СНГ по всем компонентам моделей. Национальные модели постоянно адаптировались к меняющимся внутренним и внешним условиям, а эффективность этой адаптации отражали темпы роста ВВП и доходов населения [44, с. 100–127].

В формировании национальных моделей существенную роль играли постсоветские интеграционные проекты, но они были нацелены преимущественно на воссоздание и развитие тех связей, которые сложились в советское время. Меняли структуру национальных экономик и повышали их технологический уровень в основном инновации, заимствованные по разным каналам из третьих стран. Это ограничивало развитие производственной кооперации в рамках евразийской интеграции [45]. Иными словами, в отличие от стран ЦВЕ, системная трансформация в странах СНГ не могла опираться в должной мере на постсоветские интеграционные проекты.

Исследование процессов модернизации было тесно связано с анализом внешнеэкономических связей ПСГ, рассматривавшихся в контексте мирового тренда на регионализацию международных экономических отношений[4].

В научных работах описывалась специфика условий, в которых осуществлялись внешнеэкономические связи ПСГ. Среди них важное место занимали большие социальные и экономические различия между странами, которые исследовала Т.В. Соколова. Кроме того, сильное влияние оказывали: громадное превосходство РФ над партнерами по экономике и численности населения, внутриконтинентальное положение большинства ПСГ, высокая транзитная взаимозависимость, растущее влияние соседства с ЕС и КНР [12; 37; 42; 44].

Особую озабоченность у России вызывало стремление ЕС и НАТО установить контроль над примыкающими к ним ПСГ, используя инструменты «мягкой силы». Откликаясь на эту проблему, Центр выпустил несколько трудов, в которых анализировались вопросы балансирования интересов РФ и ЕС в странах общего соседства (участниц Восточного партнерства и ГУАМ). Авторы исходили из идеи выстраивания «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока и приоритета экономической целесообразности [23]. Но ЕС руководствовался прежде всего задачами экспансии на восток, что привело к обострению геополитической ситуации в Европе, а в результате – к СВО на Украине.

[4] Под регионализацией в исследованиях Центра понималось «...создание и действие институтов межгосударственных экономических отношений преференциального и непреференциального характера, приводящих к образованию международного региона с одновременной структурной и технологической трансформацией экономик входящих в него стран» [46, с. 4–5].

Иная ситуация складывалась на восточном сегменте пояса соседства. Создание ШОС и система соглашений России и ПСГ с КНР сняли с повестки дня проблему «общего соседства» в отношениях этих стран и заметно улучшили геоэкономическое положение внутриконтинентальных стран ЦА. Проблематику ШОС в Центре разрабатывали З.А. Дадабаева, А.А. Мигранян, Б.А. Хейфец и А.В. Шурубович.

Активизация взаимных торговых, транспортных и инвестиционных связей в Центральной Азии, Каспийском регионе и на Южном Кавказе свидетельствует об актуальности субрегионального измерения в проектах евразийской интеграции. Под ним понимается совместная проектная деятельность части стран в определенном географическом регионе, участвующих в преференциальных региональных объединениях [33; 47; 48].

Исследование стран СНГ получило новый импульс под влиянием жестких санкций в отношении России и Белоруссии, которые активизировали взаимные связи [25]. Геоэкономическое значение южных стран СНГ и Грузии для РФ заметно выросло с точки зрения как взаимной торговли, так и экономических, а также социальных контактов через них с третьими странами. В связи с этим возрос интерес к политике стран ЕАЭС и СНГ в текущих геополитических условиях, составной частью которых являются риски вторичных санкций и изменение баланса между основными векторами внешнеэкономических связей РФ и Белоруссии. Были проведены исследования по большинству ПСГ, опубликованные в виде статей, докладов и сборников. В частности, были исследованы динамика и структура торгового взаимодействия постсоветских стран с РФ в 2022–2024 гг. и проведена типология этих стран по соотношению геополитических и экономических факторов в отношениях с ней [49; 50].

Подробно анализировались вопросы экономического и социального взаимодействия России и Белоруссии в условиях растущего санкционного давления. Реакцией на него стало наращивание в рамках Союзного государства кооперационных связей в промышленности, рост взаимных инвестиций, координация политики импортозамещения и выстраивания новой логистики внешнеторговых связей [51].

Текущая ситуация способствует поиску путей активизации сотрудничества стран ЕАЭС со странами СНГ и такими традиционными партнерами, как Вьетнам, Куба и Монголия. Этой проблематике было посвящено несколько коллективных трудов с международным участием [32; 52].

В этой же связи появились новые работы по вопросам создания и развития международных транспортных коридоров (МТК), обеспечивающих связи РФ и стран ЦА с внешними рынками, минуя санкционные ограничения на западных границах РФ и Белоруссии [48].

Важным фактором адаптации стран ЕАЭС и СНГ к геополитической неопределенности становится ускорение цифровой трансформации национальных экономик и внедрение цифровых технологий в практику взаимного сотрудничества.

Выводы

В проводившихся ранее и проводимых в настоящее время ИЭ РАН исследованиях соседних стран можно выделить два подхода. Первый – традиционный, который сложился в советское время и был нацелен на политико-экономический анализ стран. Другой подход имеет сравнительный характер, при котором исследуются все или несколько стран по избранным показателям, – макроэкономическим, социальным, структурным и др.

При первом подходе страноведческие исследования нацелены на изучение национальных интересов и влияющих на их формирование факторов, а также на анализ текущего и перспективного влияния этих интересов на отношения с РФ. Эти исследования дают также представление об их специфике в контексте анализа национального опыта экономического развития.

Исследования при втором подходе фокусируются на оценке успешности развития того или иного сектора национального хозяйства отдельной страны в сравнении с другими странами и дает подсказку, на что нужно обращать внимание при планировании сотрудничества. Сочетание этих подходов в СИ позволяет получить более полную картину условий взаимодействия РФ со странами-соседями и искать наиболее перспективные варианты его углубления.

СИ являются важной составной частью геоэкономического анализа внешнеэкономических связей России, поскольку они концентрируются на сопряженном исследовании трансформации экономических и политических систем, модернизации экономики и общества, мотивов, форматов и результатов участия стран в проектах регионализации.

На ход модернизации экономики и общества стран – соседей РФ большое влияние оказывала их экономическая, политическая и культурная специфика, располагаемые и имеющие внешний спрос ресурсы, научно-образовательный потенциал, а также фактор соседства в его геополитическом и геоэкономическом измерении, поскольку трансфер технологий, капиталов и институтов определяется экономическими и геополитическими интересами стран-доноров. В этом контексте для доноров важна лояльность национальных элит.

Социально-экономические и институциональные различия между странами влияют на процессы регионализации, поэтому при созда-

нии интеграционных институтов важно учитывать и национальную специфику, и интересы государств, в частности, в сохранении и укреплении суверенитета. Но это касается евразийских интеграционных проектов. ЕС строился и развивается на принципе отказа государств от суверенитета в пользу надгосударственных институтов.

Растущая значимость СИ для РФ обусловлена усиливающейся конкуренцией существующих и формирующихся новых центров мировой экономики и политики и связанными с ней рисками для хозяйственного развития. Без адекватных СИ невозможны эффективное управление экономикой и международными связями, достижение баланса между двусторонними и многосторонними отношениями, унификацией институтов управления при сохранении их суверенности. Полученные в результате СИ знания дают возможность управления связанностью с соседними странами, и не только с ними.

СИ создают информационную основу для реализации идеи Большого Евразийского партнерства. Изучение стран пояса соседства показывает, что эта идея уже реализуется по разным направлениям: через наращивание связей между соседями, взаимодействие интеграционных объединений Евразии, создание международных транспортных коридоров. Задачей России в сложных геополитических условиях является увязка этих процессов с реализацией приоритетных национальных проектов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ушкалова Д.И., Вардомский Л.Б.* Региональная экономическая интеграция в исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 13–29. [*Ushkalova D.I., Vardomsky L.B.* Regional Economic Integration in the Studies of the Institute of Economics of the RAS // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 6. Pp. 13–29. (In Russ.).]
2. *Кузнецов А.В.* Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знание о зарубежных странах и регионах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 6. С. 6–25. [*Kuznetsov A.V.* The Crisis of Country Studies in Russia amid the Background of Growing Demand for Knowledge about Foreign Countries and Regions // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2021. No. 6. Pp. 6–25. (In Russ.).]
3. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. / ред. колл. А.Д. Некипелов (главный редактор), С.П. Глинкина, Р.С. Гринберг, Р.Н. Евстигнеев, И.И. Орлик, Э.Я. Шейнин, Б.А. Шмелев. М.: Наука, 2000–2002. [Central and Eastern Europe in the Second Half of the 20th Century. In three volumes / ed. board: A.D. Nekipelov (general ed.), S.P. Glinkina, R.S. Greenberg, R.N. Evstigneev, I.I. Orlik, E.Ya. Sheinin, B.A. Shmelev. Moscow: Nauka, 2000–2002. (In Russ.).]
4. *Глинкина С.П.* Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2008.

[*Glinkina S.P.* Methodology of Multilevel Analysis of Post-Communist Transformations: Scientific Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2008. (In Russ.).]
5. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под. общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. СПб: Алетейя, 2017. [The Post-Socialist World: Transformation Results. In three volumes / General ed. S.P. Glinkina. Vol. 1. Central and Eastern Europe / Editor-in-chief N.V. Kulikova. St. Petersburg: Aletheia, 2017. (In Russ.).]
6. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: проблемы адаптации / под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010. [Countries of Central and Eastern Europe – New Members of the European Union: Problems of Adaptation / Edited by S.P. Glinkina, N.V. Kulikova. Moscow: Nauka, 2010. (In Russ.).]
7. *Глинкина С.П.* Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006. [*Glinkina S.P.* Privatization: Concepts, Implementation, Efficiency. Moscow: Nauka, 2006. (In Russ.).]
8. *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С.* Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. [*Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinitsina I.S.* Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth: Scientific Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).]
9. Прямые иностранные инвестиции в европейских странах с переходной экономикой / Ред. колл.: С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, Н.В. Фейт. М.: Наука, 2006. [Foreign Direct Investments in European Countries with Transition Economies / Chief eds: S.P. Glinkina, N.V. Kulikova, N.V. Feit. Moscow: Nauka, 2006. (In Russ.).]
10. *Куликова Н.В.* Роль прямых иностранных инвестиций в модернизации экономики стран ЦВЕ – членов ЕС // Urbi et orbi: Сборник статей. В 3-х томах / Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна. Т. 3. Россия в глобальном мире / Отв. ред. С.П. Глинкина. СПб: Алетейя, 2014. С. 447–499. [*Kulikova N.V.* The Role of Foreign Direct Investment in the Modernization of the Economies of the CEE Countries – EU Members States // Urbi et orbi: Collection of Articles. In 3 volumes / General eds.: R.S. Grinberg, A.Ya. Rubinstein. Vol. 3. Russia in the Global World / Editor-in-chief S.P. Glinkina. St. Petersburg: Aletheia, 2014. Pp. 447–499. (In Russ.).]
11. Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. [Modernization in the Countries of the Russian Neighborhood Belt: Structural and Technological Aspects / Chief ed. S.P. Glinkina. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2012. (In Russ.).]
12. Социальные стимулы и барьеры в межгосударственной интеграции (европейский и постсоветский опыт): Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, Т.В. Соколова. М.: Институт экономики РАН, 2020. [Social Incentives and Barriers to Inter-state Integration (European and post-Soviet Experience): Scientific report / Ex. eds.: L.B. Vardomsky, T.V. Sokolova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2020. (In Russ.).]
13. *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24. [*Glinkina S.P., Kulikova N.V.* On the model of capitalism in Central and Eastern

Europe // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 3. Pp. 9–24. (In Russ.).]
14. *Князев Ю.К., Куликова Н.В.* Долговой кризис в мире и проблема задолженности стран Центрально-Восточной Европы. (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2013. [*Knyazev Yu.K., Kulikova N.V.* The World Debt Crisis and the Problem of Debts in the Central and East European Countries. (Scientific report). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2013. (In Russ.).]
15. *Головнин М.Ю.* Модели проведения денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации: опыт России и стран Центральной и Восточной Европы (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2010. [*Golovnin M.Yu.* Models of Monetary Policy in the Context of Financial Globalization: The Experience of Russia and the Countries of Central and Eastern Europe. (Scientific report). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2010. (In Russ.).]
16. Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса: Монография / Под ред. Н.В. Куликовой. СПб.: Алетейя, 2011. [Central and Eastern Europe: Lessons from the Global Crisis: Monograph / Edited by N.V. Kulikova. St. Petersburg: Aletheia, 2011. (In Russ.).]
17. Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: Институт экономики РАН, 2014. [Central and Eastern Europe: Consequences of the Eurozone Debt Crisis: Monograph / Ex. ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).]
18. Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. [Problems of Economic Growth in Central and Eastern European Countries in the Context of the New Reality in the Global Economy: Monograph / Ex. ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2019. (In Russ.).]
19. *Глинкина С.П. Куликова Н.В.* К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 131–149. [*Glinkina S.P., Kulikova N.V.* To Economic Patriotism: New Trends in Post-Socialist Countries – EU Members // Economics of Contemporary Russia. 2019. No. 2 (85). Pp. 131–149. (In Russ.).]
20. Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. [The Asian Vector in the Economic Strategy of the Countries of Central and Eastern Europe: Monograph / Ex. ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2019. (In Russ.).]
21. Россия и Центрально-Восточная Европа во второй половине 90-х годов XX века. В 2-х частях / Ред. колл. С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, И.И. Орлик (отв. ред.), Б.А. Шмелев. Часть II. Двусторонние отношения. М.: ИМЭПИ РАН, 2001. [Russia and Central-Eastern Europe in the Second Half of the 1990s. In 2 Parts / Ed. board: S.P. Glinkina, N.V. Kulikova, I.I. Orlik (ex. ed.), B.A. Shmelev. Part II. Bilateral Relations. Moscow: Institute of International Economic and Political Studies of the RAS, 2001. (In Russ.).]
22. Проблемы экономических отношений России со странами Центрально-Восточной Европы в условиях евроинтеграции: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2023. [Problems of Economic Relations between

Russia and the Countries of Central and Eastern Europe in the Context of European Integration: Monograph / Ex. ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2023. (In Russ.).]

23. *Глинкина С.П.* (рук. проекта), *Лебедев А.Е., Косикова Л.С., Вардомский Л.Б, Куликова Н.В. и др.* Европейская политика соседства: шансы и риски для России. М.: Национальный инвестиционный совет, 2008. [*Glinkina S.P.* (project manager), *Lebedev A.E., Kosikova L.S., Vardomsky L.B., Kulikova N.V. et al.* European Neighborhood Policy: Chances and Risks for Russia. Moscow: National Investment Council, 2008. (In Russ.).].
24. Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия: Доклад / Под ред. Ю.К. Князева. М.: Институт экономики РАН, 2015. [Countries of Central and Eastern Europe in the Western Sanctions War against Russia: Political Positions and Economic Consequences: Report / Edited by Yu.K. Knyazev. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2015. (In Russ.).]
25. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022. [Russia's "Neighborhood Belt" under of the Sanctions War: Scientific Report / Edited by L.B. Vardomsky (ex. ed.), I.A. Korgun, N.V. Kulikova, A.G. Pylin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2022. (In Russ.).]
26. Центрально-Восточная Европа: социально-экономические последствия ухудшения отношений с Россией: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: Институт экономики РАН, 2025. [Central and Eastern Europe: Socioeconomic Consequences of Deteriorating Relations with Russia: Monograph / Ex. ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2025. (In Russ.).]
27. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: Монография / Ред. Г.Д. Толорая. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. [Russia's Asian Neighbors: Interaction in the Regional Environment / Ed. G.D. Toloraya. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2016. (In Russ.).]
28. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. / Под. общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / Отв. ред. Г.Д. Толорая. СПб.: Алетейя, 2018. [The Post-Socialist World: Transformation Results. In three volumes / General ed. S.P. Glinkina. Vol. 3. Asian Models of Reform. Opportunities and Challenges for Russia / Editor-in-chief G.D. Toloraya. St. Petersburg: Aletheia, 2018. (In Russ.).]
29. *Толорая Г.Д.* У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века / Отв. ред. М. Е. Тригубенко. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2019. [*Toloraya G.D.* At the Eastern Threshold of Russia. Sketches of Korean Policy at the Beginning of the 21st Century / Ex. ed. M. E. Trigubenko. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2019. (In Russ.).]
30. Торговая политика России и стран Восточной Азии: поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества: Монография / Отв. ред. И.А. Коргун, С.Ф. Сутырин. М.: ИЭ РАН, 2020. [Trade Policy of Russia and East Asia: New Avenues for Economic Cooperation and Prosperity: Monograph / Eds.: I.A. Korgun, S.F. Sutyrin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2020. (In Russ.).]

31. Российско-вьетнамские отношения в современном мире: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун. М.: Институт экономики РАН, 2021. [The Current State of Russian-Vietnamese Relations: Monograph / Eds.: L.B. Vardomsky, I.A. Korgun. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2021. (In Russ.).]
32. Инвестиционное сотрудничество России и Вьетнама в эпоху перемен: Монография / Под ред. М.О. Тураевой (отв. ред.), Л.Б. Вардомского, А.А. Яковлева, К.Х. Нгуена. М.: Эдитус, 2024. [Investment Cooperation between Russia and Vietnam in the Era of Change / Edited by M.O. Turaeva (chief ed.), L.B. Vardomsky, A.A. Yakovlev, K.H. Nguyen. Moscow: «Editus», 2024. (In Russ.).]
33. *Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В.* Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2014. [*Vardomsky L., Pylin A., Sokolova T.* The South Caucasus Countries: Features of Development and Regional Cooperation (Research report). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).]
34. Внешняя задолженность стран – членов СНГ: состояние, динамика, перспективы / Под ред. Э.Я. Шейнина. М.: ИМЭПИ РАН; АОЗТ «Эпикон», 1998. [External Debt of the CIS Member States: Status, Dynamics, Prospects / Edited by E.Ya. Sheinin. Moscow: Institute of International Economic and Political Studies of the RAS; Epikon CJSC, 1998. (In Russ.).]
35. Макроэкономические показатели стран с переходной экономикой в 2000 г.: сравнительная характеристика. М.: ИМЭПИ РАН, АОЗТ «Эпикон», 2001. [Macroeconomic Indicators of Countries with Transition Economies in 2000: Comparative Characteristics. Moscow: Institute of International Economic and Political Studies of the RAS, Epikon CJSC, 2001. (In Russ.).]
36. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия: Монография / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2012. [Socio-economic Development of Post-Soviet Countries: Results of Twenty Years: Monograph / Ex. ed. L.B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2012. (In Russ.).]
37. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2017. [The Post-Socialist World: Transformation Results. In three volumes / General ed. S.P. Glinkina. Vol. 2. Post-Soviet States / Editor-in-chief. L.B. Vardomsky. St. Petersburg: Aletheia, 2017. (In Russ.).]
38. *Головнин М.Ю., Гринберг Р.С.* Итоги 30 лет трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 6–29. [*Golovnin M.Yu., Grinberg R.S.* Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 6–29. (In Russ.).]
39. Социально-экономическое развитие России и Украины: противоречия и комплементарность: Монография / Под ред. Р.С. Гринберга и В.М. Геeца. М.: Институт экономики РАН, 2014. [Socio-economic Development of Russia and Ukraine: Contradictions and Complementarity: Monograph / Edited by R.S. Grinberg and V.M. Geets. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).]
40. *Некипелов А.Д.* Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 1–16. [*Nekipelov A.D.* Globalization and

the Development Strategy of the Russian Economy // Studies on Russian Economic Development. 2001. No. 4. Pp. 1–16. (In Russ.).]
41. Постсоветское пространство в глобализирующемся мире: проблемы модернизации / Отв. ред. Л.З. Зевин. СПб.: Алетейя, 2008. [The Post-Soviet Space in a Globalizing World: Problems of Modernization / Editor-in-chief L.Z. Zevin. St. Petersburg: Aletheia, 2008. (In Russ.).]
42. *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). М.: Институт экономики РАН. 2018. [*Vardomsky L.B., Turaeva M.O.* Development of the Post-Soviet Transport Corridors in Terms of Contemporary Geopolitical and Economic Challenges (scientific report). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2018. (In Russ.).]
43. *Ленчук Е.Б., Власкин Г.А.* Международная кооперация и инновации в странах СНГ. СПб.: Алетейя. 2011. [*Lenchuk E.B., Vlaskin G.A.* International Cooperation and Innovation in the CIS Countries. St. Petersburg: Aletheia, 2011. (In Russ.).]
44. Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира: Монография / Отв. ред. М.О. Тураева, Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2020. [Transformation of Market Economy Patterns in the Post-Socialist World: Monograph / Editors-in-chief M.O. Turaeva, L.B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2020. (In Russ.).]
45. *Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В.* К вопросу о модернизации экономик стран СНГ// Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 1. С. 22–40. [*Vardomsky L.B., Pylin A.G., Shurubovich A.V.* On the Issue of Modernization of the Economies of the CIS Countries // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 1. Pp. 22–40. (In Russ.).]
46. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции: Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: Институт экономики РАН, 2021. [Post-Soviet Countries in the Processes of International Regionalization in 2010–2020: Expectations, Results, New Trends: Collective scientific report / Ex. ed. L.B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2021. (In Russ.).]
47. *Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. [*Dadabaeva Z.A., Kuzmina E.M.* Regionalization Processes in Central Asia: Problems and Contradictions: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).]
48. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: Коллективный доклад // Отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: Институт экономики РАН, 2023. [The Caspian Region in the Regionalization Processes of Eurasia: Collective report // Ex. ed. L.B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2023. (In Russ.).]
49. Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений: Монография / Отв. ред. А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2021. [Russia and post-Soviet Countries: Issues of Economic Relations: Monograph / Resp. ed. A.G. Pylin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2021. (In Russ.).]
50. *Шмелев Б.А., Пылин А.Г.* Геополитические и экономические факторы во взаимодействии России и постсоветских государств в условиях украинского кризиса: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024. [*Shmelev B.A., Pylin A.G.* Geopolitical

and Economic Factors in the Interaction of Russia and Post-Soviet States in the Context of the Ukrainian Crisis: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2024. (In Russ.).]
51. Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей. Сб. науч. трудов международной конференции / Под ред. Л.Б. Вардомского, А.С. Кузавко и при организационно-технической поддержке В.А. Чмыревой. М.: ИЭ РАН, 2024. [The Union State in Modern Economic and Geopolitical Conditions: Effective Leveraging of New Opportunities. Collection of scientific papers of the international conference / Edited by L.B. Vardomsky, A.S. Kuzavko and assisted by V.A. Chmyreva. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2024. (In Russ.).
52. Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики: Сборник статей / Под ред. З.А. Дадабаевой. М.: ИЭ РАН, 2024. [Russia and Tajikistan in a Changing Global Economy: Collection of Articles / Edited by Z.A. Dadabaeva. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2024. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *15.07.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9508-5945
wardom@yandex.ru

Куликова Наталия Владимировна – кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7287-4071
kulikova.home@gmail.com

Толорая Георгий Давидович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра российской стратегии в Азии ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3685-2120
rusmirasaf@yandex.ru

Яковлев Артем Александрович – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0004-5579-4458
ikovlevartem@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Leonid B. Vardomskiy – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9508-5945
wardom@yandex.ru

Natalia V. Kulikova – Cand. Sci. (Geogr.), Head of the Center for Eastern European Studies, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7287-4071
kulikova.home@gmail.com

Georgy D. Toloraya – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Center for Russian Strategy in Asia, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3685-2120
rusmirasaf@yandex.ru

Artem A. Yakovlev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-5579-4458
ikovlevartem@yandex.ru

THE COUNTRIES OF THE RUSSIAN NEIGHBOURHOOD BELT IN THE RESEARCH OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY, METHODOLOGY, RESULTS

The article was prepared for the 95th Anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and is devoted to the history of country studies (CS) at the Institute and the people who organized and conducted them. Historically, the Institute's country studies had a mainly practical purpose, aimed at providing the agencies carrying out the foreign policy of the USSR with information on the political, economic and social processes taking place in the countries of the socialist world. In the course of this work, knowledge on the implementation of the socialist doctrine in countries of different social and economic levels was accumulated, which made it possible to develop proposals for the transfer of experience in building socialism and deepening of mutual cooperation. With the collapse of COMECON, and then the USSR, the subject matter and methodology of CS changed. Their content, against the backdrop of geopolitical uncertainty and growing competition, is determined by issues of transformation, regionalization and modernization. While maintaining an applied nature, these studies have acquired scientific and theoretical significance, important for understanding the possible directions of development of the various states in a rapidly changing world. For Russia in this context, neighboring states that have historically closely interacted with it play a special role. The article examines the features of the study of countries included in the European, Asian and post-Soviet segments of the Russian neighborhood belt.

Keywords: *USSR, Russia, neighboring countries, geopolitics, geoeconomics, transformation, modernization, connectivity, regionalization, integration.*

JEL: F15, O57, P20, P52.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Я.С. ЯДГАРОВ
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ВЕХИ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматриваются сущность и особенности сформировавшейся в XIX в. нравственной российской политэкономии. Предложена авторская научная гипотеза, в соответствии с которой имевшиеся ранее предпосылки для формирования нравственной российской политической экономии обусловили приверженность ее адептов принципам социальной справедливости и морально-этическим нормам человеческого бытия при решении насущных проблем преодоления диспропорций и кризисов в развитии хозяйственной жизни. На фоне реализации данной гипотезы четко выявилось неприятие российскими политэкономами XIX века смитианской метафоры о якобы рациональной направленности действий некоего сугубо эгоистического экономического человека «невидимой рукой», то есть всесильными «объективными экономическими законами». В статье раскрывается противопоставление «закону рынков Сэя», повествующему о предопределенности равновесия экономики свободной конкуренции, утверждений российских ученых о том, что достижение равновесной экономики требует регулирующего, рассматриваемого с нравственных позиций участия в этом процессе общества и государства. Показана определяющая роль в формировании нравственной политической экономии в России видных отечественных приверженцев двух политэкономических парадигм – смитианской парадигмы и утопического социализма.

Ключевые слова: *натуральное, рыночное и социально ориентированное рыночное хозяйство, классическая политическая экономия, противники классической политической экономии, гипотеза взаимосвязи хозяйственной жизни и нравственной политической экономии, основоположники нравственной российской политической экономии.*

УДК: 330.101

EDN: HZWFKH

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_59_74

Введение

В историко-экономической литературе, в том числе и в отечественной, стало общепринятым полагать, что будто бы родоначальник политэкономической исследовательской парадигмы экономического романтизма, французский ученый-экономист С. Сисмонди в своей книге «Новые начала политической экономии» (1819) впервые доказал неразрывную перманентную связь хозяйственной жизни с принципами нравственности, морали, этики и социальной справедливости [7]. При этом в заслугу ему ставится тот факт, что именно он, признав экономическую науку (именуемую научным экономическим сообществом уже со времен меркантилизма не иначе как «политическая экономия») нравственной наукой[1], первым опроверг метафорические концепции А. Смита об «экономическом человеке» и «невидимой руке», декларирующие постулаты автоматически саморегулируемой и гарантированно бескризисной экономики свободной конкуренции.

Между тем приоритетное внимание нравственным и морально-этическим составляющим хозяйственной жизни, с целью их отражения в осмыслении сущности экономических категорий, было совершенно очевидным и в экономических идеях, и в воззрениях адептов натурально-хозяйственной идеологии, то есть еще задолго до возникновения и обособления экономической науки (политической экономии) в самостоятельную отрасль человеческих знаний. В частности, в периоды Древнего мира и Средневековья натурально-хозяйственной идеологии придерживались как правители тогдашних государств, так и мыслители и философы древневосточных и античных стран, средневековые схоласты христианства и ислама, которые настаивали на правомерности априорных умозаключений о взаимосвязи призванных обеспечить социальную справедливость начал «непредпринимательской» хозяйственной жизни и нравственно-моральных и этических принципов. Реальными проявлениями подобного рода высказываний о взаимообусловленности экономических процессов и нравственных, моральных и нормативно-правовых устоев явились возникшие в указанные периоды умозаключения об искусственном происхождении денег, о целесообразности устанавливаемых государственной властью неких справедливых (а не свободных – рыночных) цен, о недопустимости нарушения «естественного» социально-экономического порядка претендующими на «бесчестное» обогащение ростовщиками и торговцами и др.

[1] *Ядгаров Я.* С. Моральная и нравственная политическая экономия: к 200-летию книги С. Сисмонди «Новые начала политической экономии» / Я.С. Ядгаров // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39).

Акценты на нравственных составляющих хозяйственной жизни в большей или меньшей степени продолжили проявлять себя и во времена вытеснения эпохи натурального хозяйства эпохой рыночной системы хозяйствования, обусловивших возникновение исследовательских парадигм сначала классической политической экономии, затем – экономического романтизма, утопического социализма и др. Однако не только упомянутый выше родоначальник экономического романтизма С. Сисмонди, но и отдельные представители других альтернативных исследовательских парадигм экономической науки (политической экономии) в духе идеологии эпохи натурального хозяйства тоже выдвигали на первый план принципы и ценности нравственности, морали, этики и социальной справедливости. Правда, с той существенной разницей, что каждый из них непременно не абсолютизировал «закон рынков Сэя», настаивая на «достоверности» собственной теоретико-методологической и реформаторской позиции, рекомендуя некую идеальную модель развития товарно-денежных отношений и предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов в масштабах своей страны либо в планетарном масштабе. Как следствие, их творческому наследию была в числе прочего присуща убежденность в том, что экономическая эффективность и нравственность, будучи совершенно неотделимы друг от друга, не сдерживают, а скорее, стимулируют всемерное перманентное и бескризисное расширение товарного производства и развитие денежно-кредитных, финансовых и иных институтов социально ориентированной хозяйственной жизни.

В статье принято во внимание то обстоятельство, что вплоть до настоящего времени вне поля зрения историко-экономических исследований незаслуженно остаются такие новаторские изыскания российских ученых-экономистов XIX столетия, которые выполнены ими в контексте принципов нравственной политической экономии и могут быть соотнесены к двум вехам формирования нравственной политэкономии в России в указанном периоде. При этом в содержании соответствующих разделов выполненной работы сочтено нецелесообразным акцентирование внимания на том, кого из видных ученых – француза С. Сисмонди или россиянина А.К. Шторха – следовало бы признать первооткрывателем концептуального положения о «нравственной политической экономии» (хотя работа Шторха вышла в свет четырьмя годами ранее книги Сисмонди – в 1815 г.).

Собственно временны*е* рамки каждой из двух основных вех, а также полученные посредством ретроспективного исследовательского подхода обобщающие материалы, свидетельствующие о нравственных теоретико-методологических сентенциях в творчестве видных российских политэкономов XIX века, представлены в таблице.

Таблица

Вехи нравственной российской политэкономии в теоретико-методологических сентенциях видных российских политэкономов XIX в.

Веха 1. Нравственная политическая экономия смитианцев А.К. Шторха и А.И. Бутовского	
Шторх А.К. (1766–1835)	Согласно Шторху, • нематериальные ценности образуют нашу *нравственную собственность* и составляют часть нашего существа; • к первичным внутренним благам относятся способности человека …здоровье, ловкость, знания, вкус, *нравственность* и религия
Бутовский А.И. (1814–1890)	Согласно Бутовскому, который первый том своего трехтомника «Опыт о народном богатстве» озаглавил «*Политэкономия как нравственная* наука»: • «*нравственные науки* восходят от рассеянных фактов к законам с помощью наблюдения и анализа»; • «эмпиризм, ложные системы и влияние страстей на убеждения — вот тучи, затмевающие законы: …их-то стремятся рассеять *науки нравственные*»
Веха 2. Нравственная политическая экономия приверженцев утопического социализма В.А. Милютина и Э.Р. Вредена	
Милютин В.А. (1826–1855)	Согласно Милютину, «успехи промышленности, …улучшение внешнего быта — необходимое условие и *для нравственного* развития человечества»
Вреден Э.Р. (1835–1891)	Согласно Вредену, «прочные научные построения» требуют указания «…наличных материальных и *нравственных сил* в населении, территории, общественном хозяйстве и управлении»

Источник: составлено автором.

Ниже в соответствующих разделах статьи речь пойдет о сущностных аспектах и особенностях названных вех в формировании нравственной политической экономии в России в XIX веке.

Нравственные основания российской политэкономии в творчестве смитианцев А.К. Шторха и А.И. Бутовского

Видный российский смитианец *Андрей (Генрих) Карлович Шторх*[2] свое главное в творческом отношении политэкономическое сочине-

[2] А.К. Шторх — уроженец города Риги, получивший образование в 1784–1787 гг. в Йенском университете (Германия). С 1787 г. и до конца своей жизни жил в Санкт-Петербурге, занимаясь преподавательской и научной деятельностью, получив впоследствии научные звания член-корреспондента (1796) и ординарного академика (1804), став первым российским академиком (действительным членом Академии наук) по направлению «политическая экономия и статистика», а также членом 21 академии и научных обществ.

ние опубликовал в 1815 г. на французском языке в шести томах под названием «Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие». Но на русский язык этот труд был переведен И.В. Вернадским лишь частично и значительно позже – в 1881 г., охватив только первый том «Курса…» и часть второго тома (продолжение книги 3). При этом И.В. Вернадский снабдил переведенные части своими весьма содержательными политэкономическими «заметками» (см.: [10, с. 164]).

Как видно из содержания «Курса…», А.К. Шторх позиционирует себя убежденным последователем и пропагандистом либеральных оснований экономического учения А. Смита о богатстве и деньгах, о производстве и распределении и т. д. [8]. Однако, несмотря на эту, так сказать, похожесть, он решительно отвергает как смитианские постулаты трудовой теории стоимости, так и смитовское учение о производительном и непроизводительном труде и их месте и роли в создании и приумножении богатства. Одновременно особое внимание обращает на себя то, что российский ученый наперекор своему кумиру А. Смиту, дистанцировался и от его метафорических концептуальных положений об «экономическом человеке» и о «невидимой руке». Причем им Вернадский противопоставил введенную в своем сочинении в научный оборот неординарную фундаментальную авторскую парадигму теории цивилизации, в которой обосновал и последовательно изложил черты собственных научно-практических нововведений, базирующихся на *нравственных* концептуальных суждениях и умозаключениях в области осмысления ключевых методологических и теоретических оснований политической экономии.

Обобщенные и систематизированные в шеститомнике А.К. Шторха научно-практические нововведения позволяют солидаризироваться с его доводами. В частности, согласно Шторху, многочисленные смитианцы, именуемые им «новейшими писателями», уже на протяжении длительного времени «…исключительно направляли свои наблюдения на причины народного богатства и совершенно оставили без внимания причины цивилизации или просвещения» [9, с. 17]. Не менее убедительны адресованные тем же смитианцам («новейшим писателям») критические аргументы российского ученого о том, почему теория стоимости (ценности) А. Смита не может быть приемлема научным экономическим сообществом, поскольку в соответствии с убеждениями А.К. Шторха [9, с. 23, 24, 43]:

1) ценность предметов состоит в их относительной пользе, признанной лицами, которые употребляют их для удовлетворения потребностей;

2) ценность рождается из потребностей человека и из годности предметов, и суждению предоставляется открывать отношение, существующее между этими двумя элементами;

3) среди ценностей, которые потенциально могут принадлежать нам, одни – материальные – состоят из предметов, вне нас находящихся; другие – нематериальные, т. е. не подпадающие нашим чувствам; они образуют нашу *нравственную собственность* и составляют часть нашего существа.

Другой последователь смитианского экономического учения, видный российский ученый-экономист *Александр Иванович Бутовский*[3], издал первый в России трехтомный курс политической экономии, написанный на русском языке под названием «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» (1847)[4]. Этот политэкономический трехтомник А.И. Бутовского по своей сути действительно мог бы быть признан сугубо смитианским, поскольку структурирован почти аналогично с книгой известного французского смитианца Ж.Б. Сэя. Ведь, подобно последнему, российский ученый принял сэевскую схему, рассматривая в своей книге поочередно в первом томе сферу производства, во втором – обращения, в третьем – потребления (см.: [10, с. 159]).

Однако А.И. Бутовский, как и А.К. Шторх, поставил во главу угла своих политэкономических изысканий нравственные начала и, как и он, видел, например, в капитале нечто «самобытное, поземельное и нравственное». Между тем, как никто другой ранее из смитианцев, почти повторив оценочные суждения С. Сисмонди в «Новых началах политической экономии» о том, что политэкономия является «моральной» и одновременно с этим «нравственной наукой», А.И. Бутовский первый том своего трехтомника назвал «Политэкономия как нравственная наука». Что касается особенностей собственного в*и*дения нравственных оснований политической экономии в «Опыте…» А.И. Бутовского, то они нашли свое отражение прежде всего в его размышлениях о сущностных чертах так называемых «физических» и «нравственных» наук и их предназначении в свободной и разумной деятельности удовлетворяющего свои потребности человека. Кроме того, его исследованием в политэкономическом и нравственном контексте охвачены научно-практические аспекты осмысления места и роли в хозяйственной жизни «благ и капитала», «невещественных благ» и даже некоего «грубого коммуниста», готового «снова приняться за дележ, всегда награждая леность, порок

[3] А.И. Бутовский (1814–1890) – уроженец Полтавской губернии, окончил Санкт-Петербургский университет (1834). С 1835 г. работал в Министерстве финансов России, где возглавлял в период 1860-1870 гг. Департамент мануфактур и внутренней торговли и различные комиссии и комитеты, был его представителем в Лондоне: удостоен статуса действительного тайного советника (1884), сенатора (с 1879).

[4] Эта книга А.И. Бутовского не менее десятка лет являлась единственным российским учебником по политической экономии.

и посредственность» и тем самым всегда наказывающего «прилежание, нравственность и талант».

В частности, А.И. Бутовский предлагает подразделять сферу образования на две половины, в одну из которых входят «науки, излагающие законы природы», то есть «науки *физические*», в другую – «науки, объясняющие законы, которыми направляется свободно-разумная деятельность человека к достижению различных целей», то есть «науки *нравственные*». Причем только «нравственные науки, – поясняет ученый, – восходят от рассеянных фактов к законам с помощью наблюдения и анализа», а кроющиеся в них «побуждения …свободно-разумной деятельности человека …все подходят под пять категорий: *истинного, изящного, доброго, правого и полезного,* существуют с тех пор, как род человеческий занял место в ряду тварей земных». Полагая так, А.И. Бутовский формулирует два обобщающих научно-практических положения. Согласно первому из них, «эмпиризм, ложные системы и влияние страстей на убеждения» являют собой в политэкономии те самые «тучи, затмевающие законы, которым должна следовать свободно-разумная деятельность человека», которые и «стремятся рассеять науки нравственные». И, согласно второму, – «*политическая экономия,* развив идею полезного, откроет законы, по которым люди, не изменяя всем прочим условиям усовершимости рода человеческого, обретают в своей собственной деятельности и в природе их окружающей средства к удовлетворению своих потребностей» [1, т. 1, с. VI].

В отношении нравственной политэкономической интерпретации А.И. Бутовским «капитала» необходимо отметить, что она тоже вбирает в себя ряд оригинальных морально-нравственных умозаключений. На страницах его «Опыта…», в частности, говорится о том, что «капитал снискивает постоянную производительность не иначе как в совокуплении то с безвозмездною силой природы, то с присвоенною, то с трудовыми способностями человека». По это причине, заключает ученый, «в первом случае он применяется к производству через приспособление различных сил и тел, представляющих к тому надлежащие свойства, и может рассматриваться как *самобытный,* во втором ему прилично название *поземельного;* в третьем он приемлет качество капитала *нравственного*» [1, т. 1, с. 194–195].

В продолжение рассмотрения проблематики «капитала» А.И. Бутовский недвусмысленно поясняет то общее, что, на его взгляд, имеет место в предназначении «капитала нравственного» и капитала, традиционно применяемого к производству, отмечая следующее [1, т. 1, с. 203]:

- участие, принимаемое капиталом нравственным в производстве, совершенно сходно с тем, которому предназначены капиталы постоянные, самобытные;
- подобно орудиям, образование служит нам, нимало не изменяясь; оно в нас остается и даже имеет то преимущество перед другими капиталами постоянными, что, по мере применения к производству, беспрестанно обогащается новой опытностью.

Размышления А.И. Бутовского в части нравственных составляющих благосостояния, обусловленного производством так называемых «невещественных благ», базируются на его убежденности в том, что любой человек, «достаточно снабженный пищею, одеждою, кровом, орудиями, …не может считаться удовлетворенным» в силу таких пяти причин, как [1, т. 1, с. 428–429]:

1) если ему недостает здоровья, силы телесной;

2) если в нем не развито и не просвещено воображение;

3) если он не имеет довольно познаний, опытности, искусства;

4) если воля его не вооружена началами нравственности;

5) если он не обеспечен против нарушений, угрожающих его собственности и его личности.

Подытоживая вышесказанное, автор «Опыта…» подчеркивает, что «жизнь государственная требует от человека образования не только эстетического и умственного, но еще нравственного и религиозного…», поскольку как нравственно-религиозное образование, так и безопасность не могут быть доставлены народу без участия в том его производительных сил [1, т. 1, с. 501–502].

Наконец, характеризуя в своем трехтомнике «поверхностного мыслителя» и «грубого коммуниста», А.И. Бутовский ставит им в упрек, во-первых, то, что каждый из них «проповедует настоящее восстание бедных против богатых». Во-вторых, то, что «социалист, увлекаемый несбыточными мечтами, громоздит фантастические системы, низводит разум на степень инстинкта и хочет превратить мир в пчелиный улей, где всем будет довольно меду и цветов». Но самое негативное, что вбирает в себя учение «о социализме и коммунизме», поясняет ученый, состоит в том, что приверженцы этого учения, «обобрав одних и наделив всех поровну противно и воле и благости Провидения», увидят следующее: «Не пройдет года и в одних руках – нерадивых или не умеющих – доли уничтожатся, в других – искусных и трудолюбивых – они прирастутся». И в конце концов «везде окажется прежнее неравенство и нужно снова приняться за дележ, всегда награждая леность, порок и посредственность, всегда наказывая прилежание, нравственность и талант» [1, т. 3, с. 396-401].

Нравственные основания российской политэкономии в творчестве адептов утопического социализма В.А. Милютина и Э.Р. Вредена

Среди отечественных приверженцев утопического социализма, внесших личный вклад в формирование нравственных оснований российской политической экономии, важное место занимает личность *Владимира Алексеевича Милютина*[5], сочинения которого были обнародованы в период 1847-1855 гг. в сериях статей в журналах «Отечественные записки» и «Современник» в Санкт-Петербурге и охватывают многие направления научных изысканий, включая политическую экономию.

В 1946 г., накануне 120-ой годовщины со дня рождения В.А. Милютина, его труды были впервые опубликованы единым изданием под названием «Избранные произведения», в которое вошли оба цикла его политэкономических статей, изданных в 1847 г., а именно:

- «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (цикл из четырех статей в журнале «Отечественные записки»);
- «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» (цикл из пяти статей, из них три – в журнале «Современник», две – в журнале «Отечественные записки»).

В своих, резонансных на теоретико-методологической платформе утопического социализма политэкономических сочинениях В.А. Милютин демонстрирует неприятие смитианских идей адептов классической политической экономии о всеобщей социально-экономической гармонии благодаря ничем не ограниченной свободе конкуренции хозяйствующих субъектов, каждый из которых ассоциируется ими с «экономическим человеком», направляемым смитовской всесильной «невидимой рукой». Наперекор классикам, он отрицает смитианские суждения о неотвратимом действии универсальных экономических законов, то есть «невидимой руки», априорно гарантирующей достижение наилучших результатов каждому индивиду и, соответственно, обществу в целом.

Поэтому не случайно на страницах вышеназванных его работ красной нитью прослеживается мысль о том, что политическая экономия смитианцев лишь на первый взгляд правомерно трактует ее как науку о материальном благосостоянии. Однако на самом деле, настаивает ученый, главным и основным для политической экономии должна стать ее обращенность непосредственно к человеку и к его нравственным и морально-этическим ценностям.

---

[5] В.А. Милютин (1826–1855) окончил 1-ю Московскую гимназию (1843), учился сначала на юридическом факультете Московского, а затем Санкт-Петербургского университета. Окончив в 1847 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, продолжил там же обучение и в 1850 г. защитил магистерскую диссертацию.

В данном контексте в цикле статей «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» весьма убедительной представляется логика следующей, нравственной по своей сути цепочки умозаключений В.А. Милютина. С одной стороны, пишет он, нельзя не признать, что «успехи промышленности» обусловлены успехами в сфере производства. Но, с другой – промышленные успехи тесно связаны «с успехами образованности», то есть с тем, что можно признать «как улучшение внешнего быта». Эта взаимосвязь, подытоживает ученый, и является тем самым принципиальным моментом, который следует воспринимать как «…необходимое условие и для *нравственного развития человечества*» (выделено авт. – *Я.Я.*) [5, с. 160].

Что касается цикла статей, посвященных В.А. Милютиным критическому анализу книги А.И. Бутовского «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии», то и этот цикл выполнен с доминированием в нем суждений о нравственно ориентированной политической экономии. Правда, формирование последней, по его убеждению, может быть достигнуто в том случае, если в научном экономическом сообществе найдут реальное применение нижеследующие, изложенные им на принципах политической экономии социалистов-утопистов нравственные практико-ориентированные по своей сути обобщающие рекомендательные умозаключения, которые повествуют о том, что [6, с. 276–277, 318–319, 322, 353–354]:

1) политическая экономия должна раскрыть, какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению произведенных богатств по всем слоям общества;

2) она должна указать те практические средства, с помощью которых можно уничтожить язву пауперизма, усовершенствовать нынешнюю экономическую организацию, развить и упрочить материальное благосостояние человека;

3) политическая экономия неразрывно соединяет в себе два характера – теоретический и практический: она описывает то, что есть, и показывает то, что может и должно быть, *открывает законы* экономического мира и вместе с тем *предписывает правила* для деятельности человека в промышленной сфере;

4) если бы общественная власть оставила промышленность на произвол частным интересам, слабых без покровительства, а сильных без надзора, она бы отказалась вместе с этим от своего настоящего назначения, то есть от того, в чем заключается ее прямая и непосредственная обязанность;

5) как в политической сфере, так и в сфере промышленности настоящая свобода только и возможна при условии грамотной и четкой организации общественных отношений;

6) только общественная власть …может своим вмешательством обуздывать сильных, покровительствовать слабым, отвращать несправедливости и противодействовать беспорядку;

7) в тех формах общественного устройства, которые придуманы новыми школами, личность человека или исчезает совершено или подвергается самым стеснительным ограничениям;

8) вместо того чтобы найти средства для примирения двух равно необходимых начал – индивидуализма и общинности, современные теории по большей части жертвуют первым в пользу второго и подчиняют деятельность неделимого известным правилам, исполнение которых не может обойтись без принуждения или самопожертвования.

Далее, говоря об определенной причастности к формированию нравственных оснований российской политической экономии такого приверженца отечественного утопического социализма, как *Эдмунд Романович Вреден*[6], предварительно представляется необходимым обратить внимание на некоторые, весьма значимые в творческом отношении факты в его биографии. В частности, этот выходец из семьи прибалтийских немцев, получив прекрасное образование, профессиональную научную деятельность совмещал с преподавательской работой в Петербургском университете, Петербургском горном институте и Институте инженеров путей сообщения. При этом преподавать ему довелось широкий спектр учебных дисциплин, включая теорию, историю и технику статистики, теорию государственного кредита, статистику и теорию государственного кредита, а также историю экономических учений и политическую экономию.

О том, что именно нравственные начала в политической экономии стали для Э.Р. Вредена определяющими и приоритетными, он со всей убедительностью выразил в самом начале своего творческого пути на страницах своей магистерской диссертации (1866), защитив которую был удостоен степени магистра политической экономии. В частности, в предисловии к этой диссертации он утверждал, что во всех отраслях научных знаний, включая экономические, «прочные научные построения …должны быть только результатом множества предварительных и строго проверенных наблюдений» [2, с. 1]. Отсюда становится понятным, с одной стороны, то, почему, согласно Вредену, принципы нрав-

[6] Э.Р. Вреден (1836–1891) по окончании гимназии в Санкт-Петербурге там же получил университетское образование, окончив в 1859 г. с серебряной медалью историко-политическое отделение филологического факультета Главного педагогического института. Далее, совмещая преподавательскую деятельность с научной работой, в 1866 г. получил степень магистра политической экономии, в 1870 г. защитил докторскую диссертацию, в 1873 г. получил звание экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета, в 1880 г. – ординарного профессора, в 1891 г. – заслуженного профессора в том же учебном заведении.

ственности должны быть в центре внимания всякой отрасли науки, включая «новую»; с другой стороны, то, почему он пришел к выводу о том, что «…систематическое изображение общественной деятельности или так называемого состояния государства с указанием наличных материальных и *нравственных сил в населении*, территории, общественном хозяйстве и управлении – сделалось в последние три столетия задачею новой самостоятельной науки – статистики» (выделено авт. – *Я.Я.*) [2, с. 4].

Всего четыре года спустя, защитив докторскую диссертацию (1870), Э.Р. Вреден на страницах последней еще более акцентирует свою приверженность нравственным основаниям в научных изысканиях – утопическому социализму. Об этом свидетельствуют, в частности, те указанные им причины низкого уровня жизни рабочих, которые, по его убеждению, не увязаны с истинной нравственностью, как то [3]:

- отсутствие системы участия рабочих в прибылях предприятия;
- непредоставление рабочим гарантий установленного минимума заработной платы;
- необходимость организации принудительного пенсионного страхования рабочих при половинном участии в расходах предпринимателей и самих рабочих.

Однако апогеем нравственно ориентированных политэкономических нововведений Э.Р. Вредена явилось его фундаментальное сочинение под названием «Курс политической экономии», основой которой послужили лекции, прочитанные им в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1873–1874 учебном году. В этой работе российский ученый, демонстрируя солидарность с современными ему социалистами-утопистами, обосновывает ряд весьма актуальных и в наше время научно-практических умозаключений и рекомендаций. В их числе, в частности, имеют место аргументированные суждения ученого о том, что для того чтобы обеспечить защиту интересов рабочих, необходимо [4, с. 267–270]:

- привязать наемных работников к самому предприятию и тем обеспечить последнему …неуклонное, долголетнее служение добросовестных и опытных исполнителей;
- привести в соответствие соотношение доходности предприятия и вознаграждения за усердное, прямое служение ему;
- при всех промышленных предприятиях следует организовать долевые приплаты к обыкновенному вознаграждению за труд, на основании полного освобождения служащих и рабочих от промышленных рисков;
- при страховании служащих и рабочих от пагубных хозяйственных последствий, по случаю опасности, зловредности и изнурительности данного занятия для здоровья, сами служащие будут более стараться о предупреждении и прекращении опасностей,

чем если бы полного страхования не существовало и каждый заботился только о себе;
- предприятия и предприниматели обязаны содействовать всем членам семьи служащего к открытию поприща для приложения труда (женщины, калеки);
- содействовать выгодному помещению всякого сбережения путем открытия ссудо-сберегательных касс;
- облегчить приобретение предметов потребления на основании начал общества потребления или бережливости;
- доставлять средства к приобретению технического образования, как взрослыми, так и малолетними;
- устройство рабочих усадеб и полезное препровождение досуга и организация развлечений.

Э.Р. Вреден, в духе принципов нравственности социалистов-утопистов, не приемлет любые, связанные с насилием меры по защите интересов рабочих, включая забастовки, и поэтому отмечает в данной работе, что «рабочие нередко слишком узко понимают свои непосредственные выгоды и необдуманными мерами в борьбе наносят вред самим себе». Причем он убежден в том, что «всякое насильственное разрешение экономических отношений между представителями тех или других интересов влечет не только потрясения, которые вредно отражаются на всей промышленности, но и такие, которые ...более вредны для самих рабочих» [4, с. 291].

На завершающих страницах политэкономического «Курса…» Э.Р. Вредена обращает на себя особое внимание аргументированное неприятие им смитианской метафоры о «невидимой руке», которая якобы способна наилучшим образом направлять некоего рационального, сугубо эгоистичного «экономического человека», способствуя тем самым формированию идеальной, автоматически уравновешивающейся конкурентной хозяйственной системы и присущей ей общественной гармонии. Вопреки этим, либеральным по своей сути принципам, собственное – ни по «коммунистам», ни по «социалистам» и ни по «либералам» – видение векторов формирования экономики и общества будущего, базирующихся на политэкономических принципах нравственности, этики и морали, российский ученый сформулировал посредством следующих умозаключений [4, с. 589–590]:

1) «коммунисты» и «социалисты» всегда забывают о том, что «обеспечить одинаковое пользование ценностями и услугами или результатами труда, при различии в самих способностях к труду, почти немыслимо, что тут, очевидно, несправедливое лишение одних и благодетельствование других: менее трудящиеся будут получать более, чем заслужили, и наоборот»;

2) необходимо обратить внимание при этом и на то, что эгоизм, присущий человеку, как личное сознание о своей особе, не приведет

к напряжению трудовых усилий; неизбежно и способный наиболее трудиться будет беречь свой труд в уровень со слабосильными;

3) равенство если и водворится общее, то однообразие снизойдет до уровней личностей наименее способных, установится на ступени трудовых сил наименьших и никаким образом не будет достигать тождества с трудовыми силами наивысшими, наибольшими;

4) ложно и направление всей школы либеральной, защищающей эгоистические стимулы и считающей их основным источником хозяйственной деятельности, вообще основанием всех проявлений экономического быта;

5) общественность и хозяйство до такой степени родственны друг другу, что отдельных интересов для них не существует, а каждый раз, когда стремления общественные и стремления хозяйственные расходятся между собой, во всем хозяйстве и во всей общественной среде наступает расстройство, кризис;

6) всякое увлечение исключительно экономическими соображениями гибельно отзывается в политическом быту; и наоборот, увлечения политические порождают превратные явления в хозяйстве.

* * *

Результаты проведенного исследования подтверждают научную гипотезу, в соответствии с которой имевшиеся ранее предпосылки для формирования нравственной российской политической экономии обусловили приверженность ее адептов принципам социальной справедливости и морально-этическим нормам человеческого бытия при решении насущных проблем преодоления диспропорций и кризисов в развитии хозяйственной жизни. Обобщающие результаты отражают вехи формирования нравственных оснований российской политэкономии в XIX столетии и опровергают априорные историко-экономические оценочные суждения о том, что российские ученые-экономисты в рамках своих изысканий якобы повторяли политэкономические новации зарубежных исследователей либо подражали им. В совокупности это указывает на несостоятельность критики в адрес российской политэкономии, которая якобы лишь механистически заимствовала новации смитианского экономического учения, утопического социализма и других политэкономических направлений.

Таким образом, современным исследователям, ориентируясь на введенные российскими учеными-экономистами XIX столетия в научный оборот концептуальные основания нравственной политэкономии, необходимо продолжить изыскания по выработке такого, отвечающего современным реалиям нравственно ориентированного инструментария поступательного развития экономики, который бы перманентно способствовал приданию ей социальной направленности.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1847. Т. 1–3. [*Butovsky, A.I.* The Experience of National Wealth, or on the Principles of Political Economy. St. Petersburg: type. H.I.M. Chancery, 1847. Vol. 1–3. (In Russ.).]
2. *Вреден Э.Р.* Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1866. (магистерская диссертация). [*Vreden E.R.* Sansovino's Political Science and Botero's Worldwide Relations. St. Petersburg: type. Imperial Academy of Sciences, 1866. (Master's thesis). (In Russ.).]
3. *Вреден Э.Р.* Страховые артели и долевая рабочая плата. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1870. – (докторская диссертация). [*Vreden E.R.* Insurance Cooperatives and Shared Labor Payment. St. Petersburg: type. V. Bezobrazov and Co., 1870. (Doctoral dissertation). (In Russ.).]
4. *Вреден Э.Р.* Курс политической экономии: Сост. Э. Вреден, на основании лекций, чит. в Имп. С.-Петерб. ун-те в 1873-1874 гг. 2-е перераб. изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – XVI. [*Vreden E.R.* Course in Political Economy: Comp. E. Vreden, based on lectures given in the Imperial St. Petersburg. University in 1873–1874. 2nd revised ed. St. Petersburg: Printing house. M. M. Stasyulevich, 1880. – XVI. (In Russ.).]
5. *Милютин В.А.* Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции / Избранные произведения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1946. С. 158–272. [*Milyutin, V.A.* Proletarians and pauperism in England and France / Selected works. Moscow: State publishing house of political literature, 1946. Pp. 158–272. (In Russ.).]
6. *Милютин В.А.* Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии / Избранные произведения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1946. С. 273–444. [*Milyutin, V.A.* Experience on national wealth or on the principles of political economy / Selected works. Moscow: State publishing house of political literature, 1946. Pp. 273–444. (In Russ.).]
7. *Сисмонди С.* Новые начала политической экономии или О богатстве в отношении к народонаселению. В 2 т. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. [*Sismondi S.* New principles of political economy or On wealth in relation to population. In 2 vol. Moscow: State socio-economic publishing house, 1937. (In Russ.).]
8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. [Smith, A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow: Sotsekgiz, 1962. (In Russ.).]
9. *Шторх А.К.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Пер. с фр. с биогр. очерком авт., под ред. и с заметками И.В. Вернадского. Т. 1. Санкт-Петербург: Слав. печ. И.В. Вернадского, 1881. [*Shtorkh A.K.* Course of political economy, or Presentation of the principles that determine national welfare. Trans. from French with a biographical essay by the author, edited and with notes by I.V. Vernadsky. Vol. 1. St. Petersburg: Slavonic printing house of I.V. Vernadsky, 1881. (In Russ.).]
10. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. [*Yadgarov Ya.S.* History of economic doctrines. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center INFRA-M", 2023. (In Russ.).]

11. *Ядгаров Я.С.* Моральная и нравственная политическая экономия: к 200-летию книги С. Сисмонди «Новые начала политической экономии» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). [*Yadgarov Ya.S.* Moral and Ethical Political Economy: on the 200th Anniversary of S. Sismondi's Book "New Principles of Political Economy // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9. No. 3 (39). (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *30.05.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ядгаров Яков Семенович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7038-0630
yakovyadgarov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yakov S. Yadgarov – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7038-0630
yakovyadgarov@mail.ru

MILESTONES IN THE FORMATION OF MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN POLITICAL ECONOMY IN THE 19TH CENTURY

The article examines the essence and features of the moral Russian political economy that formed in the 19th century. The author's scientific hypothesis is proposed, according to which the previously existing prerequisites for the formation of moral Russian political economy determined the commitment of its adherents to the principles of social justice and moral and ethical norms of human existence in solving urgent problems of overcoming disproportions and crises in the development of economic life. Against the background of the implementation of this hypothesis, the rejection by Russian political economists of the 19th century of the Smithian metaphor about the allegedly always rational direction of the actions of a purely egoistic economic man by the "invisible hand", that is, the omnipotent "objective economic laws" has been clearly revealed. The article demonstrates the opposition of the "Say's law of markets", which tells about the predetermination of the equilibrium of the free competition economy, the assertions of Russian scientists that the achievement of an equilibrium economy requires regulatory participation, from a moral position, participation in this process of society and the state. The decisive role in the formation of moral political economy in Russia of prominent domestic adherents of two political economic paradigms – the Smithian paradigm and utopian socialism – is shown.

Keywords: *natural, market and socially oriented market economy, classical political economy, opponents of classical political economy, hypothesis of the relationship between economic life and moral political economy, founders of moral Russian political economy.*

JEL: B12, B14, B15.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.А. ОСАДЧЕНКО
аспирант, старший преподаватель
кафедры финансов и управления рисками
Сибирского федерального университета

ОЦЕНКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ[1]

Одной из целей развития энергетики РФ является обеспечение энергетической безопасности, достижение которой требует проведения оценки ее уровня. На данный момент это осложняется устареванием и субъективностью существующих методик. В работе проанализирован опыт оценки энергетической безопасности и представлена авторская методика оценки на уровне региона. Проведенные по ней расчеты позволили распределить регионы на три кластера по трем уровням безопасности. При этом в целом уровень энергетической безопасности регионов РФ за 2014–2023 гг. снижается. Разработанная методика является более объективной и содержательной по сравнению с существующими благодаря включению показателей, которые прошли через механизм отбора, отказу от использования пороговых значений и учету всех показателей с равными весами.

Ключевые слова: *энергетическая безопасность, методика, оценка, регион, энергетика, Российская Федерация, энергетическая политика.*

УДК: 338.45

EDN: BHHHMX

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_75_94

[1] Автор искренне благодарит рецензентов за огромный труд, ценные замечания, которые способствовали существенному улучшению работы, помощь в структуризации статьи и полезные обсуждения, редакторов – за тщательную работу с текстом.

Введение

Развитие экономики и развитие энергетики – взаимосвязанные процессы. Первый основывается на наличии источников энергии, обеспеченности ими, степени их диверсификации и уровне развития технологий. Второй в значительной мере определяет возможности и ограничения экономического развития [1]. В связи с этим вопросы обеспечения энергетической безопасности приобретают особую значимость.

Одной из целей развития энергетики РФ, обозначенных в Энергетической стратегии РФ на период до 2050 года[2], является обеспечение энергетической безопасности. Важно отметить, что энергетическая безопасность должна способствовать достижению как экономической безопасности, так и национальной безопасности. Это обусловлено ее положением как элемента в системе безопасности РФ [2].

Обеспечение энергетической безопасности невозможно без проведения оценки ее уровня, которая осуществляется по определенной методике. Исследования [3] показывают, что в российской практике было разработано три методики оценки энергетической безопасности региона, однако, на наш взгляд, ни одна из них не способна дать объективную оценку уровню безопасности. Причинами этого являются использование показателей, по которым доступ к информации закрыт либо прекращена разработка таковой, повышенная субъективность алгоритма оценки за счет использования пороговых значений показателей и экспертных оценок при определении весовых коэффициентов и игнорирование текущих вызовов и угроз в силу отсутствия актуализации [3]. Следовательно, существует потребность в разработке методики, которая устранит вышеописанные недостатки.

Целью данного исследования является разработка методики оценки энергетической безопасности региона и оценка по данной методике уровня энергетической безопасности регионов РФ за 2014–2023 гг.

В данной работе использованы результаты предыдущего исследования [4], в котором были определены существенные характеристики энергетической безопасности – состояние энергетической системы, физическая доступность, ценовая доступность, экологическая приемлемость. К каждой из этих характеристик были подобраны потенциальные для оценки уровня безопасности показатели, исходя из доступности данных, а также разработан механизм отбора показателей и сформирован перечень таковых.

---

[2] Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2 (дата обращения: 26.05.2025).

Обзор литературы

Если говорить об общей схеме организации методик оценки энергетической безопасности, распространенной как в российской, так и зарубежной практике, то она предполагает формирование перечня показателей, их нормирование, присвоение им весов и расчет комплексного показателя.

В большинстве работ энергетическая безопасность рассматривается на уровне стран. Например, в исследовании [5] участвовало 162 страны мира, лишь четверть из них получили оценки «отлично» и «хорошо». Это страны Западной Европы и Северной Америки. Новизна работы заключается в применении нового метода определения весов показателей, сочетающего объективное распределение на основе метода главных компонент (МГК) и субъективное распределение. Для агрегирования показателей в комплексный индекс авторы [6] используют метод МГК. Из 46 стран в 2006–2022 гг. лидерами по уровню энергетической безопасности являются Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания, Филиппины, Новая Зеландия, США и Австрия, а аутсайдерами – Канада, Китай, Люксембург, Нидерланды, Египет, Пакистан, Бразилия и Румыния. Авторы [7] дополнили вышеуказанный метод индексом производительности Мальмквиста (MPI – Malmquist productivity index) и методом области уверенности (AR – assurance region technique) и пришли к выводу, что в 125 странах мира с 1997 по 2017 г. наблюдается положительная динамика уровня безопасности.

МГК, апробированный на 24 странах Азии, показал повышение уровня энергетической безопасности в Гонконге, Монголии, Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре, Южной Корее и Японии в 1990–2014 гг. [8]. В работе [9] с помощью усовершенствованной модели динамического сетевого анализа оболочек данных оценили энергетическую безопасность стран Организации экономического сотрудничества и развития за первые 20 лет XXI в. и пришли к выводу, что Австрия, Канада, Люксембург, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Южная Корея сформировали группы стран с наилучшими значениями интегрального показателя.

Оценка и анализ энергетической безопасности Китая проводится на уровне территориальных единиц (провинций). Распространено использование метода энтропийного веса при определении весов показателей. Расчет комплексного показателя осуществляется как классическим способом через сумму произведений весов и нормализированных значений показателей, так и с помощью метода упорядочивания предпочтений по сходству с идеальным решением (TOPSIS) [10]. Анализ и сравнение провинций проводится через анализ пространственной корреляции [10; 11], оценку плотности ядра, разложе-

ние коэффициента Джини по Дагуму [12], а также с помощью метода декомпозиции дисперсии, матрицы вероятностей перехода Маркова и моделей конвергенции [13]. В целом наблюдается низкий уровень энергетической безопасности провинций Китая.

В рамках обеспечения региональной энергетической безопасности Республики Беларусь была разработана методика [14], включающая 30 индикаторов и использующая равные веса при расчете интегрального показателя. Ее отличительная особенность заключается во введении блока социально-экономических показателей. По всем регионам отмечается положительная динамика за 2018–2022 гг. [15].

Оценка энергетической безопасности РФ проводилась на уровне регионов и осуществлялась по трем методикам, которые были разработаны исследователями следующих научных и образовательных организаций: Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук (ИСЭМ СО РАН) [16]; Институт экономики Уральского отделения РАН (ИЭ УрО РАН) [17]; Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (НГТУ им. Р.Е. Алексеева) [18].

Группа исследователей ИЭ УрО РАН под руководством А.И. Татаркина разработала комплексную методику оценки энергетической безопасности региона, которая встроена в систему оценки экономической безопасности и включает 7 блоков, 30 показателей и 7 уровней безопасности. По ней проводилась оценка не только на уровне регионов, но и на уровне федеральных округов (ФО) с 2000 по 2010 г. [19], а по Уральскому ФО и Дальневосточному ФО – до 2012 г. [20]. На наш взгляд, данная методика является наиболее состоятельной и менее субъективной за счет широты учитываемых аспектов, видов энергии и ресурсов, использования авторского алгоритма определения пороговых значений и собственной шкалы оценки уровня безопасности.

Упрощенной является методика, предложенная исследователями НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Индекс энергетической безопасности определяется по шести индикаторам, учитывающим аспект наличия и обеспеченности ресурсами и тепловой и электрической энергиями, как сумма произведений их значений и равных весов. Качественная интерпретация полученного результата не проводится. Оценка по данной методике проводилась единожды по регионам Приволжского ФО за 2011 г. [18].

Методика, созданная исследователями ИСЭМ СО РАН, состоит из следующих блоков показателей[3]: производственная и ресурсная обеспеченность (3); надежность (3); состояние основных фондов (2). Выделяют три уровня энергетической безопасности региона: нормальный, предкризисный и кризисный. Для определения уровня безопасности

[3] В скобках указано число показателей в блоке.

региона значение каждого индикатора сравнивается с пороговыми значениями по уровням безопасности, делается вывод об уровне безопасности по индикаторам, далее рассчитывается сумма весов по каждому уровню безопасности и сравнивается со шкалой. Последняя, а также пороговые значения и веса показателей заданы на основе экспертных оценок. Данная методика является самой часто используемой для оценки энергетической безопасности регионов России. Так, в 2011 г. и 2016 г. была проведена оценка по 78 регионам РФ [21]. Большинство из них имели кризисный и предкризисный уровень безопасности за счет высокой степени износа основных фондов.

По регионам Сибирского ФО оценка осуществлялась за 2012 и 2016 гг. [22], а также 2015 и 2019 гг. [23]. Нормальный уровень безопасности характерен для Кемеровской, Томской и Иркутской областей и Красноярского края, предкризисный – для Новосибирской области. Алтайский край и Республика Тыва переходят в кризисное состояние к 2019 г., республики Алтай и Хакасия – в предкризисное.

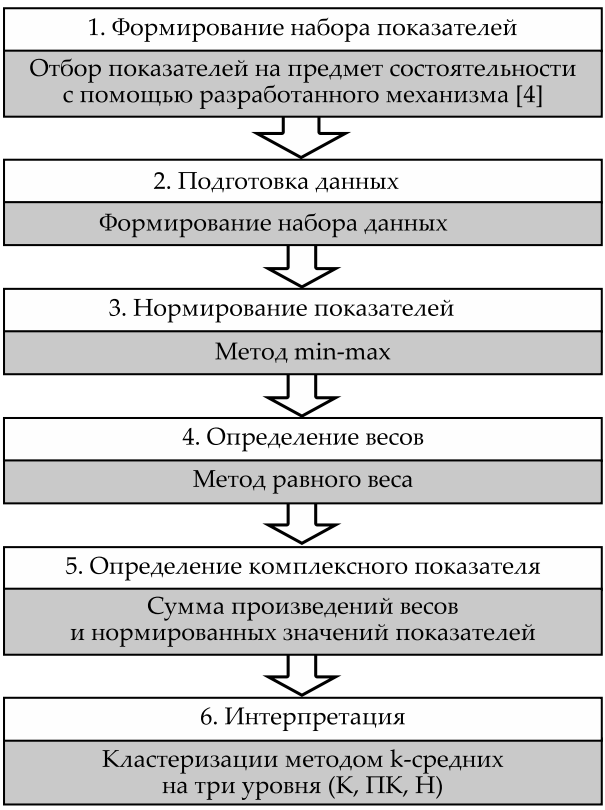
Исследование энергетической безопасности в Южном ФО за 2016–2020 гг. [24] показало, что кризисная ситуация наблюдается только в Республике Крым. Республика Калмыкия улучшает уровень безопасности до предкризисного и становится в один ряд с Волгоградской областью и Краснодарским краем. Нормальная ситуация наблюдается в Астраханской и Ростовской областях. Что касается Центрального ФО, Липецкая, Ярославская и Московская области и г. Москва имеют предкризисный уровень безопасности, остальные регионы – кризисный.

С 2017 по 2021 г. все регионы Приволжского ФО [25] находятся в предкризисном состоянии, за исключением Пермского края и Нижегородской области, которые располагаются на уровень выше.

В целом существующие российские методики оценки энергетической безопасности не могут дать состоятельного результата на текущий момент. Это обусловлено ограничениями доступа к статистической информации и прекращением ее разработки по некоторым показателям, которые используются в методиках, что стало критическим после 2022 г. Следовательно, существует потребность в поиске и отборе новых показателей энергетической безопасности. Также наблюдается повышенная субъективность методик за счет использования пороговых значений показателей, при определении которых опираются на экспертные оценки. Присвоение весов показателям проводится аналогичным образом. Зарубежные методики не обладают подобными недостатками ввиду периодической актуализации, неприменения пороговых значений показателей и широкого использования математических подходов к определению весовых коэффициентов. Таким образом, наблюдается потребность в разработке новой методики оценки энергетической безопасности регионов России с целью устранения выявленных недостатков.

Методы и данные

В настоящем исследовании для оценки энергетической безопасности регионов РФ использована авторская методика (см. рис. 1), которая базируется на общей схеме организации методик оценки энергетической безопасности.

К – кризисное состояние, ПК – предкризисное состояние, Н – нормальное состояние.
Источник: составлено автором.

Рис. 1. Методика оценки энергетической безопасности регионов

В работе [4] подробно изложено содержание первого этапа оценки энергетической безопасности. В результате с помощью разработанного нами механизма[4] было отобрано семь показателей энергетической безопасности, которые охватывают такие существенные характе-

[4] Механизм отбора построен на основе эконометрического моделирования, что снижает влияние субъективной составляющей при формировании перечня показателей. Решение о возможности использования показателя для оценки энергетической безопасности принимается на основе наличия его влияния на достижение экономической безопасности.

ристики[5], как состояние энергетической системы, физическая доступность и экологическая приемлемость. Первую характеристику иллюстрируют следующие показатели: «степень износа основных фондов по разделу D[6] ОКВЭД[7]», «число аварий на источниках теплоснабжения, паровых и тепловых сетях», «доля потерь электроэнергии в потреблении», «отношение фактического расхода топлива на единицу теплоэнергии к плановому», «численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом по разделу D ОКВЭД». Вторая характеристика представлена показателем «отношение производства электроэнергии к потреблению». Третья характеристика описывает показатель «доля электроэнергии, производимой с использованием возобновляемых источников, в общем объеме производства электроэнергии». Сущность характеристик и мотивы выбора показателей описаны в работе [4]. Также считаем необходимым включить следующие показатели ценовой доступности[8]: «средняя потребительская цена на услуги электроснабжения» и «средняя потребительская цена на автомобильный бензин». Такой выбор обусловлен, с одной стороны, доступностью данных в разрезе регионов, с другой стороны, значимостью электроэнергии и бензина для жизнедеятельности человека, их влиянием на себестоимость других товаров и услуг, а также частотой использования в других исследованиях [26; 27]. Кроме того, предлагаем включить еще один показатель экологической приемлемости «количество выброшенных в атмосферный воздух загрязняющих веществ на единицу площади по разделу D ОКВЭД». Это обусловлено негативным влиянием выбросов загрязняющих веществ на здоровье граждан и состояние окружающей среды, а также высокой стоимостью ущерба от них [28]. К тому же производство электроэнергии, газа и пара вносит существенный вклад в общий объем выбросов в атмосферу РФ [29], а экологическая приемлемость предполагает минимизацию негативного воздействия на окружающую среду. Важность включения данного показателя подчеркивается установлением цели по снижению выбросов загрязняющих веществ в рамках национальных целей развития[9].

---

5 В работе [4] дано пояснение, раскрывающее причины отсутствия показателей ценовой доступности.

6 Раздел D – обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха.

7 ОКВЭД – это общероссийский классификатор видов экономической деятельности.

8 Показатели ценовой доступности дифференцированы по регионам.

9 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 23.03.2025).

На втором этапе осуществляется формирование набора данных по показателям энергетической безопасности (x_i). Следует отметить, что было принято решение преобразовать значения показателя «отношение производства электроэнергии к потреблению» в двоичную систему. Единица присваивается в случае, если исходное значение больше либо равно 100%, т.е. регионы являются энергоизбыточными либо энергодостаточными, в противном случае – ноль, для таких субъектов характерен энергодефицит. Это сделано с целью противодействия возможному смещению оценки энергетической безопасности вследствие следующих перекосов. В некоторых энергодефитных регионах собственная генерация полностью отсутствует. Энергоизбыточные субъекты являются таковыми ввиду, во-первых, возможности выработки электроэнергии сверх внутренних потребностей, во-вторых, наличия инфраструктуры для ее передачи, в-третьих, существования спроса на энергию. В них может наблюдаться трех или четырех кратное превышение производства над потреблением. Энергодостаточные регионы могут иметь потенциал для увеличения выработки электроэнергии, но, как правило, не имеют возможности для ее передачи из-за особенностей организации энергосистемы России[10]. Перевод в двоичную систему позволяет учесть зависимость или автономность региона от внешних источников электрической энергии, но нивелирует влияние вышеописанных перекосов.

На третьем этапе проводится нормирование показателей (x_i) методом min-max с целью обеспечения соразмерности. Для реализации процедуры установлено следующее наилучшее направление изменения каждого показателей: «отношение производства электроэнергии к потреблению» и «доля электроэнергии, производимой с использованием возобновляемых источников энергии, в общем объеме производства электроэнергии» – увеличение; остальные – уменьшение.

На четвертом этапе присваивается вес каждому показателю. В сумме они должны быть равны единице. Результаты исследования [30], в котором использовались два альтернативных подхода к присвоению весов (равные веса и МГК) свидетельствуют о том, что использование разных весов не дает значительных изменений в конечных результатах. На основании этого принято решение использовать равные веса для всех показателей с целью облегчения методики и расширения возможностей ее применения. Расчет веса (e_i) осуществляется по формуле:

[10] В частности, речь идет о технологически изолированных территориальных электроэнергетических системах, к которым относятся Камчатский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ и Магаданская область.

$$e_i = \frac{1}{z} = \frac{1}{10} = 0{,}1,$$

где z – количество показателей, используемых для расчета комплексного показателя ($z = 10$).

На пятом этапе рассчитывается комплексный показатель энергетической безопасности региона (*КП*) как сумма произведений нормированных значений показателей энергетической безопасности и их весов по формуле:

$$\text{КП} = \sum_{i=1}^{z} e_i * x_i.$$

Комплексный показатель принимает значение в интервале (0; 1), чем оно выше, чем выше уровень энергетической безопасности региона.

На шестом этапе для определения уровня энергетической безопасности проводится кластеризация регионов методом k-средних в программном продукте Geoda по значению комплексного показателя. Выделяют три кластера аналогично трем уровням безопасности: нормальный (Н), предкризисный (ПК), кризисный (К). Данные уровни безопасности являются стандартными оценками ситуации и широко используются в исследованиях по безопасности. Кластер с самым большим значением центра считается кластером, члены которого имеют нормальный уровень энергетической безопасности, а члены кластера с самым маленьким значением центра имеют кризисный уровень энергетической безопасности. Применение кластеризации на первый взгляд выглядит излишним при одномерном сравнении, однако используется для того, чтобы избежать субъективности при определении уровня безопасности за счет отсутствия шкалы интервалов с численными критериями.

Исследование выполнено на данных, предоставленных Росстатом[11], Росприроднадзором[12] и Росреестром[13] по запросу, по 85 субъектам РФ за 2014–2023 гг. Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области не участвуют в исследовании из-за отсутствия сведений.

Показатель «количество выброшенных загрязняющих веществ в атмосферу» стал разрабатываться Росприроднадзором с 2018 г., следовательно, комплексный показатель за 2014–2017 гг. вычисляется по девяти показателям, поэтому вес каждого равен 0,11. Кроме того, для

[11] Официальная статистика. Росстат. https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.10.2024).

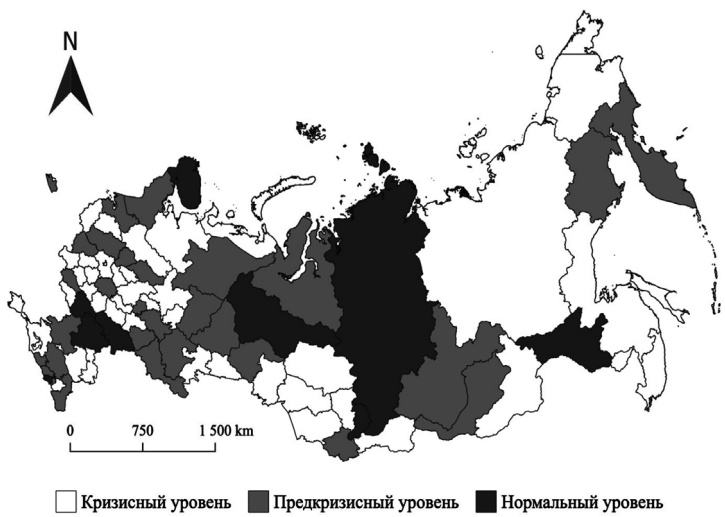
[12] Информация о выбросах загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников. Росприроднадор. https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/air-protect (дата обращения: 07.05.2024).

[13] Официальный сайт Росреестра. https://rosreestr.gov.ru (дата обращения: 15.05.2024).

Республики Крым и г. Севастополь отсутствует информация по средним потребительским ценам на услуги электроснабжения и автомобильный бензин в 2014 г., значит для них вес каждого показателя в указанном году равен 0,14.

Результаты и обсуждение

Результаты оценки уровня энергетической безопасности регионов России за 2014–2023 гг. представлены на рис. 2. Данная картограмма иллюстрирует принадлежность каждого региона к одному из трех кластеров и показывает в целом ситуацию в стране за весь период. Таким образом, для девяти регионов РФ характерен нормальный уровень энергетической безопасности (Амурская, Мурманская Волгоградская, Воронежская и Саратовская области, республики Северная Осетия и Хакасия, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край), для 31 региона – предкризисный, а 45 регионов – кризисный.

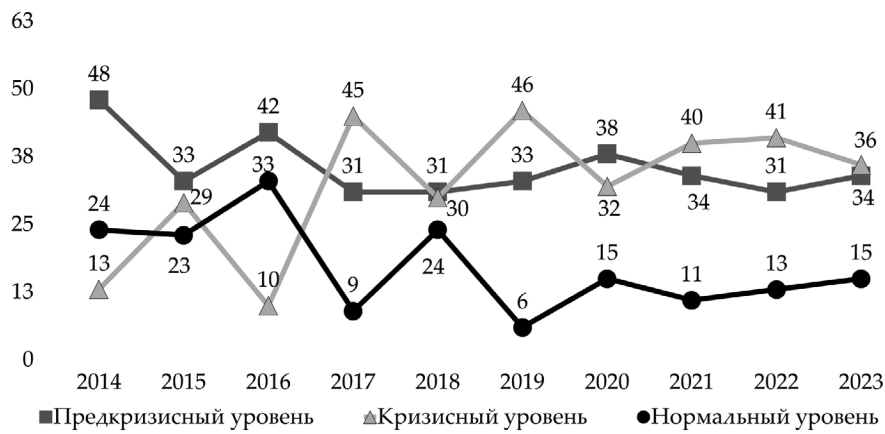
Примечание: границы Российской Федерации показаны такими, какими они были до 2022 г.
Источник: составлено автором.

Рис. 2. Уровень энергетической безопасности регионов России за 2014–2023 гг.

Регионы с нормальным уровнем энергетической безопасности имеют следующие отличительные особенности. Большинство из них являются энергоизбыточными. Исключения – Республика Северная Осетия и Волгоградская область (была избыточна в 2015–2020 гг.). Наблюдаются низкие уровни потерь электроэнергии в потреблении и аварийности на источниках теплоснабжения, паровых и тепловых сетях кроме Северной Осетии и Красноярского края соответственно.

Низкий или средний уровень износа характерен для семи субъектов, высокий – для Мурманской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Что касается экологической приемлемости, то только в Воронежской области и Ханты-Мансийском автономном округе не используются возобновляемые источники энергии (ВИЭ) для генерации электроэнергии, и лишь Мурманская область имеет объемы выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ на единицу площади более 5 т на тыс. га, что является следствием широкого использования мазута, угля и дизельного топлива в теплоэнергетике[14].

Помимо рассмотрения общей ситуации выполнена кластеризация регионов по уровню безопасности за каждый год анализируемого периода (см. рис. 3). В результате анализа направлений изменения уровня энергетической безопасности по регионам РФ за 2014–2023 гг. были выявлены наиболее яркие тенденции и сделаны предположения о возможных причинах изменений, исходя из имеющихся данных (см. табл. 1).

Источник: расчеты автора.

Рис. 3. Результаты кластеризации регионов России по уровню энергетической безопасности за 2014–2023 гг.

Расчеты энергетической безопасности регионов РФ, проведенные по авторской методике, позволили сделать следующие выводы[15].

Уровень энергетической безопасности регионов РФ в целом за период с 2014 по 2023 гг. снижается. Об этом свидетельствует как умень-

[14] Направления снижения углеродного следа энергосистем Мурманской области // Сантехника, Отопление, Кондиционирование. https://www.c-o-k.ru/articles/napravleniya-snizheniya-uglerodnogo-sleda-energosistem-murmanskoy-oblasti (дата обращения: 26.05.2025).

[15] В разделе «Результаты и обсуждение» приведены данные, рассчитанные автором.

Таблица 1

Направления изменений уровня энергетической безопасности по регионам РФ за 2014–2023 гг.

Регионы РФ	Возможные причины
Переход из нормального состояния в предкризисное	
Республика Дагестан, Республика Алтай, Республика Коми, Костромская область, Курская область, Тверская область	Увеличение степени износа основных фондов Рост цен на автомобильный бензин
Переход из предкризисного состояния в кризисное	
Калужская область, Краснодарский край, Курганская область, Новгородская область, Приморский край, Псковская область, Ненецкий автономный округ, Тамбовская область	Увеличение степени износа основных фондов Рост цен на автомобильный бензин
Переход в стабильное кризисное состояние (с 2021)	
Астраханская область, Белгородская область, Республика Марий Эл, Новосибирская область	Увеличение степени износа основных фондов Рост цен на автомобильный бензин Увеличение количества выбросов загрязняющих веществ
Нормальное →Кризисное (2017–2022) → Предкризисное состояние (2023)	
Рязанская область	Двукратный рост аварийности (2017) Энергодефицит (2017–2022)
Переход из кризисного состояния в предкризисное (с 2020)	
Республика Адыгея	Увеличение доли энергии, вырабатываемой с использованием ВИЭ Снижение уровня потерь электроэнергии в потреблении
Переход в нормальное состояние	
Иркутская область и Магаданская область (с 2020), Республика Калмыкия (с 2022; 2020–2021 предкризисное состояние)	Увеличение доли энергии, вырабатываемой с использованием ВИЭ
Кризисное → Предкризисное (2018–2020) → Нормальное состояние (с 2021)	
г. Севастополь	Ввод Балаклавской ТЭС (2018) Снижение уровня потерь электроэнергии в потреблении Снижение степени износа основных фондов

Источник: составлено автором.

шение среднего значения комплексного показателя с 0,57 в 2014 г. до 0,53 в 2023 г., так и уменьшение числа регионов, имеющих нормальный уровень энергетической безопасности с 24 до 15 соответственно, при этом количество регионов, имеющих кризисный уровень, выросло с 13 до 36 (см. рис. 3).

Лидером по значению комплексного показателя в 2015–2023 гг. является Республика Хакасия, в 2014 г. – Камчатский край, аутсайдером – Московская область в 2014–2018 гг. и в 2020–2021 гг., Еврейская автономная область в 2019 г., Нижегородская область в 2022 г. и Республика Тыва в 2023 г.

Кризисное состояние в течение всего анализируемого периода характерно для Алтайского края, Еврейской автономной области, Московской области и Республики Тыва, что обусловлено их энергодефицитностью, не использованием ВИЭ для генерации электроэнергии, высоким уровнем износа основных фондов и низкой эффективностью использования топлива для выработки тепловой энергии. Кроме того, в Московской области достаточно высокая потребительская цена на услуги электроснабжения, а Республика Тыва входит в число регионов-лидеров по уровню потерь электроэнергии в потреблении. Также стабильно в течение периода в предкризисном состоянии находятся Ленинградская область, республики Карелия и Татарстан. Непрерывно нормальное состояние присуще Воронежской и Мурманской областям, Красноярскому краю и Республике Хакасия. Первые два субъекта имеют существенный потенциал для увеличения использования ВИЭ. Мурманской области следует предпринимать меры по снижению степени износа основных фондов и, как и Республике Хакасия, разрабатывать мероприятия по повышению эффективности использования топлива для выработки тепловой энергии.

Одними из главных причин перехода ряда субъектов из нормального состояния в предкризисное, из предкризисного в кризисное и в стабильное кризисное состояние (см. табл. 1) являются увеличение степени износа основных фондов и рост цен на автомобильный бензин. За 2014–2023 гг. средняя степень износа основных фондов по регионам РФ возросла с 39% до 46%. В 2018 г. цены на автомобильный бензин выросли в среднем на 11% по сравнению с предыдущим годом, ранее темп прироста колебался в районе 6%. С 2021 г. в стабильное кризисное состояние переходят Астраханская, Белгородская и Новосибирская области и Республика Марий Эл как под влиянием вышеописанных причин, так и за счет увеличения количества выбросов загрязняющих веществ на единицу площади от 1,3 до 2 раз. Двукратный рост числа аварий на источниках теплоснабжения, паровых и тепловых сетях в 2017 г. и превышение потребления электрической

энергии над ее производством в 2017–2022 гг. привели к ухудшению уровня энергетической безопасности Рязанской области.

В Республике Адыгея с 2020 г. повышается уровень энергетической безопасности до предкризисного состояния за счет увеличения доли электроэнергии, вырабатываемой с использованием ВИЭ, до 65% и снижения доли потерь электроэнергии в потреблении до 12%, в 2014 г. они составляли 25 и 20% соответственно. Переходу Иркутской и Магаданской областей и Республики Калмыкия в нормальное состояние также способствует наращивание в течение анализируемого периода доли электроэнергии, вырабатываемой с использованием ВИЭ, до 75, 88 и 91% к 2023 г. соответственно. Ввод в эксплуатацию Балаклавской ТЭС в конце 2018 г. дал мощный толчок улучшению уровня энергетической безопасности г. Севастополь. Как следствие, снижение степени износа основных фондов и переход в категорию энергоизбыточных регионов с 2019 г. Кроме того, наблюдается трехкратное снижение уровня потерь электроэнергии за 2014–2023 гг.

Если обобщить вышеизложенное, то *наиболее значимыми факторами, ведущими к снижению уровня энергетической безопасности регионов, являются увеличение степени износа основных фондов по разделу D ОКВЭД и рост цен на автомобильный бензин*. Увеличение степени износа основных фондов свидетельствует об ухудшении состояния энергетической системы, как следствие, увеличивается вероятность аварии, несчастных случаев, возникновения экологических катастроф и возможно снижение эффективности производственного процесса. Рост цен на автомобильный бензин ведет к снижению ценовой доступности энергии и повышению нагрузки на потребителей.

Повышению энергетической безопасности регионов способствуют увеличение доли энергии, вырабатываемой с использованием ВИЭ, за счет уменьшения негативного влияния процесса генерации на окружающую среду, а также диверсификации источников энергии и снижение уровня потерь электроэнергии в потреблении. В целом сделанные нами выводы об уровне энергетической безопасности регионов России (а именно то, что большинство регионов имеют предкризисный или кризисный уровень энергетической безопасности) согласуются с результатами более ранних исследований других ученых (см., например: [21]).

Ограничения данного исследования заключаются в использовании показателей ценовой доступности и количества выброшенных загрязняющих веществ, которые не прошли через процедуру отбора. Кроме того, в 2014–2017 гг. комплексный показатель энергетической безопасности региона рассчитывался на основе 9 из 10 показателей ввиду отсутствия информации по показателю «количество выброшенных загрязняющих веществ в атмосферу», так как он стал разрабатываться Росприроднадзором с 2018 г. Также для Республики Крым и г. Сева-

стополь за 2014 г. нет данных по средним потребительским ценам на услуги электроснабжения и автомобильный бензин, поэтому в оценке участвовало только 7 показателей из 10. Применение способов восстановления данных не считаем возможным ввиду уникальности произошедших геополитических событий и начала процесса полного переустройства хозяйственных процессов. Все это могло способствовать смещению полученных результатов.

Развитие исследования в будущем видится в более глубокой обработке полученных результатов за счет уточнения градации уровней безопасности и совершенствования подхода к кластеризации регионов, что должно способствовать повышению их качества. Вместе с тем следует провести проверку трех введенных показателей на предмет их состоятельности. Далее планируется разработать комплекс мероприятий, направленный на повышение уровня энергетической безопасности регионов России.

Заключение

Обеспечение энергетической безопасности регионов РФ невозможно без проведения систематической объективной оценки ее уровня, которая должна быть выполнена на базе современной методики, исключающей недостатки, приводящие к субъективным оценкам. Именно от правильных методических подходов зависит качество получаемых результатов и адекватность разрабатываемых мероприятий и управленческих решений.

Исследование на базе авторской методики[16] показало, что в 2014–2023 гг. наблюдается снижение уровня энергетической безопасности регионов РФ. В целом большинство из них находятся в предкризисном или кризисном состоянии. Основными причинами этого являются энергодефицит, не использование ВИЭ для генерации электроэнергии, высокий уровень износа основных фондов в энергетике и относительно высокие цены на автомобильный бензин.

Для повышения энергетической безопасности регионов необходимо проводить мероприятия по стимулированию использования ВИЭ для генерации электроэнергии и обновлению основных фондов. Энергодефитность, энергодостаточность или энергоизбыточность регионов определяется историческими особенностями, размещением производ-

[16] В методике использованы показатели с открытым доступом к информации, большинство из которых прошли верификацию на предмет их состоятельности. Для снижения субъективности были приняты решения об отказе от введения пороговых значений показателей и сравнения их с фактическими и о присвоении всем показателям равных весов.

ственных сил и особенностями организации энергосистемы страны. На практике обеспечение как минимум энергодостаточности всех субъектов РФ может не быть возможным и целесообразным, поэтому, с одной стороны, данный аспект важен для обеспечения энергетической безопасности региона, с другой стороны, изменение ситуации в данном направлении может негативно сказаться на энергетической безопасности страны в целом. Что касается относительно высоких цен на автомобильный бензин, разработка рекомендации в данном направлении требует более глубоких исследований, что выходит за рамки данной работы и может являться направлением ее дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Мастепанов А.М.* О новой геостратегии России и ее когнитивной, экономической и энергетической составляющих // Энергетическая политика. 2024. № 10 (201). С. 78–105. [*Mastepanov A.M.* About the new geostrategy of Russia and its cognitive, economic and energy components // Energy Policy. 2024. No. 10 (201). Pp. 78–105. (In Russ.).] DOI: 10.46920/2409-5516_2024_10201_78. EDN: SOEHOX.
2. *Осадченко Е.А.* Место энергетической безопасности в системе безопасности Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2024. Т. 22. № 3. С. 83–91. [*Osadchenko E.A.* Place of energy security in the security system of the Russian Federation // Herald of Omsk University. Series: Economics. 2024. Vol. 22. No. 3. Pp. 83–91. (In Russ.).] DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(3).83-91. EDN: GFFCRN.
3. *Осадченко Е.А.* Методические подходы к оценке энергетической безопасности: российский и зарубежный опыт // Сборник статей по материалам XX Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке «Актуальные вопросы экономики и социологии». Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2024. С. 89–92. [*Osadchenko E.A.* Methodological approaches to energy security assessment: Russian and foreign experience // Current Issues of Economy and Sociology: Book of Papers from 20th Fall Conference of Young Scientists in Akademgorodok (Novosibirsk, 10–11 October 2024). Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS, 2024. Pp. 89–92. (In Russ.).] EDN: OKGVWH.
4. *Осадченко Е.А., Ферова И.С.* Механизм отбора показателей энергетической безопасности региона // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2025. Т. 20. № 1. С. 101–112. [*Osadchenko E.A., Ferova I.S.* Selection mechanism for regional energy security indicators // Perm University Herald. Economy. 2025. Vol. 20. No. 1. Pp. 101–112. (In Russ.).] DOI: 10.17072/1994-9960-2025-1-101-112. EDN: TAALLJ.
5. *Wang Q., Zhou K.* A framework for evaluating global national energy security // Applied Energy. 2017. Vol. 188. Pp. 19–31. DOI: 10.1016/j.apenergy.2016.11.116.
6. *Zhu B., Deng Y., Hu X.* Global energy security: Do internal and external risk spillovers matter? A multilayer network method // Energy Economics. 2023. Vol. 126. 106961. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106961.

7. *Wu T.-H., Yu C.* A Long-Term and Global Energy Security Performance Evaluation Model Integrating Principle Component Analysis, Assurance Region Approach, and the Malmquist Technology // Journal of the Knowledge Economy. 2024. DOI: 10.1007/s13132-024-02198-z.
8. *Le T.-H., Chang Y., Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N.* Energy insecurity in Asia: A multi-dimensional analysis // Economic Modelling. 2019. Vol. 83. Pp. 84–95. DOI: 10.1016/j.econmod.2019.09.036.
9. *Wu T.-H., Huang S.-W., Lin M.-C., Wang H.-H.* Energy security performance evaluation revisited: From the perspective of the energy supply chain // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2023. Vol. 182. 113375. DOI: 10.1016/j.rser.2023.113375.
10. *Zhi Y., Zhang F., Kang J., Fang Z.* Exploring energy security in China: our distance to energy justice // Environmental Impact Assessment Review. 2024. Vol. 106. 107505. DOI: 10.1016/j.eiar.2024.107505.
11. *Tong F., Feng C.* The significance of clean energy development for China's energy security from 2010 to 2019 // Environmental Science and Pollution Research. 2023. Vol. 30. No. 23. Pp. 64399–64415. DOI: 10.1007/s11356-023-26871-z.
12. *Du J., Gu H., Shen Z., Song M., Vardanyan M.* Assessing regional energy security characteristics: Evidence from Chinese province-level data // Energy Economics. 2024. Vol. 140. 107964. DOI: 10.1016/j.eneco.2024.107964.
13. *Wang F., Zhuang L., Cheng S., Zhang Y., Cheng S.* Spatiotemporal variation and convergence analysis of China's regional energy security // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2024. Vol. 189. 113923. DOI: 10.1016/j.rser.2023.113923.
14. *Зорина Т.Г., Панасюк В.В.* Экономический механизм обеспечения региональной энергетической безопасности Республики Беларусь // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 4. С. 800–821. [*Zoryna T.G., Panasiuk V.V.* Economic mechanism of ensuring regional energy safety of the Republic of Belarus // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Vol. 17. No. 4. Pp. 800–821. (In Russ.).] DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.800-821. EDN: QXJVAS.
15. *Панасюк В.В.* Индикативный метод оценки энергетической безопасности регионов Республики Беларусь // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2023. № 3 (31). С. 60–73. [*Panasiuk V.V.* Indicative method for assessing the energy security of the regions of the Republic of Belarus // Information and mathematical technologies in science and management. 2023. No. 3 (31). Pp. 60–73. (In Russ.).] DOI: 10.25729/ESI.2023.31.3.006. EDN: UFFXHG.
16. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / В.И. Рабчук, С.М. Сендеров, Г.Б. Славин; Отв. Ред. Н.И. Воропай, М.Б. Чельцов; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева // Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2011. [Russia's Energy security: problems and solutions / V.I. Rabchuk, S.M. Senderov, G.B. Slavin; Ex. ed. N.I. Voropai, M.B. Cheltsov; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Melentiev Energy Systems Research Institute // Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the RAS, 2011. (In Russ.).] EDN: QUWVIR.

17. Моделирование состояния и прогнозирование развития региональных экономических и энергетических систем / А.И. Татаркин, А.А. Макаров, Э.Г. Альбрехт, Л.Л. Богатырев, А.А. Куклин, П.Е. Мезенцев, А.Л. Мызин // Москва: Экономика, 2004. [Modeling the state and forecasting the development of regional economic and energy systems / A.I. Tatarkin, A.A. Makarov, E.G. Albrecht, L.L. Bogatyrev, A.A. Kuklin, P.E. Mezentsev, A.L. Myzin // Moscow: Economics, 2004. (In Russ.).]
18. *Лапаев Д.Н., Соснина Е.Н., Митяков Е.С., Никонов А.Н.* Диагностика энергетической безопасности регионов России (на примере ПФО) // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 1. С. 105–109. [*Lapaev D.N., Sosnina E.N., Mityakov E.S., Nikonov A.N.* Diagnostics of energy security of Russian regions (using the Volga Federal District as an example) // Bulletin of Belgorod state technological university named after. V.G. Shukhov. 2014. No. 1. Pp. 105–109. (In Russ.).] EDN: RTRYCZ.
19. *Мызин А.Л., Пыхов П.А., Денисова О.А.* Программно-технический комплекс диагностики энергетической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2 (30). С. 81–93. [*Myzin A.L., Pykhov P.A., Denisova O.A.* Program-technical complex of diagnosis of a region's energy security // Economy of Regions. 2012. No. 2 (30). Pp. 81–93. (In Russ.).] DOI: 10.17059/2012-2-7. EDN: OYYTNP.
20. *Куклин А.А., Мызин А.Л., Пыхов П.А., Потанин М.М.* Диагностика и механизмы повышения энергетической безопасности России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10 (101). С. 134–149. [*Kuklin A., Myzin A., Pyhov P., Potanin M.* Diagnostics and mechanisms of energy increase security in Russia // Bulletin of the Transbaikal State University. 2013. No. 10 (101). Pp. 134–149. (In Russ.).] EDN: SDHGJL.
21. *Смирнова Е.М., Сендеров С.М.* Энергетическая безопасность регионов России: состояние и тенденции изменения за последние шесть лет // Энергетическая политика. 2018. № 1. С. 16–23. [*Smirnova E.M., Senderov S.M.* Energy security of Russian regions: State and changing trends for the past six years // Energy Policy. 2018. No. 1. Pp. 16–23. (In Russ.).] EDN: OSYEBN.
22. *Смирнова Е.М., Сендеров С.М.* Анализ тенденций изменения состояния энергетической безопасности регионов на примере Сибирского федерального округа // Энергетическая политика. 2019. № 1. С. 75–83. [*Smirnova E.M., Senderov S.M.* Trends analysis in state energy security of regions exemplified by the Siberian federal district // Energy Policy. 2019. No. 1. Pp. 75–83. (In Russ.).] EDN: UPEDNO.
23. *Сендеров С.М., Смирнова Е.М.* Индикативный анализ тенденций обеспечения энергетической безопасности Сибирского и Южного федеральных округов России // Известия Российской академии наук. Энергетика. 2022. № 3. С. 12–28. [*Senderov S.M., Smirnova E.M.* Indicative Analysis of Trends in the Level of Energy Security on the Example of the Siberian and Southern Federal Districts // Proceedings of the Russian academy of sciences. Power engineering. 2022. No. 3. Pp. 12–28. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0002331022030074. EDN: XOXKXC.

24. *Смирнова Е.М., Сендеров С.М., Воробьев С.В.* Анализ уровня энергетической безопасности в Центральном и Южном федеральных округах России с применением нормированных индикативных оценок // Известия Российской академии наук. Энергетика. 2023. № 2. С. 16–30. [*Senderov S.M., Smirnova E.M., Vorobev S.V.* Analysis of the Level of Energy Security in the Central and Southern Federal Districts of Russia Using Normalized Indicative Estimates // Proceedings of the Russian academy of sciences. Power engineering. 2023. No. 2. Pp. 16–30. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0002331023020073. EDN: KEDKRG.
25. *Сендеров С.М., Смирнова Е.М., Воробьев С.В.* Оценка энергетической безопасности в регионах Приволжского ФО с использованием нормированных оценок // Энергетическая политика. 2024. № 2 (139). С. 42–55. [*Senderov S.M., Smirnova E.M., Vorobev S.V.* Assessment of energy security in the regions of the Volga federal district using normalized assessments // Energy Policy. 2024. No. 2 (139). Pp. 42–55. (In Russ.).] DOI: 10.46920/2409-5516_2024_2193_42. EDN: XANOXS.
26. *Huang S.-W., Chung Y.-F., Wu T.-H.* Analyzing the relationship between energy security performance and decoupling of economic growth from CO2 emissions for OECD countries // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 152. 111633. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111633. EDN: OYZIFU.
27. *Brodny J., Tutak M.* Assessing the energy security of European Union countries from two perspectives. A new integrated approach based on MCDM methods // Applied Energy. 2023. Vol. 347. 121443. DOI: 10.1016/j.apenergy.2023.121443.
28. *Кузнецов М.Е., Бобылев С.Н.* Социально-экономическая оценка потерь здоровья населения от угольной генерации в сравнении с газификацией // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 98–115. [*Kuznetsov M.E., Bobylev S.N.* Health care of the population as a factor of sustainable development of the region (example of the Trans-Baikal Territory) // Journal of the New Economic Association. 2024. No. 2 (63). Pp. 98–115. (In Russ.).] DOI: 10.31737/22212264_2024_2_98-115. EDN: YUBNGK.
29. *Syrtsova E., Pyzhev A., Zander E.* Social, Economic, and Environmental Effects of Electricity and Heat Generation in Yenisei Siberia: Is there an Alternative to Coal? // Energies. 2022. Vol. 16. No. 1. 212. DOI: 10.3390/en16010212. EDN: BDVEMR.
30. *Navarro M., Gibaja J. J., Franco S., Murciego A., Gianelle C., Hegyi F. B., Kleibrink A.* Regional benchmarking in the smart specialisation process: Identification of reference regions based on structural similarity // S3 Working Paper Series. 2014. No. 3. 36.

Дата поступления рукописи: *05.04.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Осадченко Елена Алексеевна – аспирант, старший преподаватель кафедры финансов и управления рисками Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия
ORCID: 0000-0003-2792-4652
eaosadchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Osadchenko – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Finance and Risk Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID: 0000-0003-2792-4652
eaosadchenko@mail.ru

ENERGY SECURITY ASSESSMENT OF RUSSIAN REGIONS

One of the goals of energy development in the Russian Federation is to ensure energy security, the achievement of which requires an assessment of its level. At the moment, this is complicated by the obsolescence and subjectivity of existing methods. The paper analyzes the experience of energy security assessment and presents the author's assessment methodology at the regional level. The calculations carried out on it made it possible to distribute the regions into three clusters at three levels of security. At the same time, in general, the level of energy security of Russian regions is decreasing in 2014-2023. The developed methodology is more objective and meaningful compared to existing ones due to the inclusion of indicators that have passed through the selection mechanism, the rejection of using thresholds and taking into account all indicators with equal weights.

Keywords: *energy security, methodology, assessment, region, power industry, Russian Federation, energy policy.*
JEL: O13, Q43.

А.Б. СОКОЛОВ
научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ОТРАСЛИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ В ЦЕЛЯХ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Укрепление отрасли телекоммуникаций и достижение в ней технологического суверенитета – это один из ключевых аспектов экономической и национальной безопасности, в связи с чем весьма важным фактором развития выступает ее государственная поддержка. В исследовании проанализирована государственная поддержка отрасли в 2022–2024 гг., предложены пути ее совершенствования и направления укрепления. Сформулирован вывод о том, что, невзирая на барьеры, она стала одной из причин стабилизации ситуации в области телекоммуникаций, однако в перспективе достижение технологического суверенитета предполагает продолжение государственного стимулирования отрасли. Этому могло бы содействовать использование комплексного характера поддержки, расширение числа используемых механизмов и создание наиболее благоприятных условий для производства телекоммуникационных технологий и изделий на их основе.

Ключевые слова: *экономическая политика, технологический суверенитет, импортозамещение, государственная поддержка, отрасль телекоммуникаций.*

УДК: 338.2

EDN: TOLXTH

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_95_113

Введение

Устойчивое развитие национальной экономики на современной технологической основе и достижение ею технологического суверенитета вряд ли возможно без разработки и внедрения целого комплекса наукоемких технологий, уменьшения зависимости от внешних поставщиков технологических решений, создания собственной научно-производственной базы и улучшения положения отраслей с наибольшей технологической компонентой [1]. Особый интерес в таком контексте представляет сфера телекоммуникаций, связанная с обеспечением спутниковой связи, связи на базе проводных и беспроводных технологий совместно с некоторыми альтернативными способами взаимодействия[1]. Отрасль является основой цифровой экономики [2], важ-

[1] «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 20.12.2024 г.).

ной частью сектора информационно-коммуникационных технологий, выступая в качестве проводника ИТ-решений, по существу, доводя их до конечного потребителя, организатора спроса на результаты деятельности электронной промышленности. Однако ее функционирование можно обеспечить лишь за счет взаимодействия обширного количества организаций, в т. ч. операторов услуг связи; производителей компонент микроэлектроники, серверных платформ, телекоммуникационного оборудования; разработчиков программного обеспечения; поставщиков облачных сервисов и центров обработки данных; институтов развития и научно-технологических центров [3].

Сфера телекоммуникаций остается драйвером научно-технологического развития, в ней фиксируется значительный объем патентной активности[2], а также она выступает источником разработки и внедрения «критических» и «сквозных» технологий, соответственно, обеспечения технологического суверенитета. Речь, например, идет о мобильной связи пятого поколения (5G), квантовых и оптических беспроводных коммуникаций, Wi-Fi нового поколения, облачных и периферийных вычислениях, программно-определяемых сетях[3]. Укрепление отрасли приводит к ускорению процессов обмена информацией и принятию на их основе более оперативных и обоснованных решений, открывает возможности для телемедицины и онлайн-образования. От степени ее развития зависит информационная безопасность, критическая информационная инфраструктура, суверенитет в цифровой сфере и снижение цифрового неравенства [4; 5].

Стратегическое значение отрасли и положительное влияние на качество жизни граждан, развитие государства и бизнеса формируют обширный спектр научно-исследовательских задач, в том числе связанных с разработкой и освоением телекоммуникационных технологий, поиском способов модернизации и оптимизации сетей, ростом эффективности телекоммуникаций при устранении цифрового неравенства, безопасностью данных в процессе их передачи и обработки, повышением инвестиционной и инновационной активности компаний отрасли. В исследовании внимание акцентировано на вопросах и перспективах укрепления государственной поддержки сферы телекоммуникаций, актуальность которой усилилась в связи с возрастанием тенденции на технологическую суверенизацию экономик.

---

[2] Центр статистических данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по интеллектуальной собственности. https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent (дата обращения: 26.06.2025).

[3] *Сычев С., Утятина К.* ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Топ-15 технологий в телекоммуникационной отрасли. https://issek.hse.ru/news/729962209.html. 17.08.2022 (дата обращения: 03.02.2025).

Формирование курса на технологический суверенитет в сфере телекоммуникаций в условиях нарастания внешних ограничений

Ожесточение борьбы за технологические рынки совместно с ориентацией на собственных производителей приводит к активизации протекционистской политики разных стран, включая применение экспортных ограничений в отрасли телекоммуникаций. В частности, в США было принято решение о запрете на продажу и импорт продукции для некоторых китайских организаций и их дочерних структур, включая Hytera Communications, Huawei, ZTE, Hangzhou Hikvision Digital Technology, Dahua Technology[4]. Были реализованы ограничения для телекоммуникационного оператора China Telecom Americas по ведению деятельности на территории страны[5]. В качестве другого характерного примера можно привести Германию, в которой был принят запрет на применение компонентов компаний Huawei и ZTE в сети 5G, в том числе и в действующих 5G-сетях[6].

Барьеры вводятся несмотря на негативное влияние на экономическую эффективность и возможность реализации новых инициатив. Так, отказ от компонентов китайских компаний в инфраструктуре Deutsche Bahn способствовал наращиванию расходов по причине замены оборудования примерно на 400 млн евро и переносу некоторых проектов на 5–6 лет[7]. Крупной американской компании AT&T проведение модернизации сети обойдется примерно в 14 млрд долл. США из-за запрета на покупку соответствующего китайского оборудования, что является высокими издержками даже для крупного бизнеса[8]. Крупнейшие участники американского рынка обладают определенным запасом прочности, но 40% телекоммуникационных

---

[4] *Королева А.* США запретили ввоз телекоммуникационного оборудования ряда компаний КНР. https://rg.ru/2022/11/26/ssha-zapretili-vvoz-telekommunikacionnogo-oborudovaniia -riada-kompanij-knr.html. 26.11.2022. (дата обращения: 06.02.2025).

[5] *Shepardson D, Alper A*. Washington moves to boost crackdown on China Telecom's US unit, source says. https://www.reuters.com/business/media-telecom/us-moves-boost-crackdown-china-telecoms-us-unit-source-says-2024-12-17. 17.12.2024. (дата обращения: 06.02.2025).

[6] Reuters. Germany planning to ban Huawei, ZTE from parts of 5G networks – paper. https://www.reuters.com/technology/germany-planning-ban-huawei-zte-parts-5g-networks-paper-2023-03-06. 06.03.2023. (дата обращения: 10.02.2025).

[7] Huawei ban would cost German rail operator 400 million euros, der Spiegel reports. https://www.reuters.com/technology/huawei-ban-would-cost-german-rail-operator-400-mln-eur-spiegel-2023-08-04. 04.08.2023. (дата обращения: 10.02.2025).

[8] D-Russia. Отказ ведущего оператора США от оборудования Huawei обошелся ему в $14 млрд. https://d-russia.ru/otkaz-vedushhego-operatora-ssha-ot-oborudovanija-huawei-oboshjolsja-emu-v-14-mlrd.html. 05.12.2023. (дата обращения: 11.02.2025).

операторов в США не имеют необходимых собственных ресурсов для замены оборудования Huawei и ZTE и им, по всей видимости, потребуется выделение на эти цели государственного финансирования[9].

Протекционистские меры вводятся с учетом обострившейся геополитической обстановки и нарастающей в мировой экономике технологической гонки, которые усиливают интерес стран к проблематике технологического суверенитета в рамках достижения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов. Одним из следствий этого становится увеличение попыток органами власти снизить зависимость от иностранной продукции в сфере телекоммуникаций и усилить ее производственно-технологический потенциал. Характерным примером выступают китайские телекоммуникационные операторы, которым необходимо избавиться от процессоров зарубежного производства к 2027 г., включая продукцию Intel и AMD, и ориентироваться на использование собственных решений[10].

Подобный курс в России был выбран в 2022 г. по причине введения новых ограничений, из-за которых отрасль серьезно пострадала. Влияние санкций было сопряжено, в том числе и с накопленным технологическим отставанием, нарастанием трафика из-за перехода сотрудников на удаленный режим работы, отсутствием готовой продукции в быстрорастущих сегментах в условиях сохранения импортозависимости, которую так и не удалось преодолеть. К 2022 г. в области телекоммуникаций она, по различным оценкам, могла доходить до 80%[11] [6, с. 10] и существовала, невзирая на возникновение «угрозы национальной безопасности уже при доле импорта стратегически значимого товара во внутреннем потреблении выше 25%» [7, с. 90].

Санкции ограничили поставки импортного оборудования, компонентов и технологий из зарубежных стран, а развитие отрасли сдерживалось по причине приостановки сотрудничества иностранных корпораций с отечественными контрагентами. Так, например, TSMC, Intel, AMD, Mentor Graphics, ASML, VMWare отказались от предоставления электронно-компонентной базы, средств защиты информации, систем хранения данных, инструментария для проектирования микросхем и множества других решений. Особенно критическим выглядел уход крупнейших производителей телекоммуникационного оборудования: финской Nokia и шведского Ericsson, «доля которых на рынке

[9] FCC. https://docs.fcc.gov/public/attachments/DOC-402312A1.pdf. 02.05.2024. (дата обращения: 14.02.2025).

[10] Reuters. China tells telecom firms to phase out foreign chips in blow to Intel, AMD – WSJ https://www.reuters.com/technology/china-tells-telecom-carriers-phase-out-foreign-chips-blow-intel-amd-wsj-2024-04-12. 12.04.2024. (дата обращения: 16.02.2025).

[11] *Демичева А.* Коммерсантъ. Десятилетие на балансировку. https://www.kommersant.ru/doc/5407049. 16.06.2022. (дата обращения: 25.02.2025).

поставщиков сетевого оборудования в России для интернет-провайдеров и систем связи составляла 20% и 30%» [8, с. 56]. Другую часть рынка занимали Huawei и в меньшей степени ZTE, однако они не спешили выступать способом обхода введенных санкций. Скорее наоборот – Huawei приостановила продажи оборудования связи в интересах корпоративных заказчиков.

В то же время между ушедшими организациями возникала конкуренция на российском рынке, а операторы могли балансировать и приобретать решения по более выгодным ценам. Но после их ухода это оказалось больше невозможно, как и реализация перспективных инициатив, сопряженных с локализацией производства. Допустим, проходили переговоры между Nokia и «КНС Групп» (бренд Yadro, входит в «ИКС Холдинг») о локализации производства в Московской области, а Ericsson контактировала с GS Group по поводу аудита технологической площадки для локализации производства базовых станций в Калининградской области. При их участии и заимствовании иностранных технологий, готового оборудования, комплектующих происходило выстраивание российской информационно-коммуникационной инфраструктуры. Это привело к модернизации технологической основы отрасли и выглядело закономерно, в т. ч. и потому что реализация сложных технологичных продуктов конечного спроса в современной экономике происходит лишь на уровне глобальных цепочек с участием тысяч поставщиков из разных стран [9]. Но это сделало отрасль уязвимой для внешнего ограничительного воздействия.

Конечно, невзирая на усилившиеся ограничения, участники отрасли обладали запасами иностранной продукции, однако резерв прочности ограничен при сохранении потребности в проведении технической поддержки. Она осложнялась в связи с тем, что операторы обладали устройствами различных вендоров, а поддержание системы в адекватном состоянии требовало систематической модернизации и устранения неполадок. Следовательно, нарастали расходы, сопряженные с ростом штата сотрудников, барьеров с гарантиями от производителей, поиском российских предприятий, которые могли бы обеспечить поддержку взамен иностранных.

В этих условиях перед российской отраслью телекоммуникаций возникла долгосрочная задача обеспечения технологического суверенитета. Его реализация предполагает, что отрасль осуществит переход на российское программное и аппаратное обеспечение, сохранив высокий уровень качества предоставляемых услуг через поддержание конкурентной среды их развития, темпов внедрения технологий при создании сетей нового поколения. Очевидно, решение этой задачи – это долгосрочный, ресурсоемкий и системный процесс, успешное завершение которого требует активизацию усилий со стороны всех

заинтересованных участников, в первую очередь государственных институтов.

В частности, государство должно проводить соответствующую экономическую политику, имеющую различные способы воздействия и направленную на создание благоприятной среды с помощью конструирования сбалансированной системы государственной поддержки отрасли. Поддержка должна конструироваться как на достижении краткосрочных целей стабилизации ситуации (ответ на нарастание санкций), так и формировать фундамент, обеспечивающий рост конкурентоспособности отрасли на средне- и долгосрочную перспективу в рамках общего курса на достижение технологического суверенитета. В этой связи следует подробнее остановиться на проведенных государством действиях и реализованных в отрасли стимулах.

Государственная поддержка отрасли в 2022–2024 гг.

В условиях внешних ограничений удалось не только предотвратить падение параметров, характеризующих состояние отрасли, но и обеспечить стабилизацию ситуации. В частности, в 2022 г. отраслью было реализовано товаров, работ и услуг на сумму 2,1 трлн руб., что на 86 млрд руб. больше, чем годом ранее. В 2023 г. нарастание продолжилось, а объем достиг отметки в 2,3 трлн руб., то есть прирост составил 221 млрд руб. За 9 месяцев 2024 г. их оказалось реализовано на сумму 1,8 трлн руб., как следствие, прирост по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. составил 126 млрд руб. Инвестиции в основной капитал в 2022 г. хотя и уменьшились на 33 млрд руб. до уровня в 532 млрд, тем не менее уже через год, увеличившись на 86 млрд, достигли уровня в 560 млрд руб. За 9 месяцев 2024 г. прирост равнялся 86 млрд руб. при общем уровне инвестиций в размере 402,8 млрд руб.[12].

По итогам 2024 г. доход операторов связи составил около 2,1 трлн руб. (на 7,8% больше, нежели годом ранее), совокупные инвестиции операторов в инфраструктуру мобильной связи выросли на 20%, в инфраструктуру фиксированной связи – на 15%. Удалось запустить три тестовых космических аппарата на низкие орбиты для скоростного доступа в сеть «Интернет», получается, всего на орбите функционируют шесть тестовых аппаратов (около 80% целевой функци-

[12] Аналитический доклад ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Российский сектор ИКТ: ключевые показатели 2022 года». 2023. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/826844484.pdf; Аналитический доклад ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Российский сектор ИКТ: ключевые показатели 2023 года». 2024. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/923173378.pdf; Аналитический доклад ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Российский сектор ИКТ в I–III кварталах 2024 года». 2025. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1008790935.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

ональности). Еще четыре космических аппарата создаются для обеспечения скоростного доступа в Арктике со сроком запуска в 2026 г., и два строятся для замены аппаратов на геостационарных орбитах, у которых подходит срок эксплуатации. Подключено около 850 новых населенных пунктов, а если оценивать с 2020 г., то уже больше 5,5 тыс. поселений получили высокоскоростной доступ к сети «Интернет». Наметился сдвиг в части производства телекоммуникационного оборудования, а в рамках опытной эксплуатации на сети одного крупного оператора связи уже эксплуатируются в тестовом режиме 200 базовых станций 4G/5G, на территории ВДНХ организована тестовая зона 5G[13].

В качестве одного из факторов, обеспечивших достижение указанных результатов, можно выделить государственную поддержку, введение которой было ориентировано на обеспечение бесперебойного и устойчивого функционирования телекоммуникационной инфраструктуры и преодоление сложностей, возникших из-за санкций.

Первоначально предполагалось ввести обширный спектр преференций, среди которых прежде всего следует выделить:

- введение справедливой индексации тарифов с учетом роста потребительских цен;
- корректировка требований о ежегодном наращивании емкости хранения информации и обязанности хранения видеотрафика;
- установление налоговой ставки по налогу на прибыль для операторов связи в объеме 3%;
- принятие моратория на отчисления операторов связи в резерв универсального обслуживания (из него финансируется проект устранения цифрового неравенства в регионах);
- приостановка требований к операторам по покрытию федеральных автомобильных дорог и малых населенных пунктов сетями LTE;
- возникновение возможности совместного применения инфраструктуры сети связи при межсетевом роуминге;
- принятие решения о переносе плановых проверок;
- предоставление льготного кредитования на приобретение телекоммуникационного оборудования, пополнение оборотных средств, поддержку инфраструктуры связи по ставке не более 3%;

[13] Минцифры России. Максут Шадаев подвел основные итоги работы за 2024 год. https://digital.gov.ru/mediacontent/maksut-shadaev-podvyol-klyuchevye-itogi-raboty-za-2024-god/; D-Russia. Минцифры в 2024: Максут Шадаев подводит итоги работы. https://d-economy.ru/news/mincifry-v-2024-maksut-shadaev-podvodit-itogi-raboty. 2025 г.; Королев, П. ComNews. Российская телеком-отрасль показала финансовый рост в 2024 г. https://www.comnews.ru/content/238725/2025-04-10/2025-w15/1008/rossiyskaya-telekom-otrasl-pokazala-finansovyy-rost-2024-g. 10.04.2025. (дата обращения: 27.06.2025).

- субсидиарная поддержка, в том числе и на создание базовых станций мобильной связи 4G/5G с архитектурой OpenRAN операторского класса[14] [10];
- формирование соответствующих индустриальных центров компетенций, прежде всего «Фиксированная связь», «Мобильная связь», «Спутниковая связь», в которых упор делался, в отличие от других 33 Центров, на разработку аппаратного, а не программного обеспечения[15].

Однако после процедуры согласования в органах власти от части финансовой поддержки отказались. Так, не прошли согласование такие меры, как льготная ставка по налогу на прибыль в размере 3%, льготное кредитование по ставке не более 3%, а также мораторий на отчисления операторов связи в резерв универсального обслуживания[16]. Между тем помимо сказанного выше органы власти позволили операторам связи безвозмездно размещать в многоквартирных домах телекоммуникационное оборудование и иметь к нему доступ, размещать сети связи по желанию любого собственника (нанимателя) без необходимости принятия решения общим собранием собственников. Более того, был введен мораторий на повышение размера платы по договорам, предусматривающих размещение инфраструктуры связи на объектах государственного или муниципального имущества[17].

Выходит, государственная поддержка в сфере телекоммуникаций в отличие от смежных отраслей (информационные технологии, электронная промышленность) предполагала скорее обеспечение регуляторных послаблений. Хотя, естественно, по приоритетным направлениям развития, где зависимость от импорта наиболее критична и обеспечение технологического суверенитета затруднено накопившимися барьерами, стимулы финансового характера не могли не предоставляться. В частности, были выделены средства в размере 3,4 млрд руб. «КНС ГРУПП» для возмещения затрат, направленных на создание подсистемы базовых станций стандарта GSM/LTE/NR (5G) для сетей. Этот объем средств компенсировал часть затрат на формирование

[14] ТАСС. Кабмин утвердил меры поддержки телеком-отрасли, кроме моратория на перенос оборудования https://tass.ru/ekonomika/14121977. 19.03.2022. (дата обращения: 25.02.2025).

[15] Минцифры России. Центры компетенций. https://digital.gov.ru/en/activity/razvitie-it-otrasli/czentry-kompetenczij (дата обращения: 28.02.2025).

[16] *Гаврилюк А., Тишина Ю.* Коммерсантъ. О господдержке высказались бессвязно. https://www.kommersant.ru/doc/5447277. 06.07.2022. (дата обращения: 27.06.2025).

[17] Постановление Правительства России от 06.08.2024 г. № 1055 «Об утверждении Правил взаимодействия оператора связи и лица, осуществляющего управление многоквартирным домом, при монтаже, эксплуатации и демонтаже сетей связи на объектах общего имущества в многоквартирном доме».

собственных базовых станций. На их серийное производство организация планирует выйти уже в конце 2025 г. и осуществить по его итогам поставку нескольких тысяч базовых станций.

Тем не менее, несмотря на государственную поддержку в сфере телекоммуникаций, в ней заметно увеличение долговой, регуляторной и налоговой нагрузки, что уменьшает потенциал наращивать инвестиции и привлекать финансирование[18]. Например, операторы связи с 2025 г. обязаны перечислять в резерв универсального обслуживания 2% выручки от услуг связи против прежних 1,2%. Но внешние ограничения сохраняются и обладают накопительным и веерным эффектами, которые уже способствовали росту цен на 10–30% на криптографические шлюзы, межсетевые экраны, телекоммуникационное оборудование в начале 2025 г.[19] Это формирует дополнительную нагрузку на отрасль. Ситуация с ценообразованием осложняется еще и по причине нарастания зарплатных ожиданий, колебаний курса национальной валюты, роста спроса на электронные компоненты и полупроводники и при стремлении компаний накопить запасы продукции для снижения будущих рисков.

В то же время российский рынок остается не очень емким, и импортозамещение окажется долговременным и дорогостоящим процессом, в рамках которого нельзя допустить перехода от зависимости со стороны «западных» вендоров к «китаизации», которая уже происходит в ряде сегментов. Например, доля единственного отечественного производителя оптического волокна для телекоммуникационных кабелей – АО «Оптоволоконные Системы» уменьшилась с 30% в 2021 г. до 25% по результатам 2024 г., а китайские поставщики нарастили долю на рынке с 6 до 75% на фоне ухода американской фирмы Corning, чья доля 2021 г. составляла 37%, в 2022 г. – 42%, а в 2023 г. и 2024 г. – 14 и 0% соответственно. Предприятия из Китая предлагали более низкие цены не только благодаря масштабу деятельности, но и государственной поддержки со стороны собственных органов власти[20].

Другим «узким» местом государственной поддержки остается слабая координация. Дело в том, что меры и механизмы поддержки формируются не в рамках сектора информационно-коммуникационных

---

[18] РБК. Операторы связи попросили власти перестать использовать их как доноров. https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/06/2025/685685139a794788ab260d69. 21.06.2025. (дата обращения: 28.06.2025).

[19] Коммерсантъ. Телеком оборудовался ценами. 28.01.2025. https://www.kommersant.ru/doc/7460135; «Инфотекс». Опубликован новый прайс-лист компании «ИнфоТеКС». https://infotecs.ru/press-center/publications/opublikovan-novyy-prays-list-kompanii-infotecs-2025. 03.02.2025. (дата обращения: 05.03.2025).

[20] *Николаев А.В.* XVI Международная конференция TransNet: магистральные сети связи. 12–13 марта 2025 г.

технологий, а отдельно по сегментам, включая отрасль информационных технологий, область телекоммуникаций и сферу электронной промышленности. Выходит, один сегмент с помощью большего стимулирования уходит вперед, а другой – наоборот, отстает. При этом меняются потребности рынка, а отдельная технология может показать неожиданный рост и вокруг нее может возникнуть перспективный и капиталоемкий рынок. Но пока, к сожалению, достичь координации сопряжения и равномерного развития поддержки не удалось, тогда как приложенные усилия не привели к общему знаменателю. В частности, механизм льготного кредитования формировался для разработчиков и производителей вычислительной техники, однако из-за высокого спроса финансирование стало доступно и компаниям, реализовывавшим телекоммуникационное оборудование[21]. Понятный предприятиям механизм следовало сразу распространить на как можно большее количество участников и побудить их к расширению предложения.

Конечно, нельзя апробировать все без исключения меры и механизмы поддержки на все сегменты сектора информационно-коммуникационных технологий, например, корректировка требований о наращивании емкости хранения информации актуальна прежде всего для отрасли телекоммуникаций, тогда как, допустим, грантовая поддержка более востребована со стороны малых организаций из отрасли информационных технологий или небольших дизайн-центров микроэлектроники. Однако фискальное стимулирование, предоставление заемных ресурсов на льготных условиях и на длительный срок, субсидии на НИОКР или введение моратория на часть контрольно-надзорных мероприятий имело бы смысл распространить на все отрасли сектора информационно-коммуникационных технологий без исключений. Это стало бы одним из шагов к более активному использованию комплексного подхода, при котором удастся провести увязку различных направлений развития по целям, ресурсам и предполагаемым результатам, а также придать дополнительный импульс к укреплению отрасли.

Кроме того, применение комплексного подхода ограничено в связи с недостаточной сопряженностью документов по задачам и целевым показателям, что осложняется по причине многообразия и наличия отдельных документов в целях развития конкретных технологий. Для укрепления сферы телекоммуникации утверждены, в т. ч. Стратегия развития отрасли связи до 2035 г., Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций до 2030 г., Дорожная карта «Современные

[21] Постановление Правительства РФ от 30.01.2023 г. № 127 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2022 г. № 407».

и перспективные сети мобильной связи» до 2030 г.[22] На них накладываются документы в сфере информационной безопасности, например, приняты основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры России, утверждена Доктрина информационной безопасности России[23].

В этих условиях государственную поддержку имеет смысл расширить и направить на обеспечение не только стабилизации отрасли в условиях ограничений, но и ее поступательное развитие. Это предполагает устранение цифрового неравенства, организацию и модернизацию спутниковых группировок, наращивание поддержки производства и внедрения российского телекоммуникационного оборудования, подготовку кадров для отрасли совместно с развитием телекоммуникационной инфраструктуры и обеспечением ее безопасности и т. д.

Укрепление поддержки необходимо и по причине сохранения у органов власти планов по достижению технологического суверенитета и укреплению цифрового сегмента (в том числе области телекоммуникаций), способствующих реализации новой стратегии развития отрасли связи[24] и национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Последний состоит из восьми федеральных проектов, предполагающих формирование отечественных решений, прикладных исследований и разработок, инфраструктуры доступа к сети «Интернет». Расходы на его реализацию согласно данным федерального бюджета на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. составят 134 млрд руб. в 2025 г., 159 млрд руб. в 2026 г., 165 млрд руб. в 2027 г.

В пределах проекта должно быть обеспечено, например, формирование базовых станций мобильной связи 4G/5G с открытой архи-

---

[22] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 г. № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года», Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2023 г. № 1856-р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 года», сайт Минцифры России. Дорожная карта «Современные и перспективные сети мобильной связи». https://digital.gov.ru/activity/radioelektronika/dorozhnaya-karta-sovremennye-i-perspektivnye-seti-mobilnoj-svyazi (дата обращения: 04.04.2025).

[23] Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 03.02.2012 г. № 803), Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

[24] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 г. № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года».

тектурой OpenRAN операторского класса российского производства, квантовых коммуникаций до 15 тыс. километров, технологического обеспечения разработки и внедрения современных технологий (в первую очередь, 6G), прототипов квантовых процессоров со скоростью вычисления до примерно 300 кубитов[25]. Получателями поддержки выступят, в частности «КНС ГРУПП», которой планируется выделить в 2025 г. 5,6 млрд руб. на создание подсистемы базовых станций стандарта GSM/LTE/NR (5G) в целях сетей связи общего пользования или, например, предприятие «Иртея», которой предполагается выделить ресурсы в размере 1,95 млрд руб. в 2025 г. и 645 млн руб. в 2026 г. для возмещения затрат, сопряженных с созданием оборудования базовых станций мобильной связи 4G/5G[26].

Пути совершенствования государственной поддержки отрасли и направления ее развития

Одним из направлений развития выступает синхронизация документов стратегического планирования, более того, они должны быть сопряжены как друг с другом, так и с документами в сфере развития отрасли электронной промышленности и информационных технологий. А на следующем этапе для достижения устойчивого развития необходимо сформулировать на базе связанных документов единую долгосрочную стратегию укрепления сектора информационно-коммуникационных технологий. В рамках такой обширной стратегии необходимо учитывать приоритеты научно-технологического развития, в т. ч. и потому, что сектор информационно-коммуникационных технологий остается одним из лидеров среди отраслей по затратам на НИОКР и инновационную деятельность [10]. В пределах новой стратегии необходимо прописать конкретные меры и механизмы государственной поддержки, которые будут использованы и какой результат они должны будут обеспечить, как в отрасли телекоммуникаций, так и в секторе информационно-коммуникационных технологий в целом.

Помимо этого, в документах стратегического планирования целесообразно разработать и закрепить самостоятельный перечень наукоемких технологий в области телекоммуникаций. Да, следует признать, что в Концепции технологического развития до 2030 г. сформулирован перечень «критических» и «сквозных» технологий, в котором

[25] Правительство России. Основные показатели и мероприятия национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». http://government.ru/info/54314/ (дата обращения: 14.03.2025).

[26] Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

они частично отражены. Помимо этого, утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий, где они также фигурируют. Однако в указанных перечнях технологии сформулированы слишком абстрактно, на их базе сложно организовать конкретные инициативы, которые позволили бы создать производства полного инновационного цикла. Он должен включать все этапы развития: от разработки технологии в сфере телекоммуникаций до ее массового производства и, главное, потребления. Первоначально на отечественном и затем на международном рынке.

Перечень должен быть сформулирован на базе проведенного технологического аудита с участием деловых сообществ и научно-экспертных кругов. В него можно включить, допустим, мобильную связь шестого поколения (6G), технологию передачи голосовых вызовов с помощью сети «Интернет», квантовые и оптические беспроводные коммуникации, космические системы широкополосного доступа. В дальнейшем на его основе государство должно организовать отбор проработанных инвестиционных инициатив, а с теми организациями, которые будут выбраны в рамках процедуры, должны быть заключены долгосрочные контракты, формирующие для этих организаций преференциальный режим при реализации проектов. Другими словами, должны быть сформированы механизмы поддержки, направленные на повышение координации среди участников и наращивание инвестиционной активности в отрасли телекоммуникаций в целях достижения технологического суверенитета.

В интересах развития технологий в области телекоммуникации и реализации на их базе новых инициатив важно разработать «Интегральный инвестиционной контракт (соглашение)»[27]. Сторонами этого Контракта должны выступать организация (инвестор), государство, кредитные организации, а также другие заинтересованные участники, за счет чего он еще более выгодно стал бы отличаться от действующих контрактных механизмов. В то же время в нем следовало бы зафиксировать обязательства сторон в процессе реализации инициатив в отрасли совместно с применением для них различной государственной поддержки. Так, например, в Контракте важно зафиксировать неухудшение регуляторных условий ведения хозяйственной деятельности (неизменность законодательства на федеральном, региональном, местном уровнях, касающихся тарифов, налогов, таможенных сборов и др.), предоставить для компаний фискальные льготы (допустим, льготы по страховым взносам и налогу на прибыль), суб-

[27] Он назван интегральным, т. к. предполагает интеграцию различных способов поддержки.

сидии на НИОКР совместно с возможностью возмещать затраты при создании инфраструктуры, льготные кредиты. Т. е. он должен обеспечить создание максимально благоприятных условий для увеличения инвестиций в разработку современных телекоммуникационных технологий и формирование на их основе конкурентоспособных решений, повысить деловую активность компаний и заложить основы их долгосрочного устойчивого развития[28].

Совместно с механизмом Соглашений для государственной поддержки стимулирования инвестиционной активности, вовлечения кредитных организаций, а также институтов развития в процесс финансирования и увеличения конкурентоспособности российских организаций мог быть использован механизм «сквозных проектов». Преимущество механизма должно состоят в компенсации стоимостной разницы для увеличения интереса к приобретению российской, а не зарубежной продукции, прежде всего китайской. Это позволит лучше противостоять демпингу китайских организаций на отечественном внутреннем рынке. Механизм мог бы стать особенно актуальным для создания сложных программно-аппаратных комплексов и аппаратного обеспечения. В частности, телекоммуникационного оборудования, в т. ч. базовых станций стандарта LTE/5G операторского класса, произведенных с применением российской электронно-компонентной базы [11].

В отечественной практике уже предпринимались попытки разработать и внедрить такой механизм. Еще в 2021 г. Правительством РФ оказалась предложена его концепция, которая направлена на организацию вертикально-интегрированной цепочки производства электронной продукции [12]. Предполагалось, что якорные заказчики (крупные отечественные корпорации) гарантируют разработчикам спрос на еще не существующее оборудование и в этом случае им при приобретении отечественных продуктов компенсируют до 50% их стоимости[29]. В частности, ВТБ планировал до 2025 г. вложить примерно 10 млрд руб. в оборудование, предполагающее работу на процессорах открытой архитектуры RISC-V. Вместе с тем «Россети» и НТЦ «Модуль» планировали создать программно-аппаратный комплекс для робототехнических систем охраны на сумму 12,87 млрд руб. Всего поступило 19 заявок на предоставление стимулирования[30], но, к сожалению, ни одна из них так и не была одобрена Правительством страны.

[28] В дальнейшем механизм может быть распространен на весь ИКТ-сектор.

[29] Телекоммуникационные операторы утверждали о необходимости повышения уровня компенсации до 80%.

[30] *Исакова Т., Королев Н., Галиева Д.* Коммерсантъ. В проектах сквозит. https://www.kommersant.ru/doc/5195502. 04.02.2022. (дата обращения: 01.04.2025).

Причины принятия отрицательных решений[31] оказались сопряжены с отсутствием меры ответственности у разработчиков и поставщиков за результат «сквозного проекта». Очевидно, если ответственность ложится на одну сторону (заказчиков), то это не становится стимулом для их активного участия и выделения средств на разработку. Обновленный механизм должен это принять в расчет, как и ситуацию, при которой якорный заказчик должен был самостоятельно находить разработчика и получать субсидию совместно с ним, что сужало круг потенциальных получателей поддержки. По этой причине актуальнее проводить профильным министерствам[32] открытый конкурс, в рамках которого будут отобраны перспективные решения и технологии, а их разработчиков допустят в дальнейшем к участию в «сквозных проектах».

В то же время сам механизм «сквозные проекты» должен продолжать быть комплексным, учитывающим формирование всей цепочки производства: от материалов до сервисов и систем интеллектуального управления. Более того, он сопряжен с заключением форвардного контракта и верификацией по качеству, соответственно, организации должны в обязательном порядке предоставлять проектно-сметную документацию, включая технико-экономическое обоснование потенциальных инициатив. При этом у ряда участников рынка, по всей видимости, сложностей с заключением форвардного контракта не возникнет, так как некоторые компании уже поставляют продукцию с их использованием, в т. ч. предприятия, обеспечивающие производство базовых станций для операторов сотовой связи: «Булат», «ИРТЕЯ», Yadro. В частности, «Булат» заключил в 2022 г. форвардный контракт с «Ростелеком» на поставку телекоммуникационному оператору связи до 17 тыс. базовых станций до 2026 г., также у компании заключен форвардный контракт с «МегаФон» на поставку до 5 тыс. базовых станций в 2024–2026 гг. Предприятие «ИРТЕЯ» в 2023 г. заключила форвардный контракт с «МТС» на поставку 20 тыс. базовых станций, тогда как Yadro на поставку базовых станций GSM (2G) и LTE (4G) для «МегаФон»[33].

Другим направлением развития государственной поддержки должно стать укрепление в отрасли телекоммуникаций кадрового обеспечения. Ограничения на рынке труда становятся сдерживаю-

[31] Их следует учесть при организации нового варианта механизма.

[32] Прежде всего речь идет о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

[33] Comnews. Российские производители и разработчики решений для сетей LTE и 5G, 2024. https://www.comnews.ru/content/233135/2024-05-30/2024-w22/1180/rossiyskie-proizvoditeli-i-razrabotchiki-resheniy-dlya-setey-lte-i-5g-2024. 30.05.2024. (дата обращения: 24.03.2025).

щим фактором, а причины его возникновения сопряжены с нарастанием инициатив в области импортозамещения, активной эксплуатацией сетей и строительством новых объектов после определенной паузы, начавшейся в связи с уходом иностранных поставщиков и вендоров в 2022 г. В этих условиях существенный прирост показало количество вакансий в начале 2025 г. по сравнению с прошлогодним периодом. Говоря о динамике числа вакансий, то на позицию техника (мастера по ремонту) увеличение составило 199%, кабельщика – 99%, монтажника – 59%, электромонтажника – 37%, администратора систем телекоммуникаций – 14%[34]. Следовательно, государственная поддержка должна быть ориентирована на привлечение новых сотрудников в отрасль телекоммуникаций и особенно тех, которые связаны с физическим трудом, иначе реализация целого ряда проектов может быть замедлена, а сроки сдвинуты на более поздние периоды.

И в этом отношении мог бы быть позитивно применен опыт отрасли информационных технологий, связанный с предоставлением льготной ипотеки для сотрудников. Естественно, ряд сотрудников отдельных подразделений телекоммуникационных операторов уже в состоянии ей воспользоваться, у которых есть соответствующая аккредитация, в том числе «МТС Диджитал», «Центр искусственного интеллекта МТС». Однако это не носит массовый характер и, более того, механизм льготной ипотеки следует адаптировать под уровень заработной платы сотрудников. В отрасли информационных технологий пороговыми значениями для получения льготного кредита выступают 150 тыс. руб. – для сотрудников предприятий, расположенных в Московской, Ленинградской областях и городах-миллионниках, и 90 тыс. руб. для сотрудников организаций, расположенных во всех остальных населенных пунктах. Однако порог важно снизить, учитывая, что, допустим, средняя заработная плата у техника (мастера по ремонту) составляет примерно 71 тыс. руб., у кабельщика – 83 тыс. руб., у монтажника – 108 тыс. руб., электромонтажника – 85 тыс. руб., а администратора систем телекоммуникаций – 46 тыс. руб.[35]

Наконец, необходимо обратить внимание на более активное участие компаний отрасли телекоммуникаций, прежде всего средних и крупных, в подготовке кадров, в том числе кадров высшей квалификации. Так, например, имело бы смысл снизить фискальную нагрузку для тех компаний, которые становятся партнерами высших учебных заведений и научных институтов, создают новые базовые кафедры

[34] Официальный сайт Коммерсантъ. Телеком тасует кадры. https://www.kommersant.ru/doc/7565936. 03.2025. (дата обращения: 01.04.2025).

[35] Там же.

и вовлекают обучающихся в процесс работы на предприятии. Кроме того, важно формировать совместно с организациями производственную аспирантуру, в пределах которой исследования будут выполняться и апробироваться в интересах конкретного предприятия. Это станет еще одним положительным шагом для сближения позиций науки и бизнеса, а также даст возможность ученому продолжить работу в отрасли телекоммуникации и решать уже перспективные не только теоретические, но и конкретные практические задачи.

Заключение

В условиях санкций государственная поддержка стала одним из факторов, обеспечивших стабилизацию ситуации в отрасли телекоммуникаций. Однако достижение технологического суверенитета предполагает пролонгацию взятого курса на укрепление отрасли связи и роста ее государственной поддержки. Одним из шагов в направлении ее укрепления могли бы выступить предложенные рекомендации, которые способствуют как повышению комплексного характера поддержки, расширения номенклатуры используемых механизмов, так и созданию наиболее благоприятных условий для производства телекоммуникационных технологий и изделий на их основе.

В перспективе государственная поддержка должна быть направлена на формирование современной и защищенной телекоммуникационной инфраструктуры, конкурентоспособных прорывных технологических решений, реализацию заложенного инвестиционного, научного и кадрового потенциала отрасли телекоммуникаций. В этой связи важно обеспечить сопряжение документов стратегического планирования, увеличить количество участников индустриальных центров компетенций и компаний-производителей электронно-компонентной базы, провести связывание потенциала науки и частного бизнеса, расширить диапазон доступных радиочастот и нарастить состав собственной низкоорбитальной спутниковой группы, уменьшить расходы на подключение к электросетям, которые сдерживают строительство новых базовых станций. Это будет содействовать наращиванию конкурентоспособности отрасли и достижению ею технологического суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Потапцева Е.В., Акбердина В.В., Пономарева А.О.* Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // AlterEconomics. 2024. 21(4). С. 818–842. [*Potaptseva E.V., Akberdina V.V., Ponomareva A.O.* The concept of technological sovereignty in the modern state policy of Russia // AlterEconomics. 2024. 21(4). Pp. 818–842. (In Russ.).] DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9.

2. *Шнепс-Шнеппе М.А., Куприяновский В.П., Намиот Д.Е., Селезнев С.П.* Телекоммуникации как решающее звено цифровой экономики. Опыт США // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. No. 5. Pp. 25–33. [*Schneps-Schnappe M.A., Kupriyanovsky V.P., Namiot D.E., Seleznev S.P.* Telecommunications as a crucial link in the digital economy. Experience of the USA // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. No. 5. Pp. 25–33. (In Russ.).]
3. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ // Кузьминов Я.И. (науч. рук. исслед.), Симачев Ю.В. (рук. авт. кол.), Кузык М.Г. (рук. авт. кол.), Федюнина А.А. (рук. авт. кол.), Жулин А.Б. (рук. авт. кол.), Глухова М.Н. (рук. авт. кол.), Клепач А.Н. (рук. авт. кол.) ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» при участии РСПП, Института исследований и экспертизы ВЭБ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.). [Importsubstitution in the Russian economy: yesterday and tomorrow. Analytical Report of the National Research University Higher School of Economics // Kuzminov Ya.I. (research supervisor), Simachev Y.V. (author supervisor), Kuzyk M.G. (author supervisor), Fedyunina A.A. (author supervisor), Zhulin A.B. (author supervisor), Glukhova M.N. (author supervisor), Klepach A.N. (author supervisor) ; National Research University «Higher School of Economics» with the participation of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, VEB Institute of Research and Expertise. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. (In Russ.).].
4. *Couture S., Toupin S.* What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? // New media & society. 2019. Vol. 21. No. 10. Pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984.
5. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета: монография / под ред. Ленчук Е.Б. СПб.: Алетейя, 2024. [Transformation of the Russian economy in the conditions of formation of technological sovereignty: a monograph / edited by Lenchuk E.B. SPb.: Aleteia, 2024. (In Russ.).].
6. *Широв А.А.* Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 6-17. [*Shirov A.A.* Development of the Russian economy in the medium term: risks and opportunities // Studies on Russian Economic Development. 2023. No. 2. Pp. 6–17. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.
7. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости: монография // Ленчук Е.Б., Филатов В.И., Власкин Г.А. [и др.]. СПб: Издательство Алетейя, 2016. [New industrial policy of Russia in the context of ensuring technological independence: a monograph // Lenchuk E.B., Filatov V.I., Vlaskin G.A. [et al.]. SPb: Aleteia Publishing House, 2016. (In Russ.).]
8. *Ленчук Е.Б.* Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 54–66. [*Lenchuk E.B.* Technological modernization as the basis of anti-sanctions policy // Studies on Russian Economic Development. 2023. No. 4 (199). Pp. 54–66. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-199-54-66.
9. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 27–33. [*Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Influence of global value chains on national

economic systems and challenges for Russian economic policy // Social Sciences and Modernity. 2017. No. 4. Pp. 27–33. (In Russ.).]
10. *Соколов А.Б.* Государственная поддержка российского сектора информационно-коммуникационных технологий в условиях внешних ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 82–97. [*Sokolov A.B.* State support of the Russian sector of information and communication technologies in conditions of external constraints // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 4. Pp. 82–97. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_82_97.
11. *Ильина С.А., Соколов А.Б.* Формирование системы отраслевых мер и механизмов государственной поддержки электронной промышленности // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 26–43. [*Ilyina S.A., Sokolov A.B.* Formation of the system of sectoral measures and mechanisms of state support of the electronic industry // Society and Economy. 2024. № 4. Pp. 26– 43. (In Russ.).]. DOI: 10.31857/S020736762624040039.
12. *Ильина С.А.* Активизация НИОКР в сфере электронного машиностроения для обеспечения технологической независимости // Общество и экономика. 2023. № 11. С. 56–66. [*Ilyina S.A.* Activization of R&D in the field of electronic engineering to ensure technological independence // Society and Economy. 2023. No. 11. Pp. 56–66. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S020736760027642-5.

Дата поступления рукописи: *11.04.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Арсентий Борисович – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
arsentiy_sokolov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Arsentiy B. Sokolov – Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
arsentiy_sokolov@mail.ru

STATE SUPPORT FOR THE TELECOMMUNICATIONS INDUSTRY IN ORDER TO ACHIEVE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Strengthening the telecommunications industry and achieving technological sovereignty in it is one of the key aspects of economic and national security, therefore, its state support is a very important factor of development. The study analyzes the state support of the industry in 2022-2024, suggests ways to improve it and directions for strengthening it. The conclusion is formulated that despite the barriers it has become one of the reasons for stabilization of the situation in the field of telecommunications, but in the long term the achievement of technological sovereignty implies the continuation of state stimulation of the industry. This could be facilitated by the use of complex nature of support, expansion of the number of mechanisms used and creation of the most favorable conditions for the production of telecommunication technologies and products based on them.

Keywords: *economic policy, technological sovereignty, import substitution, state support, telecommunications industry.*

JEL: L63, L96, O38.

О.М. ГРИБАНОВА
научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ЦЕЛИ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

Перед нашей страной в настоящее время стоят весьма непростые задачи. Ответы на новые вызовы экономика России должна находить в условиях жесткой санкционной войны. В данной статье предпринята попытка подойти к рассмотрению институтов государственного управления как к совокупности формальных и неформальных норм и правил, действующих в данный период времени. Обосновывается необходимость трансформации институтов государственного управления в текущих глобальных политических и социально-экономических условиях, показано, что в сложившейся ситуации решение этой задачи представляется необходимым условием успешного социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности нашей страны. Сформулированы цели трансформации институтов государственного управления, а также конкретизированы основные задачи, которые при этом должны быть решены.

Ключевые слова: *государственное управление, институты государственного управления, трансформация институтов, качество государственного управления, национальные цели, цели трансформации институтов.*

УДК: 338.24

EDN: KTDXYR

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_114_124

Введение

России не в первый раз за всю историю ее существования искать выходы из сложных ситуаций. Данный период развития нашей страны, рассматриваемый в контексте решения стратегических задач, определенных майским Указом Президента Российской Федерации № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1], характеризуется своими принципиально важными особенностями. Они обусловлены

[1] Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 и на перспективу до 2036 года». https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 09.06.2025).

целым рядом факторов: с одной стороны, стремительным развитием высоких информационно-коммуникационных технологий, увеличивших скорость трансформационных процессов в социально-экономической системе, и, соответственно, ростом значимости фактора времени, переходом на новый, более высокий уровень технологического развития (связанным с Четвертой промышленной революцией); с другой – геополитической нестабильностью и переделом всей глобальной архитектуры мироустройства. Ответы на эти новые вызовы Россия должна находить в условиях жесткой санкционной войны[2], развивать собственную экономику и искать новых экономических и деловых партнеров. При этом «быстрые изменения внутренних факторов, обусловленных антироссийскими санкциями, таких как структурная перестройка экономики, импортозамещение, поиск новых логистических цепочек, контрагентов, сегментов предпринимательства, развитие ОПК, требуют неотложной реакции государства в области государственного управления» [11, с. 47].

В зависимости от того, насколько эффективно и быстро Россия сможет преодолеть эти новые вызовы, обусловленные геополитической, цифровой и экономической трансформацией, решать возникающие проблемы и использовать возможности, открывающиеся в современный период ее развития, зависит будущее нашей страны, в том числе и ее место в новой мировой системе.

Одним из условий успешного развития выступает реализация национальных целей, в том числе создание эффективной и конкурентной экономики, обеспечение технологического суверенитета нашей страны, цифровая трансформация государства, выполнение социальных программ, а также проведение структурной модернизации и решение множества инфраструктурных проблем. Все это должно осуществляться с учетом целого ряда ограничений – финансовых, экономических, структурных, технологических, демографических, которые «в значительной мере не позволяют быстро решить поставленные перед страной задачи в столь сложное время. Среди них можно выделить «высокую бюрократизацию, низкую эффективность правовых институтов, короткие производственные цепочки, не позволяющие сохранить полноценное производство в условиях санкций в прежнем объеме, нехватку производственных мощностей и кадров…» [8, с. 43]. Решение этого сложнейшего комплекса задач ложится на систему государственного управления. Однако для того, чтобы вышеуказанные задачи были успешно решены, прежде всего требуется повысить каче-

[2] С 2014 г. против России было введено почти 29 тыс. санкций, причем 92 % из них – после 24 февраля 2022 г. Ng.ru/editorial/2025-05-06/2_9248_red.html.

ство самого государственного управления, что необходимо влечет за собой трансформацию институтов государственного управления.

В этой связи объектом настоящего исследования выступает совокупность институтов государственного управления, а непосредственным предметом исследования – их трансформация.

Необходимость трансформации институтов государственного управления

Проблема долгосрочного развития государств, поиск причин их экономического роста и упадка сохраняла свою актуальность в течение длительного периода времени и продолжает волновать умы многих выдающихся ученых современности. «Анализ долгосрочного развития стран сложен прежде всего потому, что трудно понять, что есть причина, а что следствие. Все экономически развитые, технологически передовые страны – демократии с давно укоренившимися хорошими институтами: законами, судами, полицией. Но в какую сторону действует закономерность – от хороших институтов к росту и развитию или от роста и развития к институтам?» [7, с. 39].

По результатам своих исследований в области институциональной экономики Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон, которым была присуждена Нобелевская премия по экономике в 2024 г., пришли к выводу, что «зависимость работает в обратную сторону – *от институтов к развитию и благосостоянию* (курсив автора)» [7, с. 39]. Согласно Д. Асемоглу, С. Джонсону, Д. Робинсону, именно хорошие институты определяют экономическое развитие государств, а плохие институты могут превратить богатую страну в бедную [7].

Занимаясь исследованиями проблем долгосрочного экономического развития, Асемоглу, Джонсон и Робинсон установили «важнейшие закономерности, связывающие экономическое развитие с политическими и социальными институтами» [7, с. 32], используя для этого понятия «инклюзивные институты, которые делают экономическую деятельность доступной для широкого круга граждан и создают стимулы для «созидательного разрушения» и инноваций, и «экстрактивные институты, которые препятствуют экономическому росту» [7, с. 34]. "Экстрактивные институты приносят выгоду узкой элите, монополизирующей политическую власть. Эта элита заинтересована в защите своей политической власти, поскольку она позволяет извлекать непропорционально высокую ренту из экономической деятельности через монополии, защищаемые законом, традицией и силой»[3] [7, с. 34]. Это

[3] Д. Норт с соавторами «определяют набор институтов как порядок ограниченного доступа, если они служат цели сохранения контроля элиты над политическими и

подтверждается также мнением экспертов ЕС: «Качество институтов в стране, как правительственной, так и судебной систем, является ключевым фактором, определяющим благосостояние страны» [17].

Отсюда непосредственно следует, что необходимым условием (точнее, одним из необходимых условий) решения проблем, с которыми столкнулась в последние годы наша страна, является трансформация институтов государственного управления.

Цели трансформации институтов государственного управления

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать *общую цель деятельности институтов государственного управления в современных условиях – повышение качества государственного управления* (выражающегося прежде всего в результатах государственного управления).

Но для того чтобы повысить качество «продукта», которое «производит» институт государственного управления, он сам должен быть изменен. Необходимость трансформации самого «института государственного управления давно назрела – без нее, без кардинального повышения качества системы (институтов) государственного управления реализация национальных целей и стратегических задач социально-экономического развития страны представляется малореальной» [2, с. 48].

Таким образом, кардинальное повышение качества всей системы государственного управления – это основная цель трансформации институтов государственного управления. При ближайшем рассмотрении можно выделить по крайней мере три важных подцели. Результатом трансформации институтов государственного управления должна стать такая система государственного управления, в которой будут иметь место:

– повышение качества принимаемых управленческих решений;
– повышение качества целеполагания, являющегося особо значимым фактором;
– обеспечение реализации принимаемых решений.

В пользу этого можно вспомнить, что «в практике российского государственного управления достаточно часто происходит отождествление второй фазы процесса управления (реализации управленческого решения) с процессом управления в целом, и эффективность (качество) решения какой-либо задачи государственного управления оценивается как эффективность (качество) реализации управленческого решения. Содержание управленческого решения рассматривается

экономическими рентами, что соответствует экстрактивным институтам Асемоглу и Робинсона» [7, с. 34].

в таком случае как безусловная цель, как данность, а само принятое решение на предмет эффективности (качества) управления даже не рассматривается» [3, с. 80]. Между тем результаты управления могут быть весьма далекими от задуманного, особенно если принятое решение оказалось неоптимальным или ошибочным.

В этой системе ключевым моментом выступает целеполагание: «наличие научно обоснованных целей, их системность и функциональная четкость является базовым условием эффективности государства и высокого качества государственного управления... Управленческие цели и меры по их эффективной реализации должны быть политически, юридически и экономически обоснованными, отражать глубинный интерес общества» [13, с. 22]. «При сохранении статус-кво в российской системе госуправления отечественная экономика еще долго не сможет догнать мировую и выйти на запрограммированные цели» [13, с. 30].

Важно не только уметь принимать эффективные решения. Не менее важно, чтобы эти решения исполнялись, а поставленные цели – достигались. Между тем, как отмечает профессор ВШЭ Е.К. Глушко в отношении государственных программ, наблюдается «перетекание недостигнутых целей и невыполненных задач из одних программ в другие» [4, с. 1023]. В этом контексте следует учитывать, что «цели поставленные, но не достигнутые, обусловливают значительные риски, выражающиеся прежде всего в снижении доверия к стратегическим планам и программам развития страны» [15, с. 45].

Задачи, на решение которых должна быть нацелена трансформация институтов государственного управления

Далее попытаемся конкретизировать, каковы конкретные задачи, которые должны быть решены в результате трансформации институтов государственного управления. Ответ на этот вопрос проистекает из задач, стоящих перед страной и спецификой настоящего момента. Здесь можно выделить несколько аспектов.

Прежде всего, процесс трансформации системы институтов государственного управления должен быть направлен на устранение тех норм, которые служат тормозом или ограничителями для развития российской экономики.

В условиях глобального передела мира, свидетелями которого мы все сейчас являемся, *первостепенное значение приобретает проблема защиты национально-государственных интересов* – ей посвящены многие дискуссии о месте и роли государства в рыночной экономике. «Состав основных государственных интересов вытекает из закона сохранения соци-

ума» [5, с. 326], «то есть необходимости сохранения (самосохранения) государства как суверенного субъекта. Самосохранение государства предполагает два аспекта: внутренний (воспроизводство и развитие целостного социально-экономического организма) и внешний (сохранение государства как политического суверенного субъекта и упрочение его позиций на международной арене)» [9, с. 41]. И первостепенная задача трансформации институтов государственного управления – так реформировать систему государственного управления, чтобы при принятии государственных решений, при формулировании целей государственной политики *национальные интересы, интересы страны* были поставлены во главу угла.

Следующая важная задача, решение которой должно быть обеспечено за счет трансформации институтов государственного управления, – это достижение технологического суверенитета по критическим позициям. Повышение уровня технологического развития требует системного подхода в связи с необходимостью учета сочетаемости уровней технологий, в том числе и при создании цепочек создания стоимости. Особенно это касается регулирования государством отраслей обрабатывающего производства, станкостроения, авиа – и автостроения. А это, в свою очередь, потребует значительной реконструкции производственных мощностей, создания современных кластеров, способных за счет прорывных высоких технологий обеспечивать инновационное развитие российской экономики, а также создавать новую современную инфраструктуру, в том числе с использованием технологий широкого применения (*general purpose technology*).

Переход на новый, более высокий уровень технологического развития, вписывающийся в общий мировой тренд как развитых, так и развивающихся стран, требует новых путей и новых организационных форм для инновационного развития российской экономики. Выпадение из общемирового тренда в сфере новых высоких технологий, при возрастающей скорости ИК процессов, в условиях санкций чревато недостижением конкурентоспособности российской продукции целого ряда отраслей на мировом рынке в ближайшей перспективе и увеличением скорости их отставания по уровню технологий. Именно поэтому роль государства в сфере *стимулирования создания новых высоких технологий* и их внедрения чрезвычайно повышается, а на органы государственного управления ложится ответственность за внедрение тех институтов, которые будут способствовать созданию условий для стабильного роста российской экономики.

Следующая, тесно связанная с предыдущей задача, которая должна быть решена в результате трансформации институтов государственного управления, –- это давно назревшая структурная модернизация российской экономики, «без которой текущая кризисная ситуация приведет

к стагнации и последующему регрессу развития производственной инфраструктуры» [14, с. 367]. Это, в свою очередь, потребует совершенствования технологической базы всей экономической системы, как одного из необходимых условий развития страны.

Важнейшим блоком задач выступают разработка и реализация эффективной социальной политики, направленной как на *улучшение качества человеческого капитала*, так и на *повышение качества жизни населения*. В текущих условиях «первостепенное значение имеет модернизация социальной политики государства, снижение сложившегося в обществе социально-экономического неравенства, прежде всего за счет повышения уровня жизни менее обеспеченных слоев населения» [1, с. 61].

Кроме того, *необходимо повысить качество государственного управления всеми активами государства (как финансовыми, так и материальными) на всех уровнях управления*.

Эффективность управления государственным имуществом опять упирается в необходимость развития институтов: «существующие проблемы (эффективности использования государственного имущества – автор) связаны ... с недостатками самой правовой базы... По этой причине одним из важных направлений в области интенсификации и повышения эффективности вовлечения государственной собственности в хозяйственный оборот можно считать выявление «узких мест» и совершенствование законодательной и нормативной правовой базы» [16, с. 99]. «Проблема повышения эффективности управления государственным имуществом неразрывно связана с переходом к новому качеству государственного управления, которое мы рассматриваем как способность института государственного управления формулировать и обеспечивать достижение таких целей, которые позволят государству эффективно реализовывать свои функции и решать государственные проблемы» [10, с. 33].

При реализации всех этих задач следует учитывать нестабильность общей мировой геополитической и экономической ситуации, когда *фактор времени* становится одним из важнейших, учитывая, с одной стороны, необходимость принятия быстрых решений, а с другой – повышение «цены» ошибочно принятых решений при запаздывании сигналов обратной связи. *Цифровизация* принципиальным образом изменила роль фактора времени в экономике, увеличив скорость коммуникационных процессов за счет использования высоких технологий, искусственного интеллекта, нейросетей. Поэтому не случайно в условиях высокой динамичности трансформационных процессов в социально-экономической системе во всем мире наблюдается повышение роли государства. С другой стороны, это означает, что *цифровизация, цифровая трансформация государственного управления*

выступает в текущих условиях не просто безальтернативным императивом, а условием решения рассмотренного здесь комплекса задач. Весьма симптоматично, что еще в 2009 г., в бытность сотрудником Института экономики недвижимости НИУ ВШЭ, о роли цифровизации (тогда это называлось информационными технологиями) в повышении качества принимаемых решений и, как следствие, вповышении эффективности управления имуществом писал М.В. Мишустин: «Информационные технологии способствуют решению проблем, препятствующих росту эффективности управления имуществом» [12, с. 267–268].

Кроме того, при проведении преобразований следует иметь в виду, что совершенствование институтов и механизмов управления требует «наличия достаточно влиятельных инициаторов целенаправленного обновления экономических институтов» [6, с. 16].

Таким образом, в результате трансформации необходимо создавать такие институты, которые, с одной стороны, будут выступать в качестве компенсаторных механизмов для снижения неопределенности и рисков, возникающих в современных российских реалиях в связи с геополитическими условиями, с изменением внешних связей, а с другой – способствовать росту экономики России.

Заключение

В сложившихся глобальных политических и социально-экономических условиях задача трансформации институтов государственного управления представляется насущной мерой, условием дальнейшего существования Российской Федерации и как влиятельного политического актора, и в качестве мировой экономической державы. Это обусловлено тем фактом, что от качества институтов государственного управления зависит слишком многое – и сами социально-экономические результаты, и результативность решения насущных государственных задач. Нами были рассмотрены основные цели и задачи трансформации институтов государственного управления, актуальные в текущих условиях.

Следует отметить, что Правительство Российской Федерации работает и уже приняло целый комплекс мер в этом направлении, прежде всего по выполнению задач, которые были поставлены Президентом РФ в его майском указе № 309 (от 07.05.2024 г.), – только в 2024 г. Государственной Думой было принято 564 федеральных законов. Так, например, в целях решения задачи по обеспечению технологического суверенитета нашей страны в сложившихся условиях, обеспечения конкурентоспособности государства и достижения национальных целей Указом Президента Российской Федерации № 145 от 28.02.2024 г. «О Стратегии

научно-технологического развития Российской Федерации»[4] утверждена новая стратегия, направленная на развитие критически важных технологий на период 10–15 лет[5], устанавливающая новые приоритеты, цели, задачи и механизмы реализации. Однако исследование реального процесса трансформации государственного управления не является предметом настоящей работы. Представляется, что эта тема – плодотворный материал для будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В.* О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 1. С. 59–75. [*Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V.* About risks in the sphere of living standards of the Russian population, opportunities and solutions to reduce them // The standard of living of the population of the Russian regions. 2024. Vol. 20. No. 1. Pp. 59–75. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75. EDN: IJGJXW.
2. *Братченко С.А.* Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. М.: ИЭ РАН, 2021. [*Bratchenko S.A.* The quality of public administration: theoretical, methodological and institutional aspects: Report. Moscow: Institute of Economics RAS, 2021. (In Russ.).] EDN: TJSXWF.
3. *Братченко С. А.* Роль качества управленческих решений в обеспечении качества государственного управления / С. А. Братченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 77–103. [*Bratchenko S.A.* The role of the quality of management decisions in ensuring the quality of public administration / S.A. Bratchenko // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 4. Pp. 77–103. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_77_103.
4. *Глушко Е.К.* Управление государственными финансами: программы и их реализация (вопросы права) // *Lex Russica (Русский закон).* 2014. № 9. С. 1023–1030. [*Glushko E.K.* Public finance management: programs and their implementation (issues of law) // Lex Russica (Russian Law). 2014. No. 9. Pp. 1023–1030. (In Russ.).] EDN: TCRHYZ.
5. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013. [*Grinberg R.S., Rubinstein A.Ya.* The individual and the state: an economic dilemma. Moscow: The Whole World, 2013. (In Russ.).] EDN: TWLEUN.
6. *Дементьев В.Е.* Экономическая теория и экономическая история // Вопросы экономики. 2025. № 4. С. 5–33. [*Dementiev V.E.* Economic theory and economic history // Voprosy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 5–33. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-4-5-33.
7. *Егоров Г.В.* Институциональный фундамент долгосрочного экономического развития (Нобелевская премия по экономике 2024 года) // Вопросы экономики.

[4] http://www.kremlin.ru/acts/bank.

[5] Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. 26 марта 2025. government.ru/news/54597 (дата обращения: 05.06.2025).

2025. № 1. С. 32–43. [*Egorov G.V.* The institutional foundation of long-term economic development (Nobel Prize in Economics in 2024) // Voprosy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 32–43. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-32-43.

8. *Козлова С.В.* Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 42–57. [*Kozlova S.V.* Transformation of State Property Management institutions: results of 2022–2024. // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 5. Pp. 42–57. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_42_57.
9. *Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С.* Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Доклад. М.: ИЭ РАН, 2019. [*Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Zvyagintsev P.S.* State Property management in Modern Russia: evolution of concepts, tools, mechanisms: Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2019. (In Russ.).] EDN: EUPRHU.
10. *Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56. [*Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and quality of state property management in the context of national goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_31_56. EDN: ZVICJQ.
11. *Козлова С.В., Грибанова О.М.* Институциональная среда управления государственным имуществом в современных реалиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 4. С. 45–64. [*Kozlova S.V., Gribanova O.M.* The institutional environment of state property management in modern realities // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4. Pp. 45–64. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_45_64.
12. *Мишустин М.В.* Современная информационно-технологическая поддержка управления государственным имуществом / Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2009): Материалы Третьей международной конференции (5–7 октября 2009 г., Москва, Россия). Т. II. М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН. 2009. С. 267–269. [*Mishustin M.V.* Modern information technology support for State property management / Management of large-scale systems Development (MLSD'2009): Proceedings of the Third International Conference (October 5–7, 2009, Moscow, Russia). Vol. II. Moscow: V.A. Trapeznikov Institute of Management Problems RAS, Moscow. 2009. Pp. 267–269. (In Russ.).] EDN: WECJHZ.
13. *Охотский Е.В., Фролов С.С.* Качество целеполагания – базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского университета. 2020. Сер. 21: Управление (государство и общество). № 1. С. 22–42. [*Okhotsky E.V., Frolov S.S.* The quality of goal–setting is a basic condition for effective public administration. // Bulletin of the Moscow University. 2020. Series 21: Management (State and society). No. 1. Pp. 22–42. (In Russ.).] EDN: PAKPOZ.
14. *Сильвестров С.Н.* Концептуальные механизмы управления структурной модернизацией экономики Российской Федерации в условиях нарастающих рисков // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 367–375. [*Silvestrov S.N.*

Conceptual mechanisms for managing the structural modernization of the economy of the Russian Federation in the context of increasing risks // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024. No. 3 (62). Pp. 367–375. (In Russ.).] EDN: SUIYIW.
15. *Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А.* Теория стратегического планирования: институциональный подход // Terra Economicus. 2020. № 2. С. 22–48. [*Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A.* Theory of strategic planning: an institutional approach // Terra Economicus. 2020. No. 2. Pp. 22–48. (In Russ.).] DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48.
16. *Шувалов С.С.* Вовлечение государственной собственности в хозяйственный оборот как актуальная задача системы государственного управления //ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2019. № 2. С. 92–104. [*Shuvalov S.S.* Involvement of state property in economic turnover as an urgent task of the public administration system // STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice. 2019. No. 2. Pp. 92–104. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10081.
17. *Hauster F.*, ed. (2017). EU Quality of Public Administration. A Toolbox for Practioners. Abridged version/ Ed. by F. Hauster. European Union, 2017.

Дата поступления рукописи: *15.06.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибанова Ольга Михайловна – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
erast707@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Gribanova – Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
erast707@gmail.com

TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION INSTITUTIONS IN NEW SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS: GOALS AND CURRENT TASKS

Our country currently faces very difficult tasks. Russian economy must find answers to new challenges in the context of a tough sanctions war. This article attempts to approach the study of public administration institutions as a set of formal and informal norms and rules in effect during the given period. The necessity for transformation of public administration institutions under the current global political and socio-economic conditions is substantiated. It is shown that, in the present context, solving this problem appears to be an essential condition for successful socio-economic development and for ensuring national security of our country. The goals of the transformation of public administration institutions are formulated, as well as the main objectives that must be accomplished as a result of the transformation of public administration institutions are specified.

Keywords: *public administration, public administration institutions, transformation of institutions, quality of public administration, national goals, objectives of transformation of institutions.*
JEL: H82, H19.

ФИНАНСЫ

А.А. РУБИНШТЕЙН
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ[1]

С октября 2024 г. ключевая ставка в РФ превышает рентабельность значительного числа отраслей экономики, в результате чего возникают такие опасности как сложность кредитования, возможность скатывания в рецессию, возникновение денежного навеса из вкладов физических лиц. На примере похожей ситуации в США в 1980–1982 гг. в статье с помощью модели переключающегося режима воспроизводства (ПРВ) показана важность дополнительного товарного предложения, которое в США было обеспечено путем резкого увеличения импортных поставок. Предложен и альтернативный ряд предупредительных мер, демпфирующих негативные эффекты при снижении ключевой ставки. По их вариантам проведены ориентировочные расчеты последствий предлагаемых мер с помощью модели ПРВ.

Ключевые слова: *инфляция, ключевая ставка, рецессия, инвестиции в основной капитал, модель переключающегося режима воспроизводства (модель ПРВ).*

УДК: 336.74, 338.2

EDN: CQJRQH

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_125_149

Введение

В данном исследовании рассматриваются проблемы, возникшие в нашей стране вследствие длительного периода высокой ключевой ставки, а также возможные проблемы при ее снижении. Приводятся мнения экспертов, указаны источники возможных рисков. Показано, что экстренные меры ЦБ РФ хотя и вызваны высокой инфляцией, но на длительном периоде приводят к тяжелым последствиям: большие затруднения в кредитовании при обновлении основного капитала, вызванные низкой рентабельностью многих отраслей; возникновение

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» ФГБУН Институт экономики РАН.

потребительского денежного навеса вследствие резко выросшего депозитного процента.

Особенностью анализа является то, что в нем используются расчеты с помощью математической модели ПРВ, а не только содержательные аспекты проблем.

С целью оценить возможные последствия и предложить необходимые меры для выхода из сложившейся ситуации в нашей стране, рассмотрен кризис в США 1980–1982 гг., когда рентабельность в среднем тоже оказалась ниже ставки. По модели ПРВ дана количественная оценка вклада фактора возросшего импорта, позволившего компенсировать шок потребительского спроса в США при выходе из кризиса.

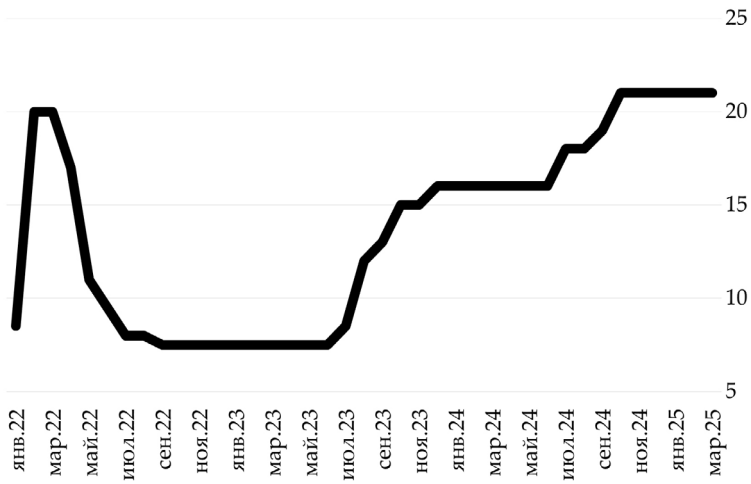
На банковской статистике показан потенциальный источник шока совокупного спроса – потребительские депозиты. Отмечена важность этого фактора при резком снижении ключевой ставки.

В заключении предложен альтернативный ряд предупредительных мер, демпфирующих негативные эффекты в российской экономике при снижении ключевой ставки. По их вариантам проведены ориентировочные расчеты по модели ПРВ, в которых рассмотрены три сценария: быстрый возврат депозитов на потребительский рынок, бюджетный инвестиционный стимул, аналогичный возврату депозитов и умеренный бюджетный стимул при качественном улучшении производства.

Высокая ключевая ставка и ее последствия: мнения экспертов

С конца октября 2024 г. по июнь 2025 г. Центральный банк РФ повысил ключевую ставку до рекордного значения 21%. В настоящее время она по-прежнему остается высокой, несмотря на некоторое снижение (см. рис. 1). Эта ставка выше уровня средней рентабельности промышленности РФ примерно на 4–5 п.п. ЦБ объясняет необходимость столь радикальных мер высокой инфляцией, дефицитом трудовых ресурсов и необходимостью ограничить рост корпоративного и потребительского кредитования. В сложившихся экстраординарных условиях дискуссии экономистов об эффективности проводимой денежно-кредитной политики (ДКП) естественно вышли на новый уровень.

Например, приводятся соображения о том, что традиционные инструменты ДКП теряют свою действенность. В частности, рассматривая реакцию группы развитых и развивающихся стран с переходной экономикой на рост инфляции в 2020–2021 гг. вследствие послепандемийного шока, вызванного ростом цен на энергоносители и сырье, а также монетарными стимулами, было обнаружено, что хотя «большинство центробанков поставили приоритетной задачей

Источник: ЦБ РФ. https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 01.08.2025).

Рис. 1. Ключевая ставка ЦБ РФ с января 2022 г.

в 2022 г. подавление инфляции» [1, с. 358], реакция центральных банков многих экономически развитых стран не соответствует устоявшимся теоретическим представлениям о необходимости резкого повышения ставки. В частности, ФРС США, ЕЦБ, Банк Японии, Национальный банк Швейцарии, Банк Канады, Резервный банк Индии удерживали низкие ставки при выросшей инфляции, а в Китае административные меры заменили традиционное ужесточение ставки[2].

М. Головнин, обращая внимание на важность недопущения высокой инфляции для устойчивости экономики, отмечает, что чрезмерно рестриктивная денежно-кредитная политика ограничивает экономическую динамику [3]. О негативном влиянии высокой ставки на инвестиционный процесс указывал еще Дж. Тобин [4]. М. Ершов, анализируя возможные последствия высокой ставки, указывает, что она будет тормозить расширение товарного предложения, не позволяя сбалансировать его со спросом [5, с. 24]. А. Алексеев отмечает: высокая ключевая ставка является «инструментом снижения спроса» и «универсальным блокатором производственных инвестиций», что в условиях, когда необходимо обеспечить быстрый экономический рост, эффективно противодействует росту инвестиций [6, с. 30–31]. С. Глазьев более категоричен: «Политика Банка России загоняет экономику в стагфляционную ловушку, в которой падение производства, девальвация рубля и повышение инфляции взаимно усиливаются»[3].

[2] См. табл. 3 в [2, с. 19–20].

[3] Независимая газета. 28.01.2025. https://www.ng.ru/economics/2025-01-28/4_9180_inflation.html (дата обращения: 20.03.2025).

На опасность стагфляции также указывают и другие эксперты. Сотрудники Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) в аналитической записке «О рисках стагфляции в российской экономике» отмечают, что политика ЦБ по борьбе с инфляцией создает недопустимо высокие риски рецессии в реальном секторе экономики, особенно в секторах с низкой рентабельностью и длительными сроками реализации проектов, в первую очередь в машиностроении[4].

Высокая ключевая ставка и экономические риски от ее резкого снижения

Итак, серьезные риски неоправданно высокой ключевой ставки проявляются в том, что неизбежно высокая стоимость кредита оказывается для многих производств выше уровня рентабельности[5], что приводит к большому «стресс-тесту» все равно вынужденных кредитоваться предприятий, не являющихся исполнителями госконтрактов и не имеющих доступа к более дешевым бюджетным деньгам. Возможности использовать кредиты оказываются сильно ограниченными, что сказывается не только на инвестициях, в которых доля банковского кредита и без того относительно невелика, но и на финансировании оборотного капитала.

На фоне торможения кредитной активности нефинансового сектора в 2024 г. отмечается активный прирост добавленной стоимости в секторе финансовой и страховой деятельности, составивший, согласно Росстату, 16,5% в сравнении с 7,6% – приростом в обрабатывающих производствах[6]. А годом ранее – в 2023 г. – российские банки поставили рекорд по прибыли – 3,3 трлн руб. (против 0,2 трлн руб. в 2022 г.)[7]. Все это говорит о том, что ужесточение ДКП усиливает процесс финансиализации экономики, тормозит экономический рост, но при этом пока что не приводит к снижению инфляции – главной цели жесткой ДКП.

В соответствии с Основными направлениями единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г., опубликованными

---

4 http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/112024inflation.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

5 По данным Федеральной налоговой службы 2023 года, согласно ОКВЭД-2, рентабельность активов на уровне 21% была только у производства табачных изделий. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference _work/concep tion_vnp/ (дата обращения: 13.03.2025).

6 https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67a62ea29a7947234b9a1e92 (дата обращения: 27.03.2025).

7 https://www.cbr.ru/collection/collection/file/48978/analytical_review_bs-2023-4.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

Банком России 30 октября 2024 г., инфляция замедлится до 4,5–5,0% в 2025 г. и в дальнейшем будет находиться вблизи 4%[8]. Если это снижение действительно произойдет, то ключевая ставка должна понизиться. Вслед за ней понизятся проценты по депозитам, что грозит резким высвобождением сберегаемых на банковских счетах денежных средств. На рынок хлынет огромная денежная масса, накопленная на депозитах. По нашей оценке, максимальное значение этой массы может достичь 10 трлн руб. дополнительного платежеспособного спроса[9]. При объеме ВВП за 2024 г., составившем 200 трлн руб., эта величина оказывается весьма существенной – до 5% ВВП и, если не принять превентивные меры, она может привести к новому витку инфляции.

Одна из таких мер сводится к обоснованию нецелесообразности быстрого снижения процентной ставки. Член экспертного совета по развитию цифровой экономики при комитете Госдумы по экономической политике В. Тумин считает, что «быстрое снижение ставки на 5–10 п. п. спровоцирует немедленный скачок спроса во всех сегментах экономики (и бизнес, и население), что, в свою очередь, скажется на росте цен, так как предложение не будет успевать за спросом. Что также является мощным проинфляционным фактором»[10]. Экономика окажется как бы в замкнутом круге: чтобы компенсировать последствия быстрого снижения ключевой ставки, ее придется снова повысить.

Потребительские депозиты – источник шока совокупного спроса

Сделаем еще один шаг в сторону разработки превентивных мер. Воспользовавшись рис. 2 и 3, а также табл. 1, рассчитанной по данным ЦБ РФ[11], попытаемся установить, откуда нам следует ожидать угрозу более сильного шока совокупного спроса в случае снижения ключевой ставки: со стороны физических или юридических лиц? Для этого воспользуемся данными по средним процентным ставкам[12] по вкладам, которые, усредняя по срокам, приблизительно можно считать чуть ниже ключевой ставки.

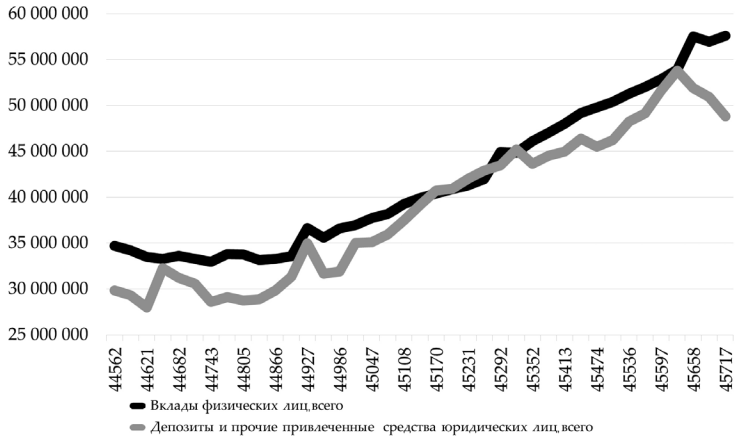
[8] Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf (дата обращения: 22.07.2025).

[9] Далее в разделе «Потребительские депозиты – источник шока совокупного спроса» приводим основания данной оценки.

[10] https://www.gazeta.ru/business/news/2024/11/26/24465415.shtml (дата обращения: 27.03.2025).

[11] https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/ (дата обращения: 14.04.2025).

[12] https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 14.04.2025).

Источник: Статистический бюллетень Банка России. https://www.cbr.ru/statistics/bbs/ (дата обращения 04.05.2025).
Рис. 2. Депозиты физических и юридических лиц (млн руб.)

Источник: Статистический бюллетень Банка России. https://www.cbr.ru/statistics/bbs/ (дата обращения: 04.05.2025).
Рис. 3. Кредиты физических и юридических лиц (млн руб.)

Таблица 1

Темпы годового прироста привлеченных вкладов и выданных кредитов

	Вклады физических лиц, %	**Кредиты физических лиц, %**	**Вклады юридических лиц, %**	**Кредиты юридических лиц, %**
2022 г.	5,5	9,3	17,2	-5,4
2023 г.	22,7	23,0	24,3	24,8
2024 г.	28,1	9,5	19,4	22,6

Источник: ЦБ РФ. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 16.05.2025).

Как видно из табл. 1, в 2022 г. происходили сильные пертурбации, оказавшие существенное влияние на поведение нефинансовых банковских клиентов. В связи с падением производства мы видим снижение объемов кредитования юридических лиц и переход в депозиты, однако в целом после завершения 2022 г. ситуация относительно стабилизировалась вплоть до последнего квартала 2024 г., когда ключевая ставка сделалась рекордно большой. Сохраняющаяся в 2025 г. высокая ключевая ставка побудила юридические лица задействовать собственные ресурсы для поддержания и развития производства, что привело к снижению абсолютного объема как депозитов, так и взятых кредитов. Эта ситуация неизбежно ведет к торможению производства.

Более сильное влияние на интенсивность совокупного спроса, по нашему мнению, окажут вклады физических лиц. Они в целом за 2022 г. росли близко к величине среднего процента, что, по нашему мнению, означает отсутствие существенного притока средств физических лиц в банки: средства на депозитах подросли на величину процента, но дополнительных движений не было. Напротив, темпы прироста вкладов в 2023–2024 гг. оказались выше средней банковской ставки за год: в 2023 г. ее можно оценить порядка 10% (с учетом того, что всю первую половину года сохранялась ключевая ставка 7,5%), а в 2024 г. порядка 18% (с учетом существенного роста ключевой ставки только во второй половине года и ставки 16% в первой половине). Таким образом, фактический годовой прирост банковских вкладов физических лиц, оценивая его достаточно грубо, на 10% обгонял прирост, обеспечиваемый банковским процентом. Это означает, что за 2023 г. физическими лицами на депозитах дополнительно было размещено 3,7 трлн руб., а в 2024 г. – 4,5 трлн руб. Необходимо также отметить, что при снижении ключевой ставки возрастет потребительское кредитование, что, по самым грубым расчетам, дает максимум – 10 трлн руб., способных дополнительно оказаться на потребительском рынке в случае резкого снижения ключевой ставки.

Вполне вероятно, что поведение физических лиц по вкладам при снижении ключевой ставки поменяется на противоположенное, особенно при ее резком снижении. Также возможен рост потребительского кредитования, снизившийся в конце 2024 г. Все это может означать появление на потребительском рынке немалых объемов дополнительных денег. Учитывая объем вкладов на начало 2025 г. в 57,5 трлн руб., речь, как уже отмечалось, может идти о величине до десяти триллионов рублей. И что важно, этот дополнительный совокупный спрос будет исходить в основном от физических, а не юридических лиц.

Кризис в США 1980–1982 гг.

Дальнейшее обсуждение возможных мер по демпфированию шока потребительского спроса мы намерены связать с анализом опыта государственного управления экономикой США в период ее выхода из W-образной (двойной) рецессии 1980–1982 гг., которая по ключевым моментам похожа на ситуацию в российской экономике в 2022–2025 гг. Напомним, данная рецессия, приведшая к тому, что процентная ставка оказалась выше рентабельности, была спровоцирована ограничительной политикой Федеральной резервной системы, направленной на сокращение денежной массы для борьбы с двузначной инфляцией [7], и политическими событиями, повлекшие за собой резкий рост барреля нефти в 1980 г. (см. рис. 4а, 4б).

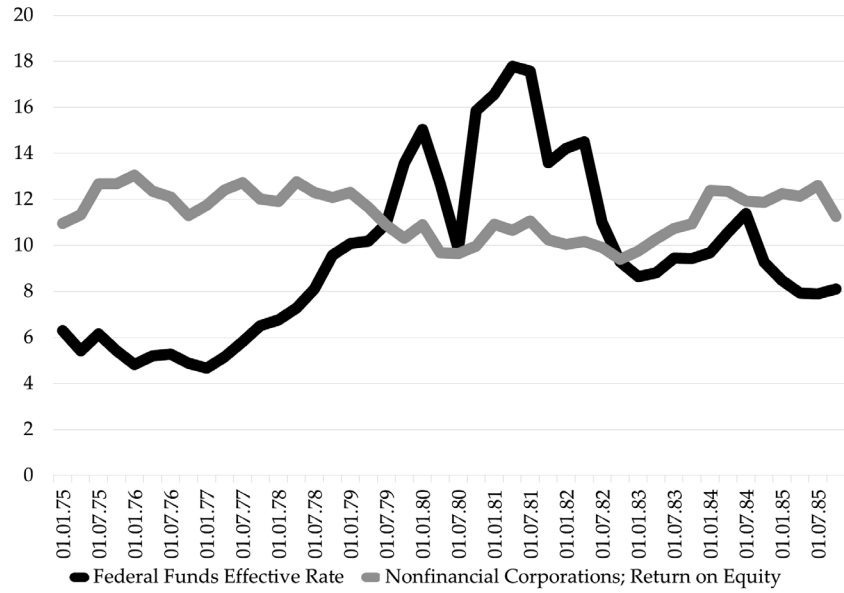
Основными признаками рецессии 1980–1982 гг. стали высокая инфляция и падение темпов реального ВВП (см. рис. 5а), а также падение загрузки производственных мощностей и рост безработицы (см. рис. 5б).

Сравнивая американские данные за 1980–1982 гг. (см. рис. 4а, 4б, 5а, 5б) с текущей ситуацией в России, видим, с одной стороны, существенное различие: в США в те годы была рецессия, в России рецессии не было: темпы прироста ВВП за 2023 и 2024 гг. составили 4,1 и 4,3%, соответственно. С другой стороны, есть важное сходство: в обоих случаях денежные власти проводят жесткую ДКП, выражающуюся в превышении ключевой ставки над средней рентабельностью (см. рис. 4а) и ведущую к росту склонности к сбережениям. Если, по нашей максимальной оценке эта политика привела к накоплению «денежного навеса» размере ~8 трлн руб., то в США имела место иная, существенно более простая, хотя в части потребительских кредитов похожая, ситуация (см. рис. 6а–6г).

В США в период кризиса 1980–1982 гг. не произошло изменения темпов кредитования производства, хотя потребительское кредитование остановилось практически на одном уровне. Также не возникло существенного «депозитного навеса» благодаря долгосрочным депозитам. Но с января 1980 г. по июль 1982 г. доля депозитов росла. В этом схожесть ситуаций в РФ и США.

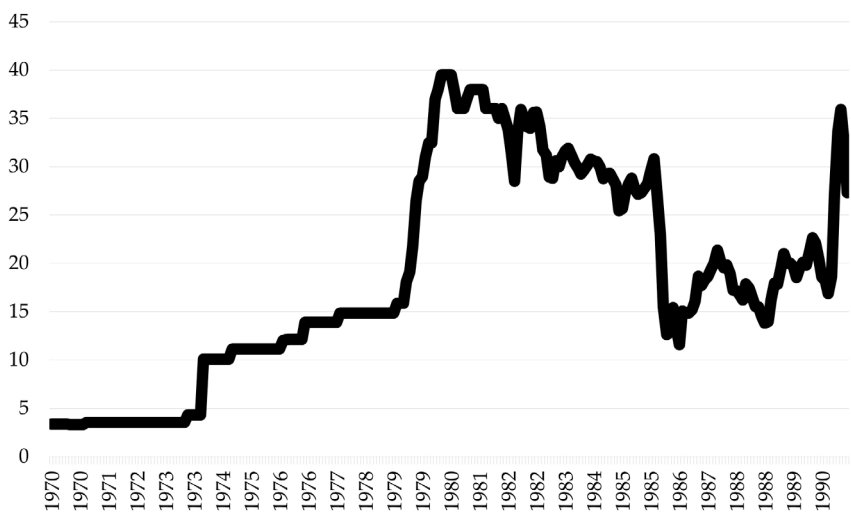
Федеральная резервная система США снижала рекордную инфляцию, резко повышая процентные ставки, что сделало долларовые активы привлекательными для иностранцев и привело к росту доллара по отношению к другим валютам [8, с. 51]. Высокие ставки ФРС сделали дорогими кредиты для американских производителей. Политика снижения налогов, рост военных расходов привели к увеличению бюджетного дефицита и росту выпуска трежерис[13] (см. рис. 7).

[13] Трежерис – долговые государственные ценные бумаги, эмитентом которых выступает Казначейство США.

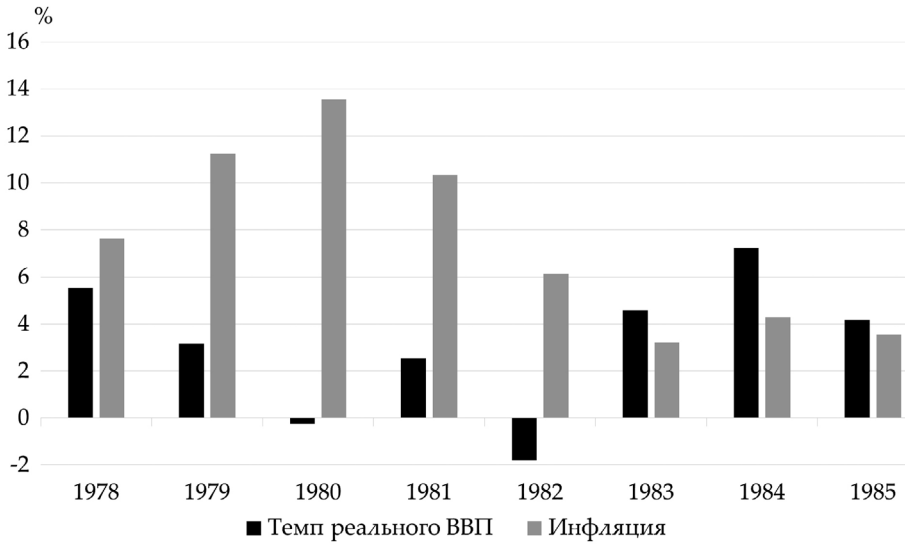
Источник: Федеральный резервный банк Сент-Луиса. https://fred.stlouisfed.org/ (дата обращения: 17.06.2025)

Рис. 4а. Ставка межбанковского кредита и средняя рентабельность в США (%)

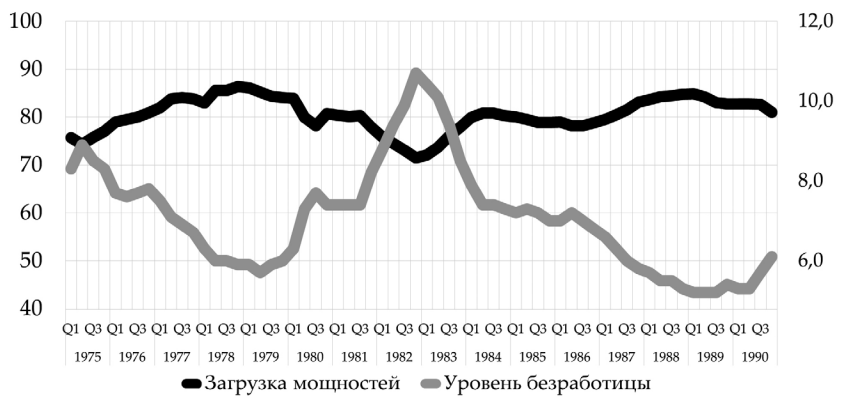
Источник: Федеральный резервный банк Сент-Луиса. https://fred.stlouisfed.org/data/WTISPLC (дата обращения: 01.06.2025)

Рис. 4б. Стоимость барреля нефти WTI в 1970–1990 гг. (долл. за баррель)

Источник: Бюро экономического анализа, США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

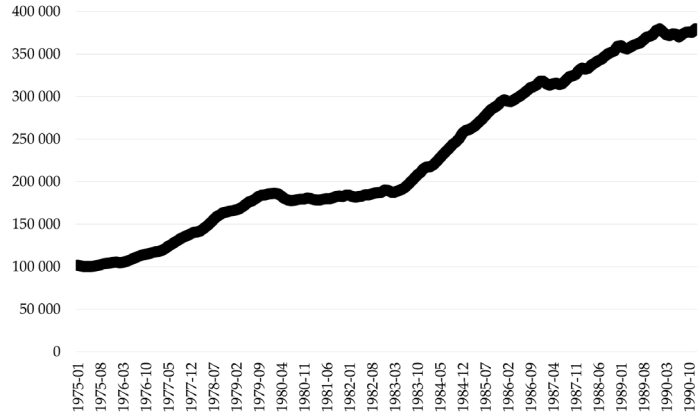
Рис. 5а. Темп реального ВВП и инфляция в США в 1978–1985 гг.

Источник: ФРС США, Федеральный резервный банк Сент-Луиса. https://www.federalreserve.gov/releases/g17/default.htm, https://fred.stlouisfed.org/series/UNRATE (дата обращения: 14.05.2025).

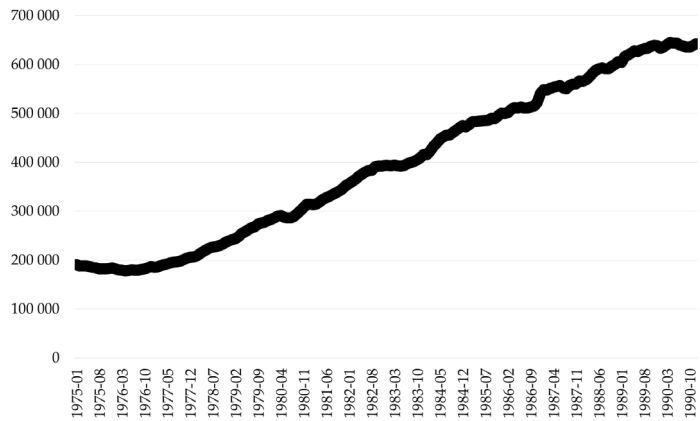
Рис. 5б. Загрузка производственных мощностей и уровень безработицы в США

Демпфированию шока совокупного спроса способствовал рост потребительского импорта. Причинами роста были реальное удорожание доллара США (из-за высокой инфляции), снижение цены нефти в середине 1980-х годов, рост доходов населения вследствие восстановительного роста после кризисов 1970–1980-х гг. Уже в 1983 г. сальдо внешнеторгового баланса становится резко отрицательным, достигая в 1987 г. 3,3% ВВП (см. рис. 8).

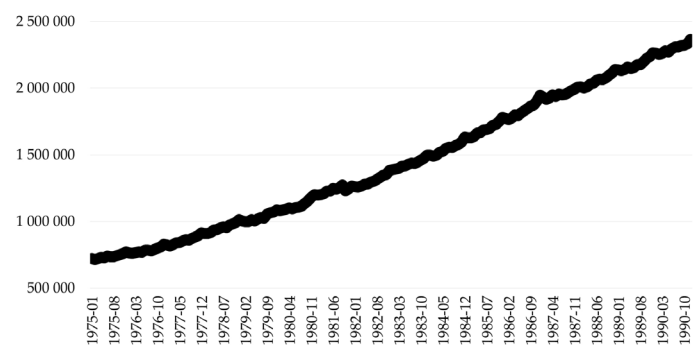
Источник: ФРС США. https://www.federalreserve.gov/releases/h8/ (дата обращения: 14.05.2025).

Рис. 6а. Потребительские кредиты в США 1975–1990 гг. (млн долл.)

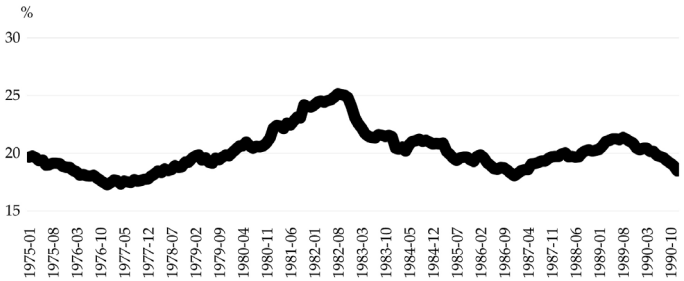
Источник: ФРС США. https://www.federalreserve.gov/releases/h8/ (дата обращения: 14.05.2025).

Рис. 6б. Коммерческие и промышленные кредиты в США 1975–1990 гг. (млн долл.)

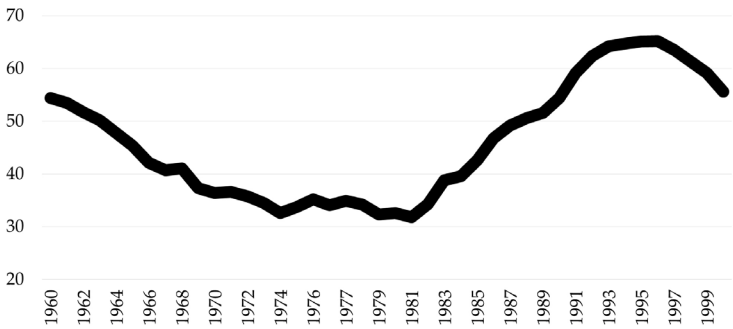
Источник: ФРС США.

Рис. 6в. Депозиты в коммерческих банках США 1975–1990 гг. (млн долл.)

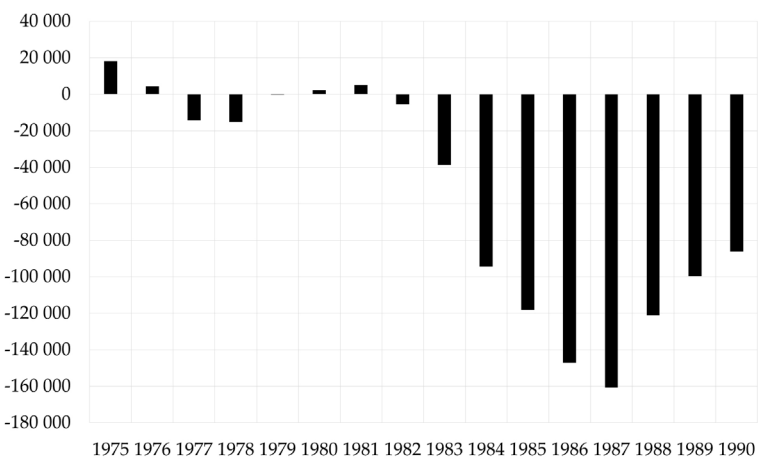
Источник: ФРС США. https://www.federalreserve.gov/releases/h8/ (дата обращения: 14.05.2025).

Рис. 6г. Доля длинных депозитов в депозитах коммерческих банков США 1975–1990 гг.

Источник: Казначейство США. https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/historical-debt-outstanding/historical-debt-outstanding (дата обращения: 14.05.2025).

Рис. 7. Федеральный долг США, % к ВВП в 1960–2000 гг.

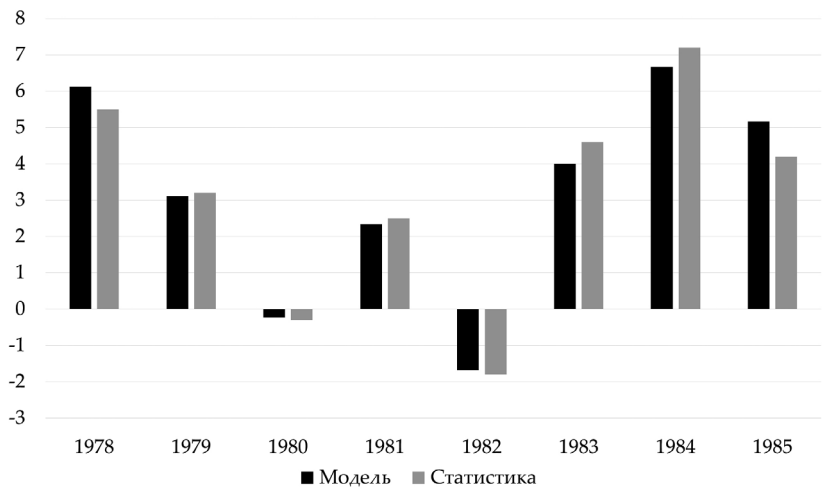

Источник: Бюро экономического анализа США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 8. Внешнеторговый баланс США 1975–1990 гг. (млн долл.)

Оценка с помощью модели ПРВ влияния импорта в процессе преодоления кризиса 1980–1982 гг.

Попытаемся оценить с помощью модели ПРВ[14], какие потери понесла бы американская экономика, если бы она не использовала свой импортный маневр. С этой целью была проведена настройка модели на экономические макропараметры США. Настройка дала удовлетворительную точность по переменным темпа роста ВВП и инфляции (см. рис. 9а, 9б).

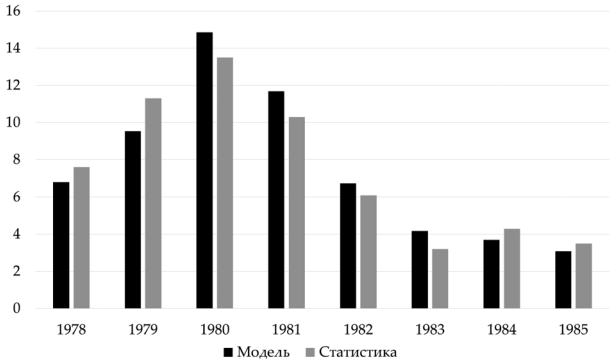

Источник: расчеты автора по: Бюро экономического анализа США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 9а. Соответствие настроенной модели ПРВ с наблюдаемым темпом роста реального ВВП США (с учетом импорта)

Рис. 10а и 10б иллюстрируют модельные расчеты в случае, если бы США не использовали бы импорт в качестве демпфера – экономическая конъюнктура существенно бы ухудшилась. При полном отсутствии перевеса импорта во внешнеторговом балансе (как практически и было до 1983 г.) наблюдается существенное расхождение как в темпах реального ВВП (в сторону снижения), так и в инфляции (в сторону роста).

[14] Описание модели ПРВ с переменной степенью загрузки мощностей дано в Приложении. С последовательной разработкой и совершенствованием модели можно ознакомиться в [9; 10; 11; 12]. Модель ПРВ позволяет оценить степень влияния возросшего с 1983 г. импорта США при выходе из кризиса 1980–1982 гг. Ранее оценки проводились эконометрическими моделями. А на имитационных моделях типа DSGE трудно проводить расчеты такого рода.

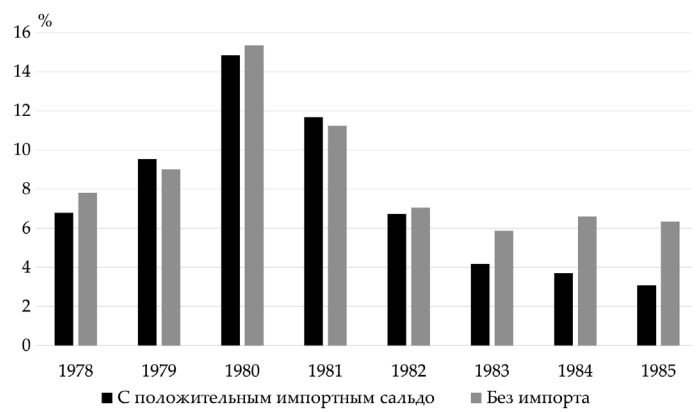
Источник: расчеты автор по: Бюро экономического анализа США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 9б. Соответствие настроенной модели ПРВ с наблюдаемой инфляцией США (с учетом импорта)

Источник: расчеты автора по: Бюро экономического анализа США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 10а. Сравнение темпов реального ВВП США в зависимости от импорта

Источник: расчеты автора, Бюро экономического анализа США. https://apps.bea.gov/iTable (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 10б. Сравнение инфляция в США в зависимости от импорта

Изображенные на рис. 10а темпы реального ВВП рассчитаны по модели ПРВ. Заметна небольшая разница в 1978–1982 гг. и растущая разница в 1983–1985 гг. между полученными значениями с учетом и без учета импорта. Количественная оценка полученной дельты дана в табл. 2; в ней также указывается фактическое соотношение внешнеторгового сальдо к ВВП.

Таблица 2

Влияние импорта на разницу в уровне темпа реального ВВП согласно расчетам по модели ПРВ

	Дельта темпа ВВП, %	**Внешнеторговое сальдо / ВВП, %**
1978 г.	0,3	–0,6
1979 г.	0,4	0,0
1980 г.	0,2	0,1
1981 г.	–0,1	0,2
1982 г.	–0,1	–0,2
1983 г.	0,8	–1,1
1984 г.	1,9	–2,3
1985г.	3,0	–2,7

Источник: расчеты автора.

Рис. 10б отражает уровни инфляции с учетом и без учета импорта. Аналогично на рис. 10а заметна небольшая разница в 1978–1982 гг. и растущая разница в 1983–1985 гг. Количественно она отражена в табл. 3.

Таблица 3

Влияние импорта на разницу в уровне инфляции согласно расчетам по модели ПРВ

	Дельта инфляции	**Внешнеторговое Сальдо / ВВП**
1978 г.	–1,0	–0,6
1979 г.	0,5	0,0
1980 г.	–0,5	0,1
1981 г.	0,4	0,2
1982 г.	–0,3	–0,2
1983 г.	–1,7	–1,1
1984 г.	–2,9	–2,3
1985 г.	–3,3	–2,7

Источник: расчеты автора.

Данные табл. 2 и 3 дают количественную оценку фактора влияния импорта и позволяют прийти к выводу о достаточно сильном влиянии данного фактора: разница составляет 3 и более процентов в обоих случаях в пользу сценария с «долговым» импортом.

Опыт США и Китая в российской ситуации

В России возможности демпфировать негативные последствия от появления дополнительного спроса за счет роста импорта в отличие от США ограничены размерами экспортных доходов и величиной внешнеторгового сальдо. В РФ в 2024 г. данное сальдо составило 150,9 млрд долл. Так что Россия может осуществить такой же маневр с увеличением импорта, что и США в 1983 г. Однако денежные регуляторы России[15] озабочены ростом ФНБ и вряд ли пойдут на такую операцию[16].

Сравнивая кризис, имевший место в США в 1980–1982 гг., с нынешней российской ситуацией, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что наша страна не имеет возможность увеличить импорт за счет долговых обязательств, поскольку рубль не является мировой валютой. Но мы можем снизить экспортно-импортное сальдо. Здесь полезен опыт Китая. Эксперты отмечают, что проводимая Центральным банком Китая совместно с правительством антиинфляционная политика не привела к торможению экономического роста, поскольку акцент был сделан не столько на повышении процентной ставки или ограничении эмиссии, сколько на мерах по поддержке рыночного предложения. Аналитик Института комплексных стратегических исследований Д. Плеханов отмечает: «В случае с Китаем обращает на себя внимание то, что ценовая стабильность достигается в стране даже несмотря на отсутствие формального режима инфляционного таргетирования, ключевой характеристикой которого является выбор инфляции в качестве единственного целевого показателя денежно-кредитной политики»[17]. Китай не повышает ключевую ставку; фактически меры, принимаемые властями КНР в условиях кризиса, направлены на поддержку производства и расширение товарного предложения даже несмотря на инфляционные риски.

В российской экономике, как показывает математическое моделирование взаимосвязи между российской денежной массой и ВВП, инфляция на современном этапе не связана с ростом денежной массы,

[15] Министерство финансов РФ, Банк России.

[16] https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/05/06/1108733-minfin-obyasnil-logiku-izmeneniya-parametrov-2025 (дата обращения: 27.06.2025).

[17] https://www.rbc.ru/quote/news/article/61dc25049a79473eea374eb4 (дата обращения: 27.03.2025).

а имеет немонетарное происхождение [13, с. 41]. Ускорение инфляции связано не с опережающим ростом физического спроса, а с недостатком предложения [14]. С.Ю. Глазьев и О.С. Сухарев предлагают прервать «порочный круг монетарной политики» и перейти на «цикл экономического процветания» [15 с. 17–18].

Центральный банк России объясняет свою жесткую денежно-кредитную политику и неприемлемость опыта Китая рекордной загрузкой российских производственных мощностей, что по мнению ЦБ делает крайне затруднительным увеличение товарного предложения. Однако с этим нельзя полностью согласиться и нельзя не отметить, что определяемый ЦБ РФ на основании выборочных опросов показатель загрузки не является бесспорным и существенно отличается от альтернативных. Согласно официальным данным Росстата за 2023 г., степень использования производственных мощностей только по редким отдельным позициям превосходит 80%, а в части производства машин и оборудования в основном не превышает 50%[18]. К аналогичным выводам приводят расчеты института Гайдара[19]. Эксперты института справедливо называют ключевую ставку 21% заградительной[20]. То же самое можно сказать и о ставке 20%, действовавшей с 9 июня 2025 г.

Выводы и предложения

Мы предлагаем комбинированный вариант демпфирования негативных последствий снижения ключевой ставки. Во-первых, имеет смысл частично задействовать положительное внешнеторговое сальдо. А именно, сократить его за счет увеличения импорта. Данное увеличение приведет к некоторому укреплению курса рубля, что негативно скажется на росте Фонда национального благосостояния (ФНБ). Рост ФНБ замедлится, но товарное предложение возрастет; при этом важно, чтобы прямой импортный товарный поток не сказался негативно на отечественном производстве. Если оценить максимально возможное увеличение потребительского спроса в 10 трлн руб., то для полной его компенсации потребуется огромный прирост импорта – порядка 120 млрд долл., поэтому такой метод непросто осуществить сам по себе, его эффективнее сочетать с другими. Предпочтителен

[18] https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_motsh_s_2017.xlsx (дата обращения 16.04.2025).

[19] https://www.rbc.ru/economics/28/07/2023/64c24a779a7947d8d3a08ed1 (дата обращения 27.03.2025).

[20] https://newizv.ru/news/2025-02-21/ekonomist-aleksey-vedev-kogda-v-rossii-ekonomika-rantie-eto-problema-436010 (дата обращения 27.03.2025).

инвестиционный способ использования ФНБ в виде новых технологий, создания более современных производств и пр. В то же время прямое превращение части средств ФНБ в дополнительные инвестиции в существующие производства хотя и даст медленный рост, но также повысит инфляцию: согласно модели ПРВ каждый процент прироста тема ВВП одновременно даст почти процентный рост инфляции. Необходимо опережающее задействование инвестиций.

Во-вторых, необходимо активизировать за счет бюджетного импульса инвестиции в основной капитал. Эта активизация должна носить упреждающий характер ввиду временного лага между вложенными инвестициями и реальным увеличением выпуска.

В-третьих, целесообразно повысить коэффициент использования действующих мощностей. По данным 2024 г. увеличение загрузки мощностей на 5% может дать, согласно модели ПРВ, прирост темпа ВВП на 1,5% и снижение уровня инфляции на 1,6%.

В-четвертых, если отсутствуют риски рецессии, желательно выбрать плавный вариант снижения ключевой ставки, чтобы сгладить резкий рост потребительского спроса. Результаты проведенных расчетов по модели ПРВ свидетельствуют о возможности негативных последствий для российской экономики при резком снижении ключевой ставки. Быстрый рост потребительского спроса на 5%, если не принимать мер, может привести к скачку инфляции на 7 п. п. при снижении темпа ВВП на 2 п. п. В то же время его плавное увеличение не приводит к всплеску инфляции, и при возможностях роста предложения может оказать даже благоприятное воздействие. Необходим поиск каналов использования высвобождающихся денежных средств в потребительском обороте вследствие сокращения депозитов.

Результаты расчетов по модели ПРВ возможных сценариев развития текущего состояния российской экономики представлены в табл. 4.

Таблица 4

Темп роста ВВП и инфляция при различных сценариях

Условие	q	Темп роста ВВП (%)	Инфляция (%)
Текущее состояние	1,06	4,3	9,52
Быстрый возврат депозитов на потребительский рынок	1,06	2,3	16,5
Бюджетный инвестиционный стимул, аналогичный возврату депозитов	1,06	7	12
Умеренный бюджетный стимул при качественном улучшении (новые технологии и т. д.)	1,03	5,9	7,8

Источник: расчеты автора.

В табл. 4 представлены три различных сценария, возможных из нынешней ситуации: 1) быстрый возврат депозитов на потребительский рынок, 2) бюджетный инвестиционный стимул, количественно аналогичный первому варианту, и 3) умеренный бюджетный стимул при качественном улучшении (новые технологии и т. д.). Именно третий вариант, предполагающий качественные структурные изменения в экономике, является наиболее выгодным для российской экономики (q = 1,03).

Формальное математическое описание коэффициента q в модели ПРВ дано в Приложении, а его экономический смысл впервые рассмотрен в работе [11]. Было статистически установлено, развитые экономики имеют $q \approx 1$, быстро развивающиеся экономики «китайского» типа (с опережающим развитием производства относительно уровня доходов населения) $q < 1$, а в России пока более инфляционная ситуация с q = 1,06 [11, с. 29]. В [11] были показаны пути, позволяющие снизить q[21].

Как следует из табл. 4, если не предпринимать мер, в случае прихода на потребительский рынок «денежного навеса», ранее нами оцененного в максимум 10 трлн руб., инфляция может подскочить до 16,5% при снижении темпа роста до 2,3%; аналогичный бюджетный инвестиционный стимул даст тоже существенное повышение инфляции, но при увеличении темпа роста ВВП, а наилучший путь состоит в повышении качества экономики путем внедрения наиболее современных технологий и оборудования, инвестиций в человеческий капитал, экономику знаний и пр.

Во всех предложениях, связанных со стимулированием производства, необходим жесткий финансовый контроль. В качестве серьезной меры контроля предлагаем цифровой рубль.

[21] В дальнейших работах, использующих в качестве одной из основ модель ПРВ, вместо модельного коэффициента q предложен экономически более наглядный индикатор s, имеющий тесную связь с q: $s = \pi / g$, где π – среднегодовая инфляция; g – среднегодовой темп роста реального ВВП. Коэффициент s сохраняет все перечисленные ранее свойства коэффициента q и может служить таргетом в проведении денежно-кредитной политики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Модель ПРВ с переменной степенью загрузки мощностей

Переменные модели:

Y_i – месячный выпуск продукции подсистемы G_i в ценах базового года;

M_{Y_i} – накопления денежных средств подсистемы G_i.

ΔM_{Y_i} – государственные субсидии[1] подсистемам G_i;

M_{H_i} – текущие денежные средства домашних хозяйств ($\widehat{M}_{H_j}$ – те же средства в начале месяца);

ΔM_{H_i} – субсидии домашним хозяйствам;

Коэффициенты модели:

k_{H_i} – доля денежных средств, расходуемых в месяц на покупки потребительских благ;

h_i – коэффициент, отражающий соотношение доходов *i-го* домашнего хозяйства и стоимости произведенного продукта Y_i в условиях простого воспроизводства;

w – коэффициент индексации доходов домашних хозяйств;

q – коэффициент распределения денежных потоков;

$\delta(t - k\tau)$ – дельта-функция; выражение $M{\cdot}\delta(t - k\tau)$ означает импульсное увеличение количества денег на сумму M в моменты времени $k\tau$.

Уравнения базовой модели с учетом инфляционных процессов[2]

А. Уравнения динамики денежных средств первых i подсистем (i принимает значения от 1 до $(N - 1)$), выпускающих в течение года $(t_0; t_1)$ потребительские товары (программа В), имеют следующий вид:

1. Динамика накоплений денежных средств M_{Y_i} подсистемы G_i внутри периода $(t_0; t_1)$:

$$\frac{dM_{Y_i}}{dt} = \sum_{j=1}^{N} k_{H_j} \frac{\widehat{M}_{H_j}}{\tau} \left(\frac{Yi}{\sum_{i=1}^{N-1} Y_j} \right) - wh_i Y_i \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) + \Delta M_{Y_i} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \qquad (1)$$

где первый член в правой части уравнения – денежные доходы подсистемы G_i в результате продажи на рынке произведенной ею продукции; второй член – денежные средства, поступающие из подсистемы

[1] Источником субсидий могут быть собираемые налоги и эмиссия.

[2] Подробное описание базовой модели (1)—(7) см. в: [18].

G_i в i-ю группу домашних хозяйств (считается, что эти выплаты производятся в начале очередного месяца); третий член – государственные субсидии (считается, что перечисление субсидий производится в начале каждого месяца).

Коэффициент индексации доходов домашних хозяйств w зависит от инфляционных процессов и вычисляется по отношению к базисному году. В рамках модели принято следующее выражение для w:

$$w = qP_{t-1} \tag{2}$$

2. Динамика денежных средств домашних хозяйств M_{H_i} в группе i:

$$\frac{dM_{H_i}}{dt} = wh_iY_i\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau) - \frac{k_{H_i}\widehat{M}_{H_i}}{\tau} + \Delta M_{H_i}\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau), \tag{3}$$

где первый и третий члены в правой части уравнения – доходы i-й группы домашних хозяйств с учетом субсидий и налогов (считается, что денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член – текущие расходы на покупки потребительских товаров.

3. Динамика уровня цен P на потребительскую продукцию в год t:

$$P_t = \left(\frac{\sum_{j=1}^{N} k_{H_j} \dfrac{\widehat{M}_{H_j}}{\tau}}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} \right). \tag{4}$$

При определении динамики уровня цен в базовой модели считается, что домашние хозяйства покупают все произведенные товары.

Б. Уравнения для подсистемы G_N, обновляющей в период $(t_0; t_1)$ основной капитал (программа А), имеют следующий вид:

4. Динамика расходования M_{Y_N} – средств G_N-й подсистемы:

$$\frac{dM_{Y_N}}{dt} = -\frac{\widehat{M}_{Y_N}}{12}\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau) + \Delta M_{Y_N}\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau), \tag{5}$$

где первый член в правой части уравнения – денежные средства, поступающие из подсистемы G_N в N-ю группу домашних хозяйств (считается, что эти выплаты производятся в начале очередного месяца). При этом считается, что подсистема G_N в течение годового периода $(t_0; t_1)$ расходует накопленные в предыдущие $(N–1)$ лет средства $\widehat{M}_{Y_N}$ на обновление основного капитала (эти средства идут на выплату зарплат

работникам, участвующим в обновлении основного капитала). Величина обновленного подсистемой G_N основного капитала в постоянных ценах базового года определяется по формуле:

$$Y_N = \frac{W_N}{h_N P_t} = \frac{\widehat{M}_{Y_N}}{h_N P_t}, \tag{6}$$

где W_N – годовой фонд номинальной зарплаты (при этом считается, что все накопленные средства подсистема G_N тратит на зарплату, выплачиваемую при обновлении основного капитала[3]. В следующие несколько лет (до очередного обновления основного капитала) величина Y_N будет соответствовать объему продукции (в постоянных ценах базового года), производимой данной подсистемой на потребительский рынок.

5. Динамика денежных средств домашних хозяйств M_{H_N} в группе N:

$$\frac{dM_{H_N}}{dt} = \frac{\widehat{M}_{Y_N}}{12}\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau) - \frac{k_{H_N}\widehat{M}_{H_N}}{\tau} + \Delta M_{H_N}\sum_{k=0}^{\infty}\delta(t-k\tau), \tag{7}$$

где первый и третий члены в правой части уравнения – доходы N-й группы домашних хозяйств с учетом субсидий и налогов (считается, что денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член – текущие расходы на покупки потребительских товаров.

Уравнения (1)–(6) описывают динамику экономической системы в течение годового периода $(t_0; t_1)$, когда подсистема G_N обновляет свой основной капитал. После этого в следующий годовой период $(t_1; t_2)$ подсистема G_N начинает выпускать потребительские товары, а подсистема G_{N-1} начинает обновлять свои изношенные основные фонды. Таким образом, подсистема G_N в период $(t_1; t_2)$ занимает место подсистемы G_1, подсистема G_1 занимает место подсистемы G_2, подсистема G_2 занимает место подсистемы G_3, ..., подсистема G_{N-1} занимает место подсистемы G_N, и расчеты проводятся снова для следующего временного периода $(t_1; t_2)$. И так далее, для периодов $(t_2; t_3)$, $(t_3; t_4)$, …, $(t_n; t_{n+1})$, ...

В. Уравнение переменной загрузки производственных мощностей:

В процессе эксплуатации основного капитала, созданного при обновлении производственной подсистемы, возможна разная степень

[3] Формула (6) справедлива при условии пропорциональной отдачи, то есть, когда производимый основной капитал Y_N пропорционален выплачиваемой зарплате W_N. Выражение для Y_N в случае убывающей отдачи, связанной с наличием различных ресурсных и технологических проблем при расширении объемов производства, приведено в [18, с. 65].

его загрузки. Она отражается посредством коэффициента загрузки производственных мощностей k_{CU}, применяемого к выпуску подсистем, работающих на рынок:

$$\tilde{Y}_i = k_{CU} Y_i \tag{8}$$

где $\tilde{Y}_i$ – выпуск подсистемы i с основным капиталом Y_i, вместо которого в формулах (1), (3), (4) используется $\tilde{Y}_i$. Таким образом, степень загрузки производственных мощностей влияет также на уровень оплаты труда в подсистемах $G_1, \ldots, G_{N-1}$.

Переменная степень загрузки производственных мощностей также ранее использовалась в модели ПРВ для демпфирования колебаний, сопровождающих переходные процессы при изменении параметров [17, с. 112–116, 122–123].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ершов М. В.* Некоторые особенности текущего развития и возможные инструменты роста экономики // Научные труды ВЭО России. 2023. Т. 239. С. 356–364. [*Ershov M.V.* Some features of the current development and possible instruments of economic growth // Research papers of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 239. Pp. 356–364. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-356-364.
2. *Широв А.А., Гусев М.С., Некрасов Ф.О.* Природа инфляции в современной российской экономике и ее влияние на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2. С. 5–19. [*Shirov A.A., Gusev M.S., Nekrasov F.O.* The nature of inflation in the modern Russian economy and its impact on economic growth. Studies on Russian Economic Development. 2025. No. 2. Pp. 5–19. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-209-5-19.
3. *Головнин М.Ю.* Выступление на XIV Международной научно-практической конференции «Абалкинские чтения» 23 апреля 2025 г. РЭУ им. Г.В. Плеханова. «Механизмы достижения национальных целей России». [*Golovnin M.Yu.* Speech at the XIV International Scientific and Practical Conference “Abalkin Readings” April 23, 2025. Plekhanov Russian Economic University. Mechanisms for achieving Russia’s national goals].
4. *Tobin J. A* General Equilibrium Approach to Monetary Theory // Journal of Money, Credit and Banking. 1969. Vol. 1. No. 1. Pp. 15–29.
5. *Ершов М. В.* Глобальные тенденции в мировой экономике и новые возможности для России // Вопросы экономики. 2024. № 12. С. 5–28. [*Ershov M.V.* Global trends in the world economy and new opportunities for Russia. Voprosy Ekonomiki. 2024. No. 12. Pp. 5–28. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2024-12-5-28.
6. *Алексеев А.В.* Монетарная политика как инструмент планового управления экономикой // Вестник российской академии наук 2025. Т. 95. № 1. С. 28–37. [*Alekseev A.V.* Monetary policy as a tool of planned economic management. // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 95. No. 1. Pp. 28–37. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0869587325010038.

7. *Volcker P*. Dealing with Inflation: Obstacles and Opportunities // Remarks at the Alfred M. Landon Lecture Series on Public Issues, Kansas State University, 1981. https://fraser.stlouisfed.org/title/statements-speeches-paul-a-volcker-451/dealing-inflation-obstacles-opportunities-8236/fulltext
8. *Krugman P*. The Age of Diminished Expectations. The MIT Press Cambridge. 1997.
9. *Маевский В.И., Малков С.Ю*. Переход от простого воспроизводства к экономическому росту // Успехи физических наук. 2011. Т. 181. № 7. С. 753–757. [*Maevsky V. I., Malkov, S. Yu*. Transition from simple reproduction to economic growth. Advances in physical sciences. 2011. Vol. 181. No. 7. Pp. 753–757. (In Russ.).]
10. *Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А. А*. Особенности и проблемы моделирования переключающегося воспроизводства // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51. № 1. С. 26–44. [*Maevsky V. I., Malkov S. Yu., Rubinstein A. A*. Features and Problems of Modeling the Shifting Mode of Reproduction. Economics and Mathematical Methods. 2015. Vol. 51. No. 1. Pp. 26–44. (In Russ.).]
11. *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.,* Красильникова Е.В. Об одном направлении развития мезоэкономической теории // Журнал институциональных исследований. 2019. № 11(3). С. 21–38. [*Maevsky V. I., Malkov, S.Yu., Rubinstein A.A., Krasilnikova E.V.* On one direction of development of the mesoeconomics. Journal of Institutional Studies. 2019. No. 11(3). Pp. 21–38. (In Russ.).] DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038.
12. *Рубинштейн А.А.* Расширенная версия модели переключающегося режима воспроизводства с эндогенной инфляцией // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 4. С. 28–37. [*Rubinstein A.A.* Extended version of FCG model with endogenous inflation // Economics and Mathematical Methods. 2020. Vol. 56. No. 4. Pp. 28–37. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S042473880012424-5.
13. *Иванченко И.С., Ниворожкина Л.И.* Оценка воздействия денежной массы на темпы прироста российского ВВП // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (1). С. 34–44. [*Ivanchenko I. S., Nivorozhkina L.I.* Assessment of the impact of the money supply on Russian GDP growth rates. Finance: Theory and Practice. 2025. No. 29 (1). Pp. 34–44. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-34-44.
14. *Смирнов В.Д*. В поиске эффективного решения управления инфляцией // Современная конкуренция. 2025. Т. 19. № 1. С. 122–140. [*Smirnov V.D.* In Search of an Effective Solution to Inflation Management. Journal of Modern Competition. 2025. Vol. 19. No. 1. Pp. 122–140 (In Russ.).] DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-1-122-140.
15. *Глазьев С.Ю., Сухарев О.С*. Экономический рост и монетарная политика России // Journal of New Economy. 2025. Т. 26. № 1. С. 6–30. [*Glazyev S.Yu., Sukharev O.S.* Economic growth and monetary policy in Russia. Journal of New Economy. 2025. Vol. 26. No. 1. Pp. 6–30. (In Russ.).] DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1.
16. *Маевский В.И*. О возможности таргетирования экономического роста: теоретический аспект // AlterEconomics. 2024. № 21(2). С. 159–178. [*Maevsky V. I*. The Possibility of Targeting Economic Growth: Theoretical Aspect. AlterEconomics. 2024. No. 21(2). Pp. 159–178. (In Russ.).] DOI:10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.1.
17. *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт Х-экономики Китая. Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 98–123. [*Mayevsky V.I., Malkov S.Y., Rubinstein A.A.* Macroeconomic conditions of Russia's transition to high growth rates: China's

experience. Voprosy Ekonomiki. 2023. No. 10. Pp. 98–123. (In Russ.).] DOI:10.32609/0042-8736-2023-10-98-123.

18. *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства. Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 45–66. [*Mayevsky V.I., Malkov S.Yu., Rubinstein A.A.* Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model. Voprosy Ekonomiki. 2019. No. 8. Pp. 45–66. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66.

Дата поступления рукописи: *25.05.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубинштейн Александр Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
rubinstein.alexander@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Rubinstein – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
rubinstein.alexander@gmail.com

ON THE QUESTION OF KEY RATE REDUCTION

Since October 2024, the key rate in the Russian Federation exceeds the profitability of a significant number of economic sectors, resulting in such risks as difficulty in lending, the possibility of sliding into recession, and the emergence of a monetary overhang due to individual deposit growth. Using the example of a similar situation in the USA in 1980–1982 with the help of the model of the shifting mode of reproduction (SMR model) the importance of additional commodity supply is shown, which was provided by a strong rise in import supplies. An alternative series of precautionary measures damping the negative effects of a key rate cut is also proposed. On possible options, approximate calculations of the consequences were made with the help of the SMR model.

Keywords: *inflation, key rate, recession, fixed capital investment, shifting mode of reproduction model (SMR model).*

JEL: C02, E22, E42.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.В. БЕЛИЦКАЯ
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А.А. ЯКОВЛЕВ
кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора
Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА?

Цель данного исследования – выявить роль общественного договора как фактора, влияющего на перераспределение ресурсов в рамках международной экономической интеграции, на результативность создания общего рынка, решение проблем обеспечения устойчивости экономического роста, неравенства и безработицы. В ходе работы научно обосновано, что результативность международной экономической интеграции зависит от наличия общественного договора на наднациональном уровне, подкрепленного возможностью распределения части ренты не только государством, но и напрямую интеграционным объединением, а также возможностью создания наднациональных инклюзивных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы.

Ключевые слова: *международная экономическая интеграция, региональная экономическая интеграция, общественный договор, социальный контракт, инклюзивные институты, национальная экономика, общий рынок товаров, капитала, рабочей силы, наднациональный уровень.*

УДК: 339.9.01

EDN: YWUDKR

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_150_166

Введение

В настоящее время наблюдается рост взаимозависимости экономик различных стран. Сосуществует большое количество интеграционных проектов – от классических (например, ЕС, ЕАЭС) до интеграционных инициатив нового типа, где на передний план выходят не снижение барьеров и организация общих рынков, а конкретные экономические проекты (например, китайский проект «Пояс и путь») [1]. Однако тенденции глобализации и деглобализации стремительно сменяют друг друга, происходит сближение разных государств на почве общности интересов по какому-либо значимому вопросу и мгновенное «охлаждение» отношений, если мировая или национальная политика одной из стран в силу экзогенных или эндогенных причин вдруг разворачивает свои приоритеты [2]. В этих условиях, выбирая долгосрочного партнера, а именно таковым является государство как регулятор экономических отношений, экономический агент принимает на себя риски его неудач на международной арене. Образование общих рынков в рамках международных интеграционных объединений, а также недавние примеры повышения тарифов и введения санкций показывают, какое влияние имеет государственная экономическая политика на благосостояние экономических агентов и на возможности его максимизации.

В современном мире цифровых технологий, геополитических конфликтов и глобальных потрясений неэкономические факторы оказывают значительное влияние на границы производственных возможностей экономики и предопределяют выбор экономических агентов, в том числе в отношении партнеров по кооперации. Задается ли homo economicus при этом вопросом самоидентификации и ассоциирует ли он себя с каким-либо народом или государством, полагая, что он составляет часть некоего целого, и если да, то что есть это целое? Если Аристотель отвечал на этот вопрос абстрактно – «человек по своей природе есть животное общественное» [3], то Ф. Лист уже видел приоритет общей пользы в процветании народного хозяйства через призму национальной политической экономии [4].

Тренд на выявление устойчивой связи между индивидом/фирмой и государством развивался в рамках теорий общественного договора, который определяется в документах ООН как процесс, посредством которого каждый в политическом сообществе явно или молчаливо соглашается на верховенство государственной власти, тем самым ограничивая некоторые свободы в обмен на защиту государством универсальных прав человека и безопасности, а также на адекватное предоставление общественных благ и услуг [5, p. 9]. Традиционно общественный договор считается договором между народом как носителем суверени-

тета и государством, которому в результате заключения такого договора народ передает свой суверенитет (обмен ожиданиями относительно прав собственности и свобод, принятых в обществе [6]). Однако в настоящее время наблюдается тенденция десуверенизации, когда происходит частичное делегирование суверенитета на наднациональный уровень в рамках международной экономической интеграции.

Международная экономическая интеграция представляет собой сложный политико-экономический процесс, который сейчас находится в фокусе внимания различных областей научного знания. Предметом экономических исследований становятся такие вопросы, как создание новых торговых потоков и их искажение (Дж. Вайнер, Дж. Мид, Р.Г. Липси), реализация эффекта экономии от масштаба (Б. Балашша, У.М. Корден, У. Этьер и Х. Хорн), связь роста инвестиций с экономическим ростом (Р. Болдуин, М. Шифф, Л.А. Уинтерс), внешние эффекты от передачи знаний (Г. Гроссмен, Е. Хелпмен) в рамках международной экономической интеграции, денежно-валютная интеграция (У.М. Корден, Р.Д. Лудема, И. Вутен, Р.А. Мандела, П. Кеннен), влияние крупных фирм и целых отраслей промышленности на формирование интеграционных объединений [7], а также разработка системы количественных показателей интеграционного взаимодействия.

Целью данной статьи является выявление роли общественного договора как фактора, влияющего на перераспределение ресурсов в рамках международной экономической интеграции, на результативность создания общего рынка, на решение проблем обеспечения устойчивости экономического роста, неравенства и безработицы.

Гипотезой данной статьи стало предположение о том, что результативность международной экономической интеграции зависит от наличия общественного договора на наднациональном уровне, подкрепленного возможностью распределения части ренты не только государством, но и напрямую интеграционным объединением, а также возможностью создания наднациональных инклюзивных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы.

Международная экономическая интеграция: приоритет экономики или политики?

Задаваясь вопросом о необходимости формирования общественного договора на наднациональном уровне, нужно определиться, что является первичным в международной экономической интеграции: экономика или политика. В современной литературе и общественно-политической практике выделяются два противоположных подхода к ответу на представленный вопрос, а также их синтез [8].

Так, сторонники течения, названного *федерализмом*, признают приоритет политических процессов, полагая, что международная экономическая интеграция является результатом согласования воль политических элит государств, входящих в нее, которые действуют в собственных интересах, видя для себя выгоды в консолидации. Критика предложенного подхода базируется на том, что народы не готовы отказываться от значительной части своего суверенитета в пользу идеи объединения, которая не несет для них, как им представляется, никаких выгод. Так, брексит продемонстрировал, что общества не готовы отказываться от части своего суверенитета, а также национального дохода в рамках перераспределения «общих» ресурсов интеграционного объединения, в том числе рабочих мест, жилья и государственных услуг, в пользу решения проблем других государств – участников такого объединения или их граждан.

Функционализм является научной альтернативой федерализму, если рассматривать экономический аспект в качестве приоритетного над политическим в процессе международной экономической интеграции. Функционализм исходит из идеи о том, что работающая функциональная организация экономических отношений может быть осуществлена без формирования наднациональных политических институтов, так как объединение основывается на пересечении экономических интересов и потребностей, которые в основном носят трансграничный характер. Критика данного подхода состоит в том, что создание общих институтов, которые бы осуществляли формирование наднациональных «правил игры» в экономике, неизбежно.

Синтезом двух подходов можно считать *неофункционализм*, в основе которого лежит оригинальная идея *spill-over* («перелив») как логики развития интеграционных объединений от легкой формы интеграции до более глубокой. Так, по мнению Э.В. Хааса, эффект «перелива» в отраслевой интеграции неизбежно ведет к полному экономическому единству, а затем экономическое взаимодействие перерастает в политическое [9]. Критика неофункционализма была сформирована течением интерговернментализма, сторонники которого убеждены в том, что страны будут последовательно отстаивать свои национальные интересы в вопросах безопасности и защиты суверенитета [10], что будет, в свою очередь, сдерживать желание государств передавать полномочия наднациональным институтам.

Отметим также отдельные научные взгляды, в частности К. Дойча, который полагал, что международные интеграционные объединения могут стать сообществами безопасности, так как в их рамках формируется надежное ожидание мирных изменений среди населения [11]. Представляется, что данная теория развивается в русле коммуникативной теории Ю. Хабермаса, который воспринимал обще-

ственный договор как длящийся процесс коммуникативного действия, в целом направленный на обеспечение солидарности в обществе [12], но для того, чтобы данная теория работала на практике, необходимо обеспечить участие граждан государств – членов интеграционного объединения в переговорном процессе по повестке такого объединения (переговоры эффективны, когда представлены интересы всех сторон [13]).

Общественный договор на наднациональном уровне: выбор государств или индивидов / фирм?

Предположим, что решение о создании международной экономической интеграции принимается не государствами, заключающими эксплицитные международные договоры о создании интеграционных объединений, а народами, которые решают разделить свой суверенитет между двумя агентами: государством и наднациональным объединением. Несмотря на то что в научной литературе высказывалось мнение, что конечным результатом интеграции становится образование «функциональной системы, элементы которой могут начать работать и без общей политической надстройки» [14], в современных теоретических разработках [15] и практической плоскости (например, опыт ЕС) укрепилась позиция о том, что работа такой системы будет не столь результативна, а цель формирования общего рынка не будет достигнута без какого-либо наднационального центра принятия решения, будь то единого или альтернативного государственным центрам входящих в интеграционное объединение членов.

Представляется, что наличие наднациональных органов способствует углублению взаимосвязей внутри интеграционного объединения, в том числе в рамках усиления социального и экономического взаимодействия. Согласимся с Э. Хаасом и П. Шмиттером в том, что истинная, то есть, по сути, успешная интеграция представляет собой процесс, участники которого перестают идентифицировать себя и свое будущее благосостояние со своим национальным правительством и его политикой, все в большей степени ориентируясь на наднациональное объединение [16]. То есть результативной является та интеграция, которая объединяет, по меткому выражению первого президента Европейской комиссии В. Хальштайна, людей, а не государства. Значит ли это, что людей объединяет общий рынок или все же объединение осуществляется агентом, которым становится уже не государство, а наднациональное образование со своим аппаратом управления и принуждения?

Понимание международной экономической интеграции как свободной конкуренции без дискриминации и государственных границ –

это нереалистичный образ. Как учат нас теории общественного договора, народ передает свой суверенитет государству на определенных условиях, которые разнятся в каждом таком договоре (так, А.А. Аузан приводит отечественные примеры обмена ожиданиями в рамках общественных договоров: «порядок в обмен на налоги», «стабильность в обмен на лояльность», «готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»[1]). Однако в рамках любого общественного договора государство берет на себя также базовые обязательства, о которых говорили еще Т. Гоббс (обеспечение безопасности), Дж. Локк (защита прав собственности), Ж.-Ж. Руссо (уважение естественных прав человека).

Обмен ожиданиями в рамках современной международной экономической интеграции не касается приведенных выше базовых условий общественного договора, затрагивая лишь вопросы, лежащие в плоскости исключительно экономической политики (либерализация торговли и перемещения факторов производства, отсутствие дискриминации в рамках общего рынка и т. д.). При этом даже вопросы экономической политики в рамках общего рынка интеграционного объединения не будут переданы на наднациональный уровень в полной мере, так как реализацию, например, промышленной и научно-технологической политики, имеющих ключевое значение для обеспечения долгосрочного экономического роста современных государств, национальные правительства постараются оставить за собой. Несмотря на то что в интеграционных объединениях может проводиться согласованная энергетическая политика (как в странах ЕС) и формироваться общая «зеленая» повестка, что непосредственно оказывает воздействие на реализацию экономической политики в сфере промышленности, *непосредственно промышленная и технологическая политики будут интегрироваться, по нашему мнению, в последнюю очередь, так как они напрямую связаны с защитой государственного суверенитета и обеспечением национальной безопасности*, а также с возможностью использования протекционистских мер для поддержания национального производства и т. д. [17].

На сегодня сложилась следующая ситуация в области интеграции. С одной стороны, развитие международной интеграции влияет на углубление взаимодействия между экономическими агентами, позволяя им более результативно распределять трудовые ресурсы с учетом свободы перемещения рабочей силы в рамках интеграционного объединения и зарабатывать на эффекте от масштаба посредством

[1] «Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе». Александр Аузан о новом социальном контракте. 29 октября 2014. https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml (дата обращения: 02.04.2025).

формирования специализации в пределах интеграции. С другой стороны, промышленное производство является важной составляющей импортонезависимости, которая, в свою очередь, влияет на состояние национальной экономической безопасности, что требует сохранения контроля за реализацией такой политики за государством, отвечающим перед обществом за его безопасность в рамках общественного договора. Поэтому вопросы промышленной политики до последнего будут оставаться частью именно национального общественного договора, не будучи переданными на наднациональный уровень, что будет снижать его значимость как регулятора экономической составляющей интеграции.

Что же касается научно-технологической политики, то, с одной стороны, с точки зрения концепций эндогенного экономического роста будет иметь место положительный эффект от передачи знаний в рамках интеграционного объединения. С другой стороны, именно инновации обеспечивают государству технологическое лидерство на международной арене, а также защиту целостности границ государства и его суверенитета, что делает такую политику важной частью ответственности государства перед обществом в рамках национального общественного договора, не позволяя передать данный вопрос на уровень интеграции.

Таким образом, зачастую наличие барьеров для полноценного взаимодействия между экономическими агентами в рамках общего рынка интеграционного объединения обусловлено неэкономическими факторами, которые «перевешивают» экономические при принятии решений в результате того, что *в рамках общественного договора именно государства, а не наднациональные органы интеграции несут ответственность перед обществом по ключевым вопросам общественного договора*.

Кроме того, на наднациональный уровень общественного договора не будут переданы вопросы социальный политики, которые тесно переплетены с политикой экономической. Представляется, что без установления «правил игры» по вопросам социальной политики невозможно обеспечить «истинную» результативную интеграцию, которая в настоящее время имеет место разве что в Европейском союзе.

При этом на необходимость и темпы формирования, а также на условия наднациональных общественных договоров большое значение оказывают цели региональной экономической интеграции, которые весьма неоднородны между собой. Так, О.В. Буторина выделяет 4 группы: внутренние и внешние, позитивные и негативные, что способствует выделению различных интеграционных моделей и нелинейности их развития [18].

Распределение ресурсов (части ренты) в рамках международной экономической интеграции и проблемы обеспечения устойчивого экономического роста, неравенства, безработицы

В научной литературе выделяются четыре основные цели международной экономической интеграции: экономический рост, принцип равноправия в экономической деятельности, более равномерное распределение доходов и большая свобода выбора [19]. Как представляется, именно эти вопросы и должны лечь в основу формирования условий наднационального общественного договора.

Результатом международной экономической интеграции в любом случае должен стать краткосрочный экономический подъем или долгосрочный экономический рост отдельных, а возможно, и всех государств – участников объединения за счет различных факторов повышения эффективности функционирования национальных экономик, использования преимуществ экономии от масштаба, сокращения трансакционных издержек, создания стабильности во взаимоотношениях со странами-партнерами, либерализации торговли, взаимного обмена технологиями, унификации и гармонизации правовых норм, конструирования совместных цепочек добавленной стоимости в промышленности, создания общего информационного пространства. Вместе с тем названные эффекты не гарантируют устойчивость экономического роста. Представляется, что по аналогии с государствами, которые заботятся о благосостоянии своих граждан и развитии бизнеса, наднациональные интеграционные объединения также должны преследовать цель формирования таких «правил игры», которые бы позволили экономическим агентам максимизировать свою полезность в рамках такого объединения даже более успешно, чем в рамках национальной экономики. Кроме того, одним из важных эффектов от создания интеграционного союза должно стать адекватное совместное реагирование стран-участниц на внешние вызовы и изменения экономического и политического мирового порядка [20].

Либерализация движения факторов производства в рамках международной экономической интеграции может привести к диспропорциям в их размещении и последующему возникновению неравенства в доходах. В этой связи, если рассматривать такую интеграцию исключительно как процесс координации государственных экономических политик (и это уже «продвинутый» уровень интеграции), ее результативность будет сомнительна в связи с ее формальным (договоренность между государствами), а не реальным (договоренность между людьми) характером.

Напротив, если ставить идею снижения неравенства и безработицы, например за счет создания общего рынка рабочей силы, во главу угла

международной экономической интеграции, когда для стран с формирующимися рынками позитивные эффекты интеграции будут сильнее выражены, чем для развитых стран [21], то общества, чье благосостояние превышает показатели стран – партнеров по интеграции, вряд ли будут позитивно настроены в отношении перераспределения таких благ в пользу более бедных партнеров, а следовательно, и в отношении возможности передачи части суверенитета наднациональным органам, которые будут исходить из «общего» интеграционного интереса при распределении ресурсов, даже если экономический эффект от интеграции будет представлять собой игру с положительной суммой. Предложенная структуралистами концепция транснационализации и придания международной экономической интеграции социального характера в этой связи звучит нереалистично, так как представить себе международную экономическую интеграцию с взаимопроникновением пенсионных систем, взаимной защитой материнства и детства, перераспределением общественных благ среди консолидируемого общества интеграции без дискриминации по признаку принадлежности к государству-члену, в том числе бесплатного образования и здравоохранения (там, где оно предусмотрено), вряд ли возможно.

Компромиссным вариантом в поиске баланса между экономическим и социальным аспектами интеграции выступает дирижизм, который в целях создания оптимальной наднациональной хозяйственной структуры предлагает координацию государственных экономических и социальных политик. Однако, по нашему мнению, данный подход подразумевает вмешательство наднационального «центрального планировщика» (оптимум централизации, а не просто либерализация движения товаров, капитала и рабочей силы [22]) в национальный общественный договор с пересмотром устоявшейся связи в рамках обмена ожиданиями между государствами и их гражданами (народами), что не является аргументом в пользу углубления интеграции. Появление наднационального центрального планировщика со значительным объемом полномочий приведет к уменьшению таких полномочий у национальных правительств, что постепенно ослабит суверенитет государств, входящих в интеграционное объединение, и может повлечь за собой трансформацию интеграционного объединения сначала в такую промежуточную форму, как конфедерация, а затем – в полноценное новое государство. Представляется, что значимым шагом на пути к такому объединению, которое не обязательно является желаемым результатом для стран, входящих в интеграционное объединение, является формирование общей денежно-кредитной политики, способной выражаться в создании единой валюты, способной заменить национальную, как, например, евро в ЕС, или существовать наряду с национальной валютой, как, например, карибский

доллар в КАРИКОМ. Интеграционное объединение может формироваться вокруг единой валюты, при этом не имея иного содержательного наполнения, как Зона франка. Еще более существенным шагом к конфедерации является формирование единой налоговой и бюджетной политики, которая постепенно вытесняет национальные.

Отметим, что в отличие от оптимума централизации, социальный оптимум признается в научной литературе «призраком», при этом жизненно необходимым для людей [23]. «Социальные» условия общественного договора на наднациональном уровне могут касаться дополнительных социальных гарантий для граждан государств, входящих в состав объединений. Такие гарантии, а также льготы и меры финансовой поддержки могут предоставлять интеграционные многосторонние институты развития (например, Новый банк развития БРИКС), которые, как считают функционалисты, будучи эффективными именно на наднациональном уровне, способны предложить обществу предоставление определенных благ, лучших по качеству в сравнении с тем, что могут предложить государства. Кроме того, международная экономическая интеграция иногда предусматривает дополнительную ступень разрешения споров, в рамках которой граждане государств-членов могут обращаться в наднациональные суды за защитой своих прав и законных интересов, что может служить дополнительной гарантией такой защиты и сыграть роль социального условия наднационального общественного договора.

Таким образом, наднациональный общественный договор представляет собой обмен ожиданиями по поводу экономических и социальных благ между обществами государств – членов международной экономической интеграции и интеграционными объединениями, которым они передают часть своего суверенитета. Такой договор будет результативен в отношении создания общего рынка интеграции в том случае, если его условия будут улучшать благосостояние обществ по сравнению с национальным общественным договором или содержать дополнительные взаимовыгодные условия, направленные на возможность максимизации такого благосостояния.

Условия наднационального общественного договора и возможность создания наднациональных инклюзивных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы

В научной литературе выделяются различные стадии международной экономической интеграции, которые могут предусматривать разную степень взаимопроникновения национальных экономик, вплоть до создания единого наднационального хозяйства (в настоящее время

подобные примеры на практике отсутствуют) в рамках интеграционного объединения. Общими в рамках международной экономической интеграции могут стать не только рынки, но и налоги (их часть), бюджет (его часть), кредитно-денежная политика (ее часть в рамках создания единой валюты). Важную роль в консолидации интеграционного объединения, безусловно, играют общие (наднациональные) органы управления, включая аппарат принуждения (в настоящее время монопольное право на насилие есть только у государств, и они не передают его на наднациональный уровень, так как речь идет в том числе о вопросах национальной безопасности).

По мнению Д. Бьюкенена и Г. Таллока, условия общественного договора можно разделить на условия о правах человека, о собственности, о «государстве защищающем» и о «государстве производящем» [6].

Условия о правах собственности не могут быть включены в предмет общественного договора, так как в рамках интеграционного объединения не происходит обобществления рентных ресурсов. Поскольку административно-территориальная организация является признаком государства, который не делегируется на наднациональный уровень, а права собственности, например, на недвижимое имущество, привязаны к территории государства, в том числе через институт регистрации, то даже свободное движение факторов производства в рамках общего рынка не позволяет говорить о том, что права собственности перераспределяются в процессе переговоров общества и интеграционного объединения, а не общества и государства.

Условия о «государстве защищающем» не являются предметом наднационального общественного договора, пока осуществляется защита национальных границ национальной армией. В настоящее время перед Европой остро встал вопрос обеспечения безопасности, который выносится на наднациональный уровень, в связи с чем данный вывод может быть пересмотрен, если на практике появятся примеры создания интеграционного сообщества безопасности, о котором писал К. Дойч. В интерпретации Д. Бьюкенена и Г. Таллока «государство защищающее» проявляет себя в отношении защиты прав человека и прав собственности, такая защита предполагает правопорядок, и он в настоящее время также является национальным, хотя в рамках некоторых интеграционных объединений, например, ЕС и Андского сообщества, принимаются нормативные правовые акты прямого действия, то есть непосредственно распространяющиеся на граждан всех государств, входящих в интеграцию. Отметим, что в настоящее время речь идет о передаче на наднациональный уровень принятия нормативных правовых актов, регулирующих только экономические отношения, а не вопросы, лежащие в сфере защиты прав и свобод человека. Условие о «государстве защищающем» может попасть в надна-

циональный общественный договор также в связи с созданием в некоторых интеграционных объединениях наднациональных судебных органов (например, такие суды созданы в ЕАЭС, ЕС, МЕРКОСУР, Андском сообществе) – данное условие может быть признано условием о защите прав человека.

Говоря об условии о «государстве производящем» и возможности его включения в наднациональный общественный договор, необходимо рассмотреть систему принятия и реализации решений в отношении распределения общественных благ. Представляется, что в рамках концепции социального государства, где государство берет на себя обязательство бесплатно предоставлять услуги образования и здравоохранения, сложнее представить себе передачу на наднациональный уровень решение данного вопроса, по сравнению с концепцией сервисного или минимального государства. Так, возможности «государства производящего» зависят от наличия бюджета, то есть чем больше становится бюджет интеграционных объединений по сравнению с бюджетом государств, входящих в него, тем больше становится поле для договоренностей между интеграционным объединением и обществом в рамках общественного договора. В настоящее время бюджет большинства интеграционных объединений расходуется исключительно на содержание наднациональных органов такого объединения. Исключение составляет ЕС, который располагает определенным бюджетом (см. табл.).

Вопрос формирования интеграционного бюджета тесно связан с вопросом возможности установления прямых налогов со стороны наднационального образования (в настоящее время прямые налоги в интеграционных объединениях не установлены). Пока государства принимают решение о направлении части своих бюджетов в бюджет интеграции и пока отсутствуют прямые налоги в пользу интеграции (в настоящий момент имеется пример неналоговых доходов интеграции в ЕС, который взимает импортные пошлины на товары, ввозимые на его территорию), общественный договор на наднациональном уровне, даже если и будет сформирован, будет не слишком устойчив.

Полагаем, что формирование общественного договора на наднациональном уровне возможно при глубокой интеграции, когда не только сами государства, но и их граждане готовы воспринимать в качестве регулятора экономических отношений наднациональные органы власти. Как отмечает В.М. Полтерович, особое значение для устойчивости имеет требование достижения консенсуса [24], что становится значимым, как отметил Д. Родрик, и для неявных контрактов, исполнение которых во многом опирается на социальные взаимосвязи [25]. Устойчивость наднационального общественного договора наряду со справедливыми экономическими и социальными условиями, кото-

Таблица

Сравнение бюджетов интеграционных объединений и расходной части бюджетов государств стран – участников объединений в 2023 г.

	Бюджет интеграционного объединения (расходная часть), в млрд долл.	Суммарные расходы центральных правительств стран-участников, в млрд долл.	Отношение расходов объединения к расходам стран-участников, в %
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	0,2	421,3	0,05
Европейский Союз (ЕС)	168,6	3872,1	4,35
Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР)	0,3	515,8*	0,06
Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	0,1	393,2	0,03

* – без Уругвая и Венесуэлы.

Источник: составлено и рассчитано авторами по: данным Всемирного банка. https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVT.ZS; Совета ЕС. https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget_en; Комиссии ЕАЭС. https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/public_finance/statisticheskie-tablitsy.php; AS/COA. https://www.as-coa.org; ASEAN. Secretariat https://asean.org/our-communities/economic-community-2 (дата обращения: 03.04.2025).

рые обсуждались ранее в настоящей статье, может быть обеспечена инклюзивностью наднациональных институтов, в работе которых потенциально могли бы быть задействованы граждане любого государства, входящего в интеграционное объединение.

Инклюзивные институты допускают и поощряют участие людей в экономической деятельности, которая наилучшим образом использует их таланты и навыки и увеличивает свободу выбора, что особенно важно в рамках интеграционных объединений, где декларируется наличие общего рынка рабочей силы. Инклюзивные институты исключительно важны для экономического развития, так как они создаются эндогенно (самими людьми), при этом наиболее активные и талантливые люди будут выбирать для себя партнера по взаимодействию либо на уровне государства, либо на уровне наднациональных органов интеграции, ассоциируя с ними свое благополучие, что будет влиять на устойчивость общественного договора на обоих уровнях, и чем больше людей выберут в качестве партнера наднациональные органы власти, тем больше значимости при решении различных вопросов приобретет именно наднациональный общественный договор. В настоящее

время граждане государств, входящих в интеграционные объединения, получают доступ к участию в управлении такими объединениями через свои национальные органы власти, которые выдвигают их для взаимодействия на наднациональном уровне. Обеспечение возможности попадать в такие органы напрямую, с поддержкой граждан, а не правительств государств-членов, повысит степень инклюзивности институтов интеграционных объединений, но одновременно создаст риски для суверенитета национальных правительств.

Таким образом, формирование наднациональных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы в качестве подкрепления наднационального общественного договора (при его наличии) будет способствовать решению проблем обеспечения устойчивого экономического роста, неравенства и безработицы в рамках международной экономической интеграции, если такие институты являются инклюзивными, то есть если в них может войти каждый проявивший себя член консолидированного общества интеграционного объединения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что результативность международной экономической интеграции зависит от наличия общественного договора на наднациональном уровне, подкрепленного возможностью распределения части ренты не только государством, но и напрямую интеграционным объединением, а также возможностью создания наднациональных инклюзивных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы.

В статье наднациональный общественный договор был определен как обмен ожиданиями по поводу экономических и социальных благ между обществами государств – членов международной экономической интеграции и интеграционными объединениями, которым они передают часть своего суверенитета. Такой договор будет результативен в отношении создания общего рынка интеграции в том случае, если его условия будут улучшать благосостояние обществ по сравнению с национальным общественным договором или содержать дополнительные взаимовыгодные условия, направленные на возможность максимизации такого благосостояния.

Формирование наднациональных инклюзивных институтов в рамках общего рынка товаров, капитала и рабочей силы в качестве подкрепления наднационального общественного договора (при его наличии) будут способствовать решению проблем обеспечения устойчивого экономического роста, неравенства и безработицы в рамках международной экономической интеграции.

В рамках наднационального общественного договора затрагиваются вопросы в основном экономической, а не социально-политической повестки, так как ключевые вопросы безопасности, защиты прав и свобод человека остаются предметом договора именно между обществом и государством, которому оно передало свой суверенитет. При этом наличие барьеров для полноценного взаимодействия между экономическими агентами в рамках общего рынка интеграционного объединения обусловлено неэкономическими факторами, которые «перевешивают» экономические при принятии решений в рамках реализации промышленной и научно-технологической политики, имеющих ключевое значение для обеспечения долгосрочного экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Хейфец Б.А.* Новая модель международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2023. [*Kheifets B.A.* New model of international economic integration. M.: Institute of Economics of the RAS, 2023. (In Russ.)]
2. *Шишков Ю.В.* Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 10. С. 50–68. [*Shishkov Yu.V.* Integration and disintegration: concept adjustment. World Economy and International Relations. 1993. No. 10. Pp. 50–68. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-1993-10-50-68.
3. *Аристотель.* Политика / Под общей ред. А.И. Доватура. М.: Изд. «Юрайт», 2025. [*Aristotle.* Politics / Ed. by A.I. Dovatur. Moscow: Publishing House "Yurait", 2025. (In Russ.).]
4. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. Москва; Челябинск: Социум, 2017. [*List F.* National system of political economy. Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2017. (In Russ.).]
5. Engaged Societies, Responsive States: The Social Contract in Situations of Conflict and Fragility. Concept Note. April 2016. P.9. New York, 2016, https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/Social_Contract_in_Situations_of_Conflict_and_Fragility.pdf (accessed: 23.04.2025).
6. *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor, 1962.
7. *Мюрдаль Г.* Мировая экономика: проблемы и перспективы. М.: Изд. иностранной литературы, 1958. [*Myrdal G.* World Economy: Problems and Prospects. Moscow, 1958. (In Russ.).]
8. *Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю.* Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М.: ИЭ РАН, 2011. [*Ushkalova D.I., Golovnin M.Yu.* Theoretical Approaches to the Study of International Economic Integration. M.: Institute of Economics of the RAS, 2011. (In Russ.).]
9. *Haas E.B.* The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces. Stanford, Calif.: Stanford University Press,*1958.
10. *Milward A.* The European Rescue of the Nation-State. London, 2000.
11. *Deutsch K.* Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement. Princeton, New Jersey, 1953.

* Stanford University признан нежелательной организацией в России

12. *Хабермас Ю*. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука, 2008. [*Habermas J*. Involving the Other: Essays on Political Theory. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.).]
13. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах // Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009 / Сост. А.А. Аузан, А.В. Золотов, А.А. Ставинская, В.Л. Тамбовцев. М., 2010. [Political Economy of Russia: Dynamics of the Social Contract in the 2000s. Selected Works of the Institute of the National Project "Social Contract", 2000–2009 / Compiled by A.A. Auzan, A.V. Zolotov, A.A. Stavinskaya, V.L. Tambovtsev. M., 2010. (In Russ.).]
14. *Mitrany D. A* Working Peace System. Chicago: Quadrangle Books, 1966.
15. *Genna G.M., Yang Z., Abdollahian M.* Regional Integration and Economic Development: Optimal or Messy Networks? The Journal of Economic Integration. 2024. No. 39 (3). Pp. 557–589. https://doi.org/10.11130/jei.2024029 (accessed: 12.07.2025).
16. *Haas E.B., Schmitter P*. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America // International Organization. 1964. Vol. 18. No. 4. P. 710.
17. *Тураева М.О., Яковлев А.А*. История глобальной климатической повестки и ее будущее в Евразийском экономическом союзе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 6 (140). https://history.jes.su/s207987840031942-5-1/. (дата обращения: 12.07.2025). [*Turaeva M., Yakovlev A.* History of the Global Climate Agenda and Its Future in the Eurasian Economic Union // ISTORIYA. 2024. Vol. 15. Iss. 6 (140). https://history.jes.su/s207987840031942-5-1/. (accessed: 12.07.2025).(In Russ.).] DOI: 10.18254/S207987840031942-5.
18. *Буторина О.В*. Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65 № 10. С. 5–14. [*Butorina V.O.* The Goals of Regional Integration: A Modern Understanding // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 10. Pp. 5–14. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14.
19. *Streeten P.* Economic Integration, Aspects and Problems. Leyden: A.W. Sythoff, 1964.
20. *Буторина О.В., Борко Ю.А*. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1 (108). С. 5–20. [*Butorina O.V., Borko Yu.A.* Benefits of Regional Integration: Reconsidering the Concept // Modern Europe. 2022. No. 1 (108). Pp. 5–20. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0201708322010016.
21. *Ушкалова Д.И*. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 158–170. [*Ushkalova D.I.* Models of Economic Integration and Their Typology // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 3. Pp. 158–170. (In Russ.).]
22. *Tinbergen J*. International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier, 1954.
23. *Некипелов А.Д*. Поиск социального оптимума: погоня за призраком? // Вестник Российской академии наук. 2023. № 93 (5). С. 415–427. [*Nekipelov A.D*. Search for social optimum: chasing a ghost? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 93 (5). Pp. 415–427. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0869587323050080.
24. *Полтерович В.М*. Коллаборативные иерархии // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 31–48. [*Polterovich V.M*. Collaborative hierarchies // Voprosy Ekonomiki. 2021. No. 7. Pp. 31–48. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-31-48.
25. *Rodrik D*. How Far Will International Economic Integration Go? // Journal of Economic Perspectives. Vol. 14. No. 1. 2000. Pp. 177–186.

Дата поступления рукописи: *20.04.2025 г.*
Дата принятия к печати: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белицкая Анна Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6988-4022
belankav@gmail.com

Яковлев Артём Александрович – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0004-5579-4458
ikovlevartem@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Belitskaya – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6988-4022
belankav@gmail.com

Artem A. Yakovlev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-5579-4458
ikovlevartem@yandex.ru

INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION: A NEW LEVEL OF A SOCIAL CONTRACT?

The purpose of this study is to identify the role of the social contract as a factor influencing the redistribution of resources within the framework of international economic integration, the effectiveness of creating a common market, solving the problems of ensuring the sustainability of economic growth, inequality and unemployment. In the course of the work, it was scientifically substantiated that the effectiveness of international economic integration depends on the presence of a social contract at the supranational level, supported by the possibility of distributing part of the rent not only by the state, but also directly by the integration association, as well as the possibility of creating supranational inclusive institutions within the framework of a common market of goods, capital and labor.

Keywords: *international economic integration, regional economic integration, social contract, inclusive institutions, national economy, common market of goods, capital, labor, supranational level.*
JEL: F15.

Н.Д. ФРОЛОВА
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра исследований проблем
государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН

О РОЛИ КОМПАНИЙ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ[1]

В статье рассматриваются современные исследовательские подходы к оценке роли компаний с государственным участием в экономике Республики Беларусь. Представлены результаты анализа основных статистических показателей, характеризующих деятельность белорусских компаний с государственным участием и выделены ключевые тенденции их развития. Показаны доминирующая роль компаний с государственным участием в экономике и наличие рисков, обусловленных неэффективностью системы управления ими.

Ключевые слова: *компании с государственным участием, государственный капитализм, роль государства в экономике, эффективность компаний с государственным участием, управление компаниями с государственным участием.*

УДК: 334.723, 338.242.4
EDN: IEVMFW
DOI: 10.52180/2073-6487_2025_4_167_182

Введение

Республика Беларусь остается единственным стратегическим союзником России на западном направлении [1]. Двухсторонние партнерские отношения между странами в таких ключевых сферах экономики, как торговля, энергетика, промышленная кооперация развиваются на протяжении многих лет. В рамках Союзного государства Россия и Беларусь придерживаются согласованной внешней и оборонной политики. Однако в условиях санкционного давления со стороны западных стран возрастает потребность не только в укреплении сотрудничества в сфере безопасности, но и в развитии экономического

[1] Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИЭ РАН на 2024–2026 гг. «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

взаимодействия, одно из направлений которого – кооперация российского и белорусского бизнеса.

Для эффективного выстраивания партнерских отношений необходимо учитывать ключевые тенденции развития экономики Республики Беларусь, где значительную роль играют компании с государственным участием. Доля таких компаний в общем объеме промышленного производства по итогам 2024 г. составляла 69,5%[2]. При этом белорусские компании с государственным участием активно участвуют в реализации кооперационных проектов Союзного государства. Ярким примером служат проекты МАЗа с КАМАЗом[3], МАЗа с Уфимским трамвайно-троллейбусным заводом[4], ОАО «Минский тракторный завод» и ОАО «Гомсельмаш» с АО «Петербургский тракторный завод»[5].

Оценка роли и вклада компаний с государственным участием в национальное экономическое развитие Республики Беларусь, что является целью работы, проводилась на основе показателей их экономической деятельности. Были проанализированы как официальные статистические данные, так и экспертные мнения научных сотрудников Института экономики НАН Беларуси. Также были обобщены и систематизированы результаты современных исследований деятельности белорусских компаний с государственным участием, что представляет интерес для разработки теоретических подходов к формированию модели государственного управления, релевантной современным условиям.

Обзор литературы

В современной экономической литературе внимание к деятельности компаний с государственным участием в Республике Беларусь в большинстве случаев фокусируется в рамках исследований разно-

[2] По оперативным данным о деятельности организаций с государственной и долей государственной собственности за январь-декабрь 2024 г. Оперативные данные / Национальный статистический комитет республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-predprinimatelstva/operativnye-dannye/ (дата обращения: 20.05.2025).

[3] Кооперационные проекты МАЗа и КАМАЗа / Минский автомобильный завод, МАЗ, 22.05.2024. https://maz.by/media/news/2024/05/22/kooperatsionnyye-proyekty-maza-i-kamaza (дата обращения: 21.05.2025).

[4] Новые векторы сотрудничества с Республикой Башкортостан / Минский автомобильный завод, МАЗ, 13.06.2024. https://maz.by/media/news/2024/06/13/novyye-vektory-sotrudnichestva-s-respublikoy-bashkortostan (дата обращения: 21.05.2025).

[5] Петербургский тракторный завод - в авангарде промышленной интеграции России и Белоруссии / АО «Петербургский тракторный завод», 03.06.2021. https://kirovets-ptz.com/press/news/peterburgskiytraktornyyzavodvavangardepromyshlennoyintegratsiirossiiibelorussii/ (дата обращения: 21.05.2025).

видностей капитализма в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), что обусловлено критически важным значением взаимоотношений бизнеса и государства для понимания ключевых принципов устройства национальных экономических систем и их последующей классификации [2]. Так, в исследовании К.Рудого [3] компании с государственным участием отнесены к основным инструментам государственного капитализма в Беларуси. Автор отмечает высокую вовлеченность Правительства Республики Беларусь как в стратегическое, так и в оперативное управление компаниями: директивно устанавливаются целевые показатели деятельности, оказывается содействие в организации продаж и т.д. Однако практика установления правительством или местными властями целевых показателей деятельности применяется не только к компаниям с государственным участием, но и к частным, но в таком случае используются другие механизмы воздействия: административное давление, специальные соглашения или «джентльменские» договоренности [3, с. 81]. Жесткое централизованное регулирование деятельности белорусских компаний с государственным участием, с одной стороны, обеспечивает стабильность экономики, социальную защищенность сотрудникам данных компаний, с другой стороны, препятствует проявлению инициативы, сдерживает развитие конкурентности и инновационную активность, ограничивает гибкость национальной экономики [3, с. 83].

Несмотря на системную значимость компаний с государственным участием в национальной экономике Республики Беларусь, результаты анализа социологических опросов «The World Values Survey» (WVS)[6] свидетельствуют о том, что респонденты не рассматривают право собственности на предпринимательский капитал (государственное или частное) как один из механизмов решения проблемы выхода из стагнации экономики [4, с. 18]. При этом «крупные госпредприятия воспринимаются гражданами как национальные символы, которые не следует передавать в частные руки» [5, с. 37]. Ключевым фактором, обуславливающим необходимость сохранения государственной собственности на предприятия, выступает национальная гордость, восприятие этих компаний как национального достояния, а не соображения по достижению эффективности и прибыльности [6].

Крупнейшие белорусские компании с государственным участием, так называемые «предприятия, формирующие ВВП» [7, с. 157], являются ключевыми элементами системы государственного планирования. Именно они выступают агентами, реализующими планы правительства, направленные на достижение целей государственного раз-

[6] World Values Survey, WVS. https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp (дата обращения: 05.08.2025).

вития. Однако такая их вовлеченность в достижение государственных национальных целей приводит к нарушению принципов конкурентной нейтральности [7, с. 158]: белорусские компании с государственным участием имеют привилегированный доступ к заемным средствам (субсидируемые государством кредиты), им предоставляются налоговые льготы, система правовых и административных барьеров ограждает их от конкуренции со стороны частных компаний и иностранного бизнеса и т.д.

Осложнение геополитической обстановки привело к ухудшению экономической ситуации в стране и компании с государственным участием столкнулись с рядом структурных вызовов, среди которых выделяются «постепенное урезание субсидий и сокращение объемов нового директивного кредитования» [8, с. 27]. Это привело к ухудшению экономических показателей компаний с государственным участием и, по мнению ряда исследователей, снижению их экономической роли [8, 9].

Резюмируя, можно выделить следующие тенденции, нашедшие отражение в современных исследованиях, касающихся деятельности белорусских компаний с государственным участием: доминирующая роль данных компаний в экономике Республики Беларусь снижается, их деятельность менее эффективна по сравнению с организациями частного предпринимательского сектора, управление ими осуществляется в «ручном режиме», но при этом они получают много преференций.

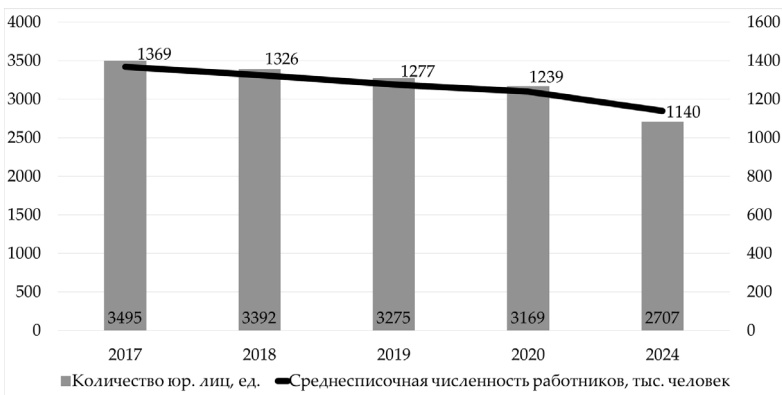
Компании с государственным участием в Республике Беларусь: текущие реалии

В соответствии с типологией, предложенной ОЭСР[7], модель управления компаниями с государственным участием в Республике Беларусь формально наиболее соответствует модели координирующего агентства, когда функции собственника компаний с государственным участием переданы различным органам государственного управления и иным уполномоченным организациям. В Беларуси общую координацию и мониторинг эффективности деятельности компаний с государственным участием осуществляет Государственный комитет по имуществу. В числе его наиболее значимых функций контроль за эффективностью использования и управления акциями (долями в уставных фондах); контроль за соблюдением законодательства, регулирующего вопросы распоряжения акциями (долями в уставных

[7] Подробный обзор типовых моделей управления компаниями с государственным участием представлен в работе [11, с. 12–17].

фондах), уполномоченными государственными органами или иными организациями, выполняющими функции собственника в компаниях с государственным участием; обеспечение участия Республики Беларусь в управлении компании с государственным участием; назначение представителей государства в органы управления компаний с государственным участием, если эта функция не передана в иной орган государственного управления или иной организации, осуществляющей полномочия собственника[8].

В 2024 г. в Республике Беларусь насчитывалось 2707 компаний с государственным участием, из которых на сельское хозяйство и промышленность приходилось более 50%. При этом за 2017–2024 гг. общее количество компаний с государственным участием снизилось на 22,5%. Сократилась и среднесписочная численность работников (см. рис. 1). Тем не менее их доля в общем числе занятых остается весьма существенной (см. рис. 2). Наибольшая часть занятых в компаниях с государственным участием приходится на те компании, в которых государство выступает контролирующим собственником (38,4% от общего числа занятых по данным за 2024 г.). В компаниях, где доля государства менее 50%, в 2024 г. работало 3,6% от общего числа занятых. Компании с государственным участием обеспечивают большую часть инвестиций в основной капитал по Республике Беларусь – в 2024 г. их доля составила 58,1%.

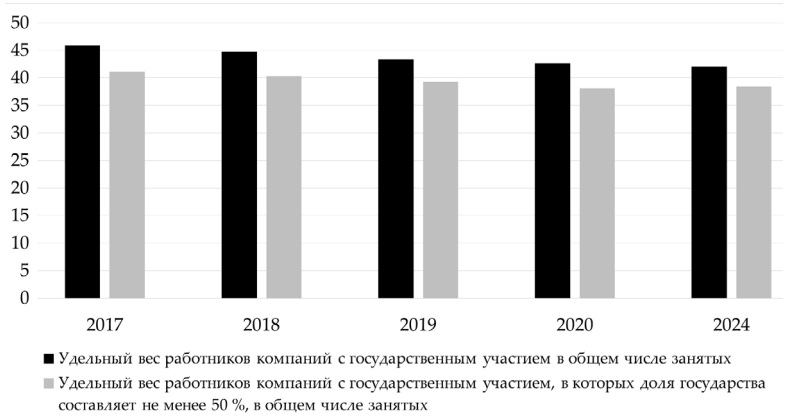

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 05.08.2025).

Рис. 1. Количество компаний с государственным участием в Республике Беларусь и среднесписочная численность работников данных компаний[9]

[8] Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2006 г. № 958 (с изм. и доп. от 01.01.2025). https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600958 – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 14.02.2025).

[9] Данные за отчетный год в период с 2021 по 2023 г. не раскрывались.

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 05.08.2025).

Рис. 2. Удельные веса работников компаний с государственным участием и работников компаний с государственным участием, где доля государства составляет не менее 50%, в общем числе занятых в экономике Республики Беларусь, %

Сокращение количества компаний с государственным участием в Республике Беларусь, составившее в целом за период с 2017 по 2020 гг.[10] 326 единиц, затронуло большинство выделяемых Национальным статистическим комитетом видов экономической деятельности. Так, в сельском хозяйстве сокращение составило 76 компаний, или 7% их общего числа. Отметим, что сокращение коснулось не только компаний с государственным участием. За период с 2017 по 2020 г.[11] общее количество организаций сельского хозяйства сократилось с 1509 до 1428 ед. (на 5,4%). При этом доминирующее положение компаний с государственным участием в отрасли сохранялось: по итогам 2020 г. компании с государственным участием составляли 63,5% от общего числа сельскохозяйственных организаций[12]. В строительстве число компаний с государственным участием уменьшилось на 62, или на 16%. Их доля в общем количестве организаций отрасли снизилась с 9% в 2017 г. до 7,4% в 2020 г.[13] Однако основной объем инвестиций в основной капитал строительных органи-

[10] Данные за более поздний период о количестве компаний с государственным участием в Республике Беларусь по видам экономической деятельности в открытом доступе отсутствуют.

[11] Отраслевые данные по компаниям с государственным участием за период с 2021 г. не публикуются.

[12] Рассчитано по данным: Сельское хозяйство Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2021. С. 18.

[13] Рассчитано по данным: Инвестиции и строительство в Республике Беларусь, 2021. Статистический буклет. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2021. С. 32.

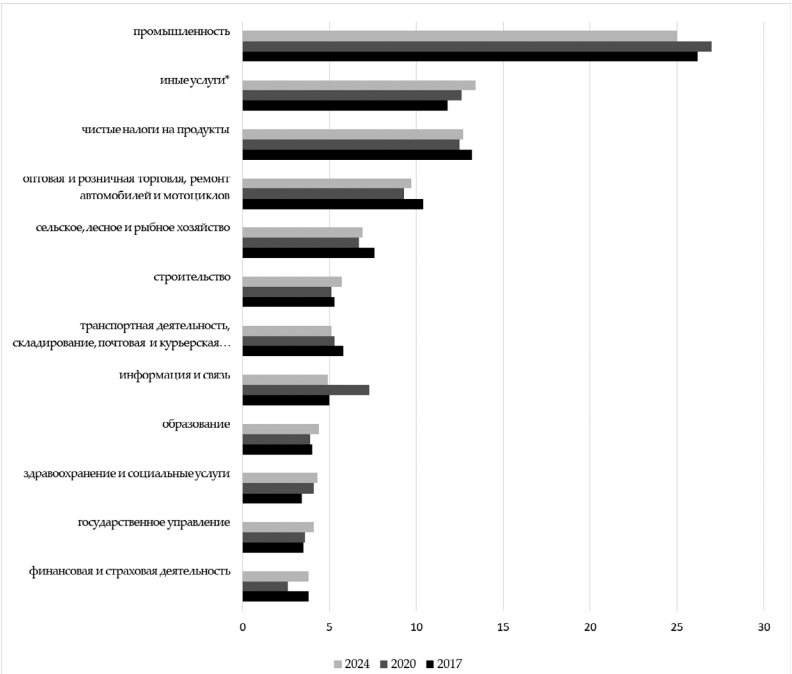
заций осуществляется именно в компаниях с государственным участием и существенного сокращения их доли в общем объеме инвестиций не произошло. Данный показатель составлял 64,6% и 63,6% по итогам 2017 и 2020 гг. соответственно[14]. На 56 единиц, или на 9%, сократилось количество компаний с государственным участием в обрабатывающей промышленности, в частности за счет таких видов деятельности, как: производство продуктов питания, напитков и табачных изделий – на 14 единиц, или на 10%; производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов – на 12 единиц (18,8%); производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха – на 8 единиц (8%). Существенное сокращение произошло среди компаний, предоставляющих услуги по временному проживанию и питанию – на 12 единиц (18, 5%); компаний, специализирующихся на оптовой и розничной торговле и ремонте автомобилей и мотоциклов – на 35 единиц (15,6%), организаций профессиональной, научной и технической деятельности – на 22 единицы (7,1%).

Следует отметить, что наибольший вес в структуре ВВП Республики Беларусь занимают промышленность, оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов, сельское, лесное и рыбное хозяйство и строительство (см. рис. 3). И именно в этих отраслях экономики роль компаний с государственным участием остается наиболее значимой. Так, в промышленном производстве, несмотря на некоторое снижение, в 2024 г. удельный вес компаний с государственным участием составил 69,5%. Снижается доля компаний с государственным участием в розничном товарообороте и обороте общественного питания (см. табл. 1). Одним из факторов этого является политика государства по развитию частного предпринимательства.

Ключевым нормативно-правовым актом, направленным на улучшение в стране бизнес-климата, является Декрет № 7 Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 года[15]. Указанным Декретом был упразднен ряд административных барьеров для предпринимательского сектора, в том числе введен уведомительный порядок регистрации бизнеса, относящегося к наиболее распространенным видам экономической деятельности, например в сфере туризма, предоставления социальных услуг, в сфере торговли и общественного питания, перевозки пассажиров

[14] Рассчитано по данным: Инвестиции и строительство в Республике Беларусь, 2021. Статистический буклет. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2021. С. 13.

[15] Декрет № 7 Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 года. https://president.gov.by/ru/documents/dekret-7-ot-23-nojabrja-2017-g-17533 (дата обращения: 15.02.2025).

* К иным услугам относятся услуги по временному проживанию и питанию, операции с недвижимым имуществом, профессиональная, научная и техническая деятельность, деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг, творчество, спорт, развлечения и отдых, предоставление прочих видов услуг.

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 05.08.2025).

Рис. 3. Структура ВВП Республики Беларусь по видам экономической деятельности, в % к итогу

Таблица 1

Удельный вес компаний с государственным участием в товарообороте розничной торговли и общественного питания в Республике Беларусь, %

Товарооборот розничной торговли и общественного питания	2017	2018	2019	2020	2024
Розничный товарооборот организаций торговли	17,5	16,6	16,2	14,9	13,2
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	5,9	5,3	4,9	4,1	4,0
Товарооборот общественного питания	38,0	35,7	32,5	30,5	21,1
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	11,1	10,1	9	8,7	7,1

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 05.08.2025).

и багажа, производства стройматериалов и др. Сокращено вмешательство государственных должностных лиц в деятельность организаций частного сектора, приняты меры по усилению механизмов саморегулирования. Предпринимаются и другие меры по развитию частной предпринимательской деятельности: введены преференции для производственного предпринимательства в сельской местности, оказывается государственная финансовая поддержка, предоставляемая на конкурсной основе при реализации инвестиционных проектов либо бизнес-проектов по приоритетным направлениям, для малого бизнеса предусмотрены программы льготного кредитования. В октябре 2024 г. было принято решение о расширении инструментов государственной финансовой поддержки предпринимательства, в том числе предоставляемой на безвозмездной основе, и доступа к ним: реципиентами такой поддержки смогут стать не только представители малого бизнеса, но и среднего[16]. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь[17], количество коммерческих организаций с 2016 по 2023 г. увеличилось в Республике Беларусь на 6,5%. Очевидно, что при сокращении числа компаний с государственным участием рост обеспечивается частным предпринимательским сектором.

Несмотря на сокращение числа компаний с государственным участием, их доля в экспорте товаров существенно не изменилась и остается весьма значительной (см. табл. 2). При этом наибольший вклад вносят компании, где государство выступает контролирующим собственником. Существенный рост удельного веса данных компаний в общем объеме экспорта товаров по сравнению с предыдущими отчетными периодами, по которым имеются данные, наблюдался по итогам 2024 г. Важнейшими экспортными товарами Республики Беларусь выступают продукция машиностроения, пищевой, нефтехимической промышленности, металлургии[18], т.е. отрасли с высокой долей участия государства в капитале предприятий. Доля компаний с государственным участием в экспорте услуг за рассматриваемый период снизилась, однако данные за 2024 гг. свидетельствуют о возможности смены данной тенденции. Сокращается доля компаний с государственным участием в импорте товаров и услуг, что может быть обусловлено развитием импортозамещения.

[16] Предпринимательство в Беларуси: перезагрузка. Изменения в законодательстве Беларуси / Могилевский областной исполнительный комитет, 08.05.2024. https://mogilev-region.gov.by/page/116050-predprinimatelstvo-v-belarusi-perezagruzka-izmeneniya-v-zakonodatelstve-belarusi (дата обращения: 15.02.2025).

[17] Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2024. С. 167.

[18] Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. https://mfa.gov.by/export/foreign_trade/ (дата обращения: 21.05.2025).

Таблица 2

Удельный вес компаний с государственным участием в объемах экспорта и импорта товаров и услуг в Республике Беларусь, %

Экспорт и импорт	2017	2018	2019	2020	2024
Экспорт товаров	45,9	44,8	43,4	42,7	39,3
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	25,9	23,4	22,8	23,5	32,7
Импорт товаров	28,8	29,1	28,2	22,7	18,4
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	14,3	15,3	14,8	13	9,8
Экспорт услуг	35,8	33,2	27,4	23,1	31,9
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	13	11,8	9,1	7,1	16,0
Импорт услуг	42,3	42,3	34,7	32,5	36,7
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	14,6	12,9	10,6	9,9	19,4

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 05.08.2025).

Широкий круг исследователей обращает внимание на низкую эффективность деятельности белорусских компаний с государственным участием [3-10]. Однако до 2019 г. показатели рентабельности продаж и рентабельности реализованной продукции, товаров, работ и услуг у компаний с государственным участием были выше среднерыночных (см. табл. 3). С 2019 г. по настоящее время наблюдается отрицательная динамика: показатели рентабельности снижаются как в абсолютном выражении, так и относительно средних показателей по экономике. При этом среди компаний с государственным участием доля убыточных ниже, чем в среднем по экономике. Следует отметить также, что по итогам 2024 г. доля таких компаний существенно сократилась и достигла минимума за период наблюдений.

О недостаточной эффективности белорусских компаний с государственным участием и свидетельствует и тот факт, что большая часть просроченной задолженности по кредитам и займам приходится именно на них. Следует также обратить внимание на высокие значения просроченной кредиторской и дебиторской задолженности (см. табл. 4). Формируемый таким образом кредитный риск представляет собой угрозу для национальной финансовой стабильности. Отдель-

Таблица 3

Показатели эффективности деятельности компаний с государственным участием Республики Беларусь, %

Показатели эффективности	2017	2018	2019	2020	2024
Рентабельность продаж компаний с государственным участием	8,2	7,6	6,8	6,7	6,2
Рентабельность продаж по экономике Республики Беларусь	7,9	7,5	6,9	7,8	6,4
Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг	10,2	9,4	8,4	8,3	7,4
Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг по экономике Республики Беларусь	9,8	9,2	8,5	9,7	7,7
Удельный вес убыточных организаций среди компаний с государственным участием	13,6	12,9	11,4	13,1	7,7
Удельный вес убыточных организаций среди организаций Республики Беларусь	20,8	20,6	19,9	21,8	10,0

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 05.08.2025).

Таблица 4

Отдельные финансовые показатели, характеризующие деятельность компаний сгосударственным участием Республики Беларусь, %

Финансовые показатели	2017	2018	2019	2020	2024
Просроченная дебиторская задолженность	79	78,9	76,5	76,1	73,0
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	78,6	78,5	71,5	57,6	36,5
Просроченная кредиторская задолженность	75	77,1	71,5	69	69,7
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	73,7	75,9	64,7	58,2	46,3
Просроченная задолженность по кредитам и займам	78,9	85,8	80	77,6	68,9
в т.ч. по компаниям, где в собственности государства не менее 50% акций (уставного фонда)	78,9	85,7	69,8	61,9	46,4

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 05.08.2025).

ного внимания заслуживает также то, что компании с государственным участием пользуются преференциями по доступу к заемным ресурсам, в числе которых субсидирование кредитной ставки за счет средств государственного бюджета, что ведет к увеличению фискальных рисков. По оценкам Национального банка Республики Беларусь, «ежегодные объемы кредитования предприятий с господдержкой в 2020–2023 гг. составляют от 3 до 4,5% к ВВП»[19].

Обсуждение результатов и выводы

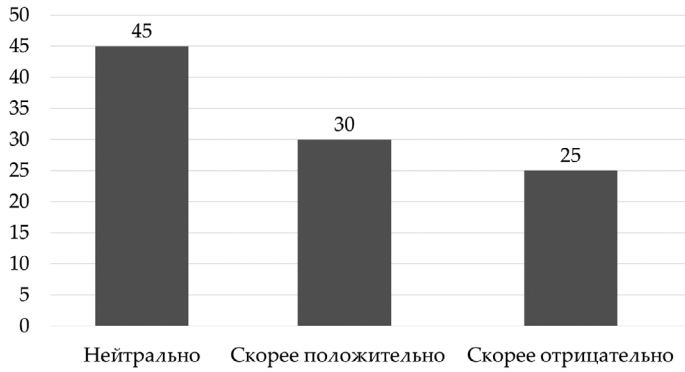
Обобщая результаты анализа статистических данных о деятельности компаний с государственным участием в Республике Беларусь, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, прослеживается тенденция к сокращению числа компаний с государственным участием и соответствующее снижение числа работников данных компаний. Последнее отдельными исследователями трактуется как «утрата "социальной" функции» [9, с. 3] компаний с государственным участием. Однако, как было показано, доля работников компаний с государственным участием в общем объеме занятых по-прежнему высока. В связи с этим указанная трактовка представляется спорной. Снижение числа занятых в компаниях с государственным участием, на наш взгляд, это естественное следствие сокращения общего числа таких компаний. При этом сокращение происходит преимущественно за счет компаний, экономическая деятельность которых не относится к стратегически важной. Отметим также, что оно сопровождается сокращением доли компаний с государственным участием в общем объеме просроченной задолженности по кредитам и займам организаций и сокращением доли убыточных компаний с государственным участием, т. е. можно предположить, что взят курс на реформирование компаний с государственным участием, сокращение непрофильных и неэффективных активов.

Во-вторых, значимая роль компаний с государственным участием в промышленном производстве, в общем объеме экспорта товаров и услуг, прослеживающаяся в экспортной деятельности положительная динамика, а также рост их доли в общем объеме инвестиций в основной капитал не позволяют подтвердить тезис о снижении доминирующей роли данных компаний в национальной экономике. Ука-

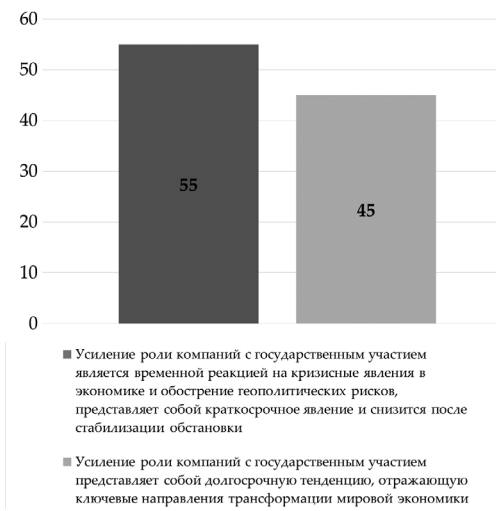
[19] Обеспечение финансовой стабильности в 2023 году и задачи на 2024 год. Доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д.Л. Калечица на расширенном заседании Правления / Национальный банк Республики Беларусь. https://www.nbrb.by/press/2024/01/doklad_stability_2024.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

занные тенденции свидетельствуют о концентрации фокуса внимания со стороны государства на стратегических отраслях, что можно трактовать как возрастание его роли в экономике. Представители Института экономики НАН Беларуси[20] в целом оценивают нейтрально или положительно такой эффект (см. рис. 4) и связывают его преимущественно с краткосрочными кризисными явлениями в экономике (см. рис. 5).

Источник: составлено автором по результатам опроса.

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете возрастание роли компаний с государственным участием в мировой экономике?», в % от общего числа респондентов

Источник: составлено автором по результатам опроса.

Рис. 5. Оценка респондентами причин усиления роли компаний с государственным участием, в % от общего числа респондентов

[20] Опрос научных сотрудников Института экономики НАН Беларуси был проведен в сентябре 2024 г. В опросе приняли участие 20 представителей Института экономики НАН Беларуси.

В-третьих, несмотря на то, что компании с государственным участием находятся в привилегированном положении относительно компаний частного сектора (в частности, в вопросах привлечения финансирования), показатели, характеризующие эффективность деятельности компаний с государственным участием, ниже среднерыночных значений. Это свидетельствует о неэффективности бизнес-процессов и низком качестве управления.

Заключение

Возрастание роли компаний с государственным участием – это общемировой тренд, отмеченный во многих исследованиях [10, 11, 12, 13; 14; 15]. Зачастую компании с государственным участием выполняют роль драйверов экономического роста, способствуют технологическому развитию и успешному внедрению инноваций [16, 17, 18]. При этом в обеспечении эффективности их деятельности первостепенную роль играет качество институциональной среды [19]. Белорусские компании с государственным участием служат важнейшим инструментом реализации государственных целей. Однако их низкая эффективность формирует риски утраты стабильности национальной экономики, а их поддержка со стороны государства существенно обременяет государственный бюджет. В сложившихся условиях в Республике Беларусь возрастает необходимость трансформации системы управления компаниями с государственным участием и координации их деятельности со стороны государства. Анализ институциональной среды, необходимый для выработки соответствующих решений, может стать одним из направлений дальнейших исследований деятельности компаний с государственным участием Республики Беларусь.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному коллективу Института экономики НАН Беларуси за участие в опросе и обсуждении проблем компаний с государственным участием, а также лично Марине Викторовне Лебедевич за помощь в организации опроса.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Астахова С.В.* Белоруссия: сотрудничество с Россией в условиях санкций // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 103-111. [*Astakhova S.* Belarus: Cooperation with Russia in the Conditions of the Sanctions // Russia and New States of Eurasia. 2023. No. 2 (59). Pp. 103–111. (In Russ.).] DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-103-111. EDN: RGJEMQ.
2. *Grosman A., Kozarzewski P., Okhmatovskiy I.* Varieties of capitalism in central and eastern Europe. In book: Oxford Handbook of Central and East European Management and OrganizationsPublisher: Oxford University Press, 2023.

3. *Рудый К.* Государственный капитализм в Беларуси // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 4. С. 77–85. [*Rudy K.* State Capitalism in Belarus // World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60. No. 4. Pp. 77–85. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-4-77-85. EDN: VZRXNP.
4. *Rudy K.* State Capitalism in Belarus: Behind Economic Anemia [Internet]. Public Sector Crisis Management. IntechOpen, 2020. DOI: 10.5772/intechopen.93606.
5. *Рудый К.* Поведенческая экономика: основные характеристики в Беларуси // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 36–44. [*Rudy K.* Behavioral Economy: Main Features in Belarus // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 6. Pp. 36-44. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-36-44. EDN: XQMYTR.
6. *Rudy K.* State Capitalism Reforms and the Path for Belarus: Financial Diet. Cambridge Scholars Publishing, 2020.
7. *Kozarzewski P., Papko A.* The Belarusian Development Path: From Command Economy to State Capitalism? In: Ricz J., Gerőcs T. (eds.). The Political Economy of Emerging Markets and Alternative Development Paths. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-20702-0_7.
8. *Гайдук К.* Сектор госпредприятий: структурные вызовы // Банкаускі веснік. 2020. № 3. С. 26–30. (На русск. яз.). [*Hajduk K.* The sector of state-owned enterprises: structural challenges // Bankauski vesnik. 2020. No. 3. Pp. 26–30. (In Russ.).]
9. *Данейко П., Чубрик А., Гайдук К., Борнукова К., Крук Д.* Трансформация сектора государственных коммерческих предприятий в Беларуси // Исследовательский центр ИПМ, Центр экономических исследований BEROC, 2020. https://research.by/webroot/delivery/files/pdp2020r07.pdf (дата обращения: 11.02.2025). [*Daneyko P., Chubrik A., Gaiduk K., Bornukova K., Kruk D.* Transformation of the sector of state-owned commercial enterprises in Belarus // IPM Research Center, BEROC Center for Economic Research, 2020. https://research.by/webroot/delivery/files/pdp2020r07.pdf (accessed: 11.02.2025). (In Russ.).]
10. *Фролова Н.Д.* Управление компаниями с государственным участием (зарубежная практика): Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024. [*Frolova N.D.* The governance of companies with state participation (international experience): Scientific report. M.: Institute of Economics of the RAS, 2024. (In Russ.).]
11. *Kim K.* The Role of State Ownership: Overview of State-Owned Entities in the Global Economy. Roosevelt Institute, 12.02.2024. https://rooseveltinstitute.org/publications/the-role-of-state-ownership
12. *Alami I., Dixon A. D., Gonzalez-Vicente R., Babic M., Seung-Ook L., Medby I. A., Graaff N.* Geopolitics and the 'New' State Capitalism // Geopolitics. 2021. Vol. 27. Iss. 3. Pp. 995–1023. DOI: 10.1080/14650045.2021.1924943.
13. *Vagliasindi M., Cordella T., Clifton J.* Introduction: Revisiting the Role of State-Owned Enterprises in Strategic Sectors // Journal of Economic Policy Reform. 2022. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 1–23. DOI: 10.1080/17487870.2022.2080409.
14. *Bernier L, Florio M., Bance Ph.* The Routledge Handbook of State-Owned Enterprises. New York. Routledge. 2020. DOI: 10.4324/9781351042543.
15. *Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д.* К вопросу развития предпринимательской деятельности государства // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 5–16. [*Smotritskaya I.I., Frolova N.D.* To the issue of development of entrepreneurial state

activity // Society and Economy. 2024. No. 4. Pp. 5–16. (In Russ.).]. DOI: 10.31857/S0207367624040012.
16. *Qi H., Kotz D.M.* The Impact of State-Owned Enterprises on China's Economic Growth // Review of Radical Political Economics. 2020. Vol. 52. Iss. 1. Pp. 96–114. DOI: 10.1177/0486613419857249.
17. *Belloc F.* Innovation in State-Owned Enterprises: Reconsidering the Conventional Wisdom // Journal of Economic Issues. 2014. No. 48 (3). Pp. 821–848. DOI: 10.2753/JEI0021-3624480311.
18. *Castelnovo P.* Innovation in private and state-owned enterprises: A cross-industry analysis of patenting activity // Structural Change and Economic Dynamics. 2022. Vol. 62. Pp. 98–113. DOI: 10.1016/j.strueco.2022.05.007.
19. *Полтерович В.М.* Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 1. Приватизация: проблема эффективности // Экономическая наука современной России. 2012. №. 4 (59). С. 7–23. [*Polterovich V.M.* Privatization and the rational ownership structure. Part 1: privatization: the efficiency problem // The economic science of modern Russia. 2012. No. 4 (59). Pp. 7–23 (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *18.02.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *07.08.2025 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролова Надежда Дмитриевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований проблем государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3696-2688
nrasskazikhina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda D. Frolova – Ph.D in Economic Sciences, Senior Researcher of the Center for Public Administration Research, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3696-2688
nrasskazikhina@yandex.ru

ON THE ROLE OF STATE-OWNED ENTERPRISES IN THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines modern research approaches to assessing the role of state-owned enterprises (SOEs) in the economy of the Republic of Belarus. There are the results of the analysis of the main statistical indicators characterizing the activities of Belarusian SOEs. The study highlights key trends of their development and emphasizes dominant role of Belarusian SOEs in the national economy. The risks caused by the low efficiency of the management system are also emphasized.

Keywords: *state-owned enterprises, state capitalism, government's role in the economy, effectiveness of state-owned enterprises, management of state-owned enterprises.*
JEL: H82, H32, P26.